УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 4 (70). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

ISSN 2413-1695
Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 61823
от 18 мая 2015 года

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.
Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Данченко Н. Ю.

Редактор электронной версии: Шкорубская Е. Г.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Андрющенко И. А.	к. культурологи, доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Гросфельд Е.В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А.П.	к. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-016-5387 Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: natalya_danchenko@rambler.ru
Сайт: http://sn-philcultpol.cfuv.ru/

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:
Формат 70х100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78
Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 3–12.

УДК 1.122

FAKENEWS И «ТРЕТЬЯ ЛИНИЯ»

Братина О. А.[1], Братина Б. Р.[2]

[1]Удмуртский государственный университет, философская школа «PROXIMA: социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте», г. Ижевск, Российская Федерация

E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

[2]Университет в Приштине (Косовска Митровица), г. Белград, Сербия.

E-mail: bokibor@yahoo.com

Авторы статьи исследуют условно неточное использование, подмену и разрыв причинно-следственных связей при вынесении умозаключения на примере актуального для современной действительности феномена Fakenews. Fakenews как медиум интервенирует свое бытие, действуя в рамках строго формальной логики. Всякое мышление прямо или косвенно имеет отношение к созерцанию, но большинство аудитории так и остается на уровне анастезированного восприятия Fakenews как данности и завершенной картины бытия. Fakenews конструируют образ, регулярно транслируемый посредством медиа. Постоянное повторение новостных лент независимо от того, истинные предпосылки или ложные, закрепляет в индивидуальном и общественном сознании оценочные суждения о политике, экономике, истории, культуре и спорте. В случае принятия новостей существует негласная конвенция между адресантом и адресатом, позволяющая принимать желаемое за действительное. Так реципиент делает вывод из неточной предпосылки, будучи убежденным, что предпосылка верна. В этом разница адресанта и адресата. Адресант (автор новостей) знает, что предпосылка неточная, а адресат (тот, кто получает новости, воспринимающий), этого не знает. Реципиент обладает информацией, но не знанием, делая ошибочные выводы, что и является желаемым результатом авторов новостей. Создать иллюзию знания, но не знание, убеждение, которое является заблуждением.

Ключевые слова: материальная импликация, Fakenews, общественное сознание, идеология.

Гоголь переоделся Пушкиным,
пришел к Пушкину и позвонил.
Пушкин открыл ему и кричит:
«Смотри, Арина Родионовна, я пришел!»
Даниил Хармс. Литературные анекдоты

Целью исследования является экспликация логической структуры, коммуникативной специфики и медийных функций Fakenews.

В классической логике условное утверждение имеет форму «p⇨q». Оно ложно, если p «истинно», а q – «ложно», и истинно во всех остальных случаях, при этом обычно не принимается во внимание связь суждений между собой. Составленное из них условное утверждение может быть истинным и носит название «материальной импликации». Условно неточное использование, подмена или даже разрыв причинно-следственных связей при вынесении умозаключения мы хотели бы исследовать через призму актуального на данный момент феномена Fakenews.

У Канта в «Критике чистого разума» (глава «Трансцендентальная эстетика») познание начинается с созерцания: «Созерцание – есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как средству стремится всякое мышление» [1, С. 12]. Созерцание имеет место, «только там дается предмет» [1, С. 12], а это возможно, если предмет (новость, объект) «воздействует на нашу душу» [1, С. 12].

В познавательной картине мира современного человека созерцание занимают большой объем. Новости оседают в памяти в виде ярких псевдореалистичных картинок. Посредством чувственности предметы даются, «мыслятся же рассудком» [1, С. 13], из которого возникают понятия. Но до рассудочного познания большинство аудитории не доходит. Проверить информацию, оперировать понятиями по ряду причин необходимо далеко не всем. Время, мотивация и ресурс являются в процессе восприятия движущими причинами. Всякое мышление прямо или косвенно имеет отношение к созерцанию. Многие так и остаются на первом уровне познания, принимая Fakenews как готовую, завершенную картину бытия.

Мы начали свою статью с Литературного анекдота Даниила Хармса: «Гоголь переоделся Пушкиным, пришел к Пушкину и позвонил. Пушкин открыл ему и кричит: “Смотри, Арина Родионовна, я пришел!”» [2].

Этот «литературный анекдот» прекрасно иллюстрирует суть Fakenews. Есть вымышленное событие или вымышленный персонаж («Пушкин», то есть переодетый Гоголь), который не только внедряется в действительность («пришел к Пушкину и позвонил»), но и создает действие («Смотри, Арина Родионовна, я пришел!»). Fakenews случается во встрече вымышленного (пеpодетого) Пушкина и реципиента (Арины Родионовны). Во Fakenews важна реакция Арины Родионовны: ирония, разоблачение, подыгрывание ситуации, принятие ситуации, вера. Все оттенки отношения к «вымышленному», неточному, ложному, фиктивному, симуляционному событию или персонажу и создают ситуацию актуальной действительности.

Материальная импликация не выполняет свою функцию обоснования, но функцию дискурсивного воздействия в средствах массовой информации Fakenews выполняет отлично. В современном мире Fakenews стали частью официальной политики и, если решиться сказать смелее, не только проникли в новости, но и стали каждой новостью.

Принятие Fakenews проходит несколько стадий:

1) созерцание (восприятие «картинки» демонстрации с транспорантами, надписи которых не видны, так как транслируются в эфире короткое время);

2) восприятие – фактор воздействия времени и эмоций (сопровождающая музыка, фон);

3) контекст – существующая индуктивная база будет использоваться СМИ в будущем: обращение к теме, повтор, продолжение темы и «приручение» к ней зрителя;

4) формирование новых понятий на основе вымышленных причинно-следственных связей (новые определения и имена событий и лидеров).

Так, сфабрикованные снимки обычный зритель не различит, но человек заинтересованный (к примеру, Роджер Ватерс) найдет материал в источниках, сопоставит и сделает свой вывод.

В 1963 году Эдмунд Геттиер в работе «Является ли знанием истинное и обоснованное мнение?» [3] утверждал, что реципиент может обладать истинным убеждением, имея в запасе твердые основания, но не может обладать знанием в полном смысле слова. Геттиер рассматривал 2 контрпримена (с Джонсом и Смитом по поводу новой должности и 10-центовой монеты и пример с автомобилем «Фордом» и Барселоной). В тех примерах показана вероятность ошибки при наличии обоснования, что мнение может быть ошибочным с учетом определенного фактора случайности. Не всякое высказывание является знанием. S знает, что P, если P истинно; S убежден в том, что P истинно, S имеет все основания быть убежденным в том, что P истинно.

Умозаключение верно по формальным законам логики, но не является достаточными для того, чтобы считать высказывание «S знает P» истинным. Реципиент оправданно убежден в истинности P и таким образом субъект оказывается в положении полного убеждения в ложном высказывании.

Примеры Геттиера показывают, что некоторые определения не содержат достаточных условий для того, чтобы высказывание могло считаться знанием. Пример:На Садовой-Спасской улице некто S обращает внимание на старинный дом XIX в. и формулирует соответствующее суждение: «Дом 12 по Садовой-Спасской является старинным» [4]. Данное высказывание не является знанием. Предположим, что все остальные старинные здания на Садовой-Спасской улице давно снесены и заменены «новоделами» со стилизованными под старину фасадами. Утверждение основано на том, что здание выглядит старинным, но таковым не является.

Fakenews конструируют образ, регулярно транслируемый посредством медиа. Аудитория часто воспринимает новости в качестве готового умозаключения, не имея времени самостоятельно установить истинные причинно-следственные связи того или иного события. Пример: p – «Русские шпионы используют яд», q – «Новичок – слово русского происхождения», следовательно, «Русские шпионы используют яд “Новичок”». Это ложное утверждение сфабриковало политическую действительность с легитимными санкциями против России. Постоянное повторение новостных лент независимо от того, истинные предпосылки или ложные, закрепляет в индивидуальном и общественном сознании оценочные суждения о политике, экономике, истории, культуре и спорте.

Разницу между мотивированным суждением истинного восприятия и пустым суждением ложного восприятия определяют движущие причины: время, мотивация

и ресурс. Так, сбор индуктивной базы темы «русской опасности» начался еще со времен рассказа медиа о династии Романовых, после о революции 1917 года, после о сталинизме и в общем, о самих русских как врагах цивилизации. Всякое мышление прямо или косвенно имеет отношение к созерцанию, но большинство аудитории так и остается на уровне наивно чувственного восприятия, принимая Fakenews как данность и завершенную картину бытия. Как всякая картина, она имеет лицевую и изнаночную стороныю Для Fakenews важна лицевая, фасад, который делает «новодел» похожим на старинный особняк и позволяет реципиенту быть уверенным, убежденным, что это и есть старинное здание XIX века, но не обладать знанием.

Fakenews существовали всегда, но работали по-другому. Ранее они основывались на свидетельствах (например, исторический рассказ об индейцах или примитивных племенах). С развитием медиа потребность в свидетельствах отпала, так как стало возможным фабриковать новости, создавать их, вымышлять. Так, манипуляции общественным сознанием дали в свое время действенный исторический повод для бомбардировки Югославии в 1999 году или бомбардировки Ирака в 2003 году (примеры многочисленны). Последние полвека дают нам резон делать общее заключение, что реципиент не в силах проверить достоверность новостей из-за недоступности ресурсов.

Лицевая сторона любого явления выполняет функцию внешнего нормирования со стороны традиции, культуры и социальных институтов. Лицевая сторона выставляет напоказ предметы, явления, разрешая видеть их. «Благодаря фасаду вещь, хранящая свою тайну, предстает замкнутой в своей монументальной сущности и мифологичности, где она сверкает великолепием, но не раскрывает себя» [5, С. 199]. Процесс предъявления знаков на лицевой стороне взору другого связан с процессом мифологизации: можно предъявить несуществующее или предъявить выборочно, стремясь к контролю и манипулированию впечатлениями реципиента. В лекции «Злой демон образов» Ж. Бодрийяр [6, С. 64] утверждает, что образ обладает собственной имманентной логикой, имморальной логикой без глубины, по ту сторону добра и зла, по ту сторону истины и лжи. Не мир, а картина мира, не личность, а образ личности, не лицевая и изнаночная, а шов, которым пишется биография. «Юнгеровская линия имплицитно связана с линией фронта, экзистенциальный предел связан с осознанием абсурда, а современная демаркационная линия вбирает в себя и лицевую, и изнаночную стороны, оставляя на поверхности швы, следы, раны, шрамы, суть которых в них самих. Размываются коннотации между “да” и “нет”, и мы оказываемся по ту сторону лицевой и изнаночной» [7, С. 255].

М. Маклюэн выделял «теплые» и «холодные» медиа. Исторически победили «холодные», когда адресат имеет возможность быстрого включения в процесс, молниеносно оставляя комментарии, «лайки», ответные «видеогиффы». Новые образы цензуры в виде социальных сетей, коммуникации в фэйсбуке, например, не только не останавливают процесс мифо- и новостного творчества, но, наоборот, расширяют его.

Лицевая сторона похожа на фасад здания, публично предъявленная поверхность. Лидеры политических партий во время съемок избавляются от очков и сигарет, стараясь приблизить свой облик к идеальному. Еще полвека назад Ролан Барт писал, что в предвыборной компании кандидаты предъявляют не только политическую программу, но и картину мира [8, С. 62].

Внутренняя сторона, сокровенная и глубинная, противопоставляется внешней, поверхностной и наружной. Изнаночная сторона утверждается через отрицание лицевой: «Обращать изнанку в лицо – значит перелицовывать, выворачивать» [9, С. 82]. Изнанка – тыл, ничка, нелицевая, внутренняя, оборотная или нижняя сторона чего-либо. Она скрыта, обычно отрицательно воспринимается. Из народной мудрости: «На лицевой стороне монеты орел, на оборотной (ничке) надпись» [9, С. 83]. Вот эта надпись и несет содержание, которое предъявляется лицом. Изнаночная сторона скрывается и прячется.

Ноам Хомски в книге «Что на самом деле хочет Америка» («Шта то устварихоће Америка») сказал: «С целью служения власти медиа вынуждены показывать мир как можно реалистичнее» [10, С. 72]. Хочется добавить, и как можно логичнее. Поэтому профессионалы в области медиа используют так называемую «третью линию» материальной импликации при создании фальшивых новостей. Они выглядят будто логично, последовательно, причинно-следственные связи сохранены и соблюдены. Обычный потребитель новостей бегло услышав информацию, соглашается с ней, ведь на поверхности восприятия все логично. «Свежий» для осени 2018 года пример: p – забастовка против режима правления Даниэля Ортеги. Если забастовки имеются, то q – «Даниэль Ортега – диктатор». Когда со временем узнали, что вырезанные «кадры» съемок демонстраций в защиту, а не против правления Д. Ортеги, это ничего не изменило. В течение нескольких часов в эфире циркулировало утверждение q – «Даниэль Ортега – диктатор» и утверждение закрепилось в общественном сознании. Так работают Fakenews. Внешне логика событий соблюдена. Если есть забастовки, то правитель-диктатор. Однако Fakenews остались на уровне созерцания (упомянутое выше короткое восприятие «картинки» демонстрации с плакатами, надписи на которых не видны). Используется уже существующая семантико-индуктивная база на все темы, в том числе на тему «режим правления».

В случае принятия новостей существует негласная конвенция, позволяющая принимать желаемое за действительное («новодел» за старинный особняк XIX века вследствие того, что выглядит как старинный, из-за фасада). Так реципиент делает вывод из неточной предпосылки, будучи убежденным, что предпосылка верна.

В этом разница адресанта и адресата. Адресант (автор новостей) знает, что предпосылка неточная, а адресат (тот, кто получает новости, воспринимающий), этого не знает. Реципиент таким образом обладает информацией, но не знанием. Он делает ошибочный вывод, что и есть желаемый результат работы автора новостей. Создать иллюзию знания, убеждение.

Существует информационный и семантический контекст любой темы. Про Каддафи, Садама Хусейна, Слободана Милошевича, Даниэла Ортегу, Эво Моралеса, Уго Чавеса, Ким Чен Ына говорят не раз на день, закрепляя

определенные формулировки. Это борьба и агрессивный интерес за доминацию, в которую включены медийные и властные структуры. В СМИ создается контекст наподобие притчи о русских медведях на улицах сибирских городов или племенах ганнибалов в этническо-антропологическом обзоре.

Fakenews в медиапространстве задает новые исторические акценты. Передачи, комментарии, эмоциональные интонации дикторов и ведущих, визуальный ряд определяют канву любого социального явления: отношение и значимость. Это своего рода метакод свершившегося и несвершившегося исторического события. Р. Барт анализировал явление «всеобщей» мифологизации массовой культуры как сообщение, которое оставалось инстанцией нормы: «ничего не запрещая прямо, они (медиа) эффективно делают это косвенно через рекламу “подлинного” и “настоящего”» [8, С. 70].

Сейчас Fakenews уже ничего не делают косвенно, все напрямую. Они прямо врут, создают и распространяют вымышленную или ложную информацию, имея при этом буквально легитимное разрешение. Люди создают «спектакль» отравления химическим оружием в Сирии, поливая водой взрослых людей и плачущих детей, поскольку эмоциональный накал создает ажиотаж, скандал. Распространяют ролик по телевизионным каналам, участвуют в последующих пресс-конференциях, объявляя, что все живы и здоровы, но сенсация уже состоялась, как состоялся политический резонанс.

При очередной медийной контрреволюции происходит смена идеологических парадигм и терминологии, которая становится речью обычных людей. Например, в современном медиапространстве ключевым словом является слово «безопасность». Оборона, протесты, политические решения принимаются в целях национальной безопасности любой страны. Пять лет назад таким выражением было «права человека»: оборона, протесты и политические решения принимались ради соблюдения прав граждан. Исторический пример: в России 19 августа 1991 года состоялось историческое событие, значение которого историками до конца не определено. Это был военный переворот с временным отстранением М. С. Горбачева от власти. Несколько дней страной управлял так называемый «ГКЧП» – государственный комитет по чрезвычайному положению. Одно из неудачных имен временного правительства, не вызвавшее серьезного отношения со стороны народа. ГКЧП свергли через 3 дня. Кто знает, как сложилась бы судьба страны, если бы этот «орган» именовали не ГКЧП, а «революционный комитет».

Fakenews как метод идеологического давления систематически вносят дезинформацию, становясь реальным очагом действий. Они проявляются в разных формах: сатира, пародия, создание фиктивного события, несвязанность заголовков и содержания, вольная интерпретация, обращение к цитатам секретных источников. Медиа работают как в визуальном, так и вербальном режиме психологического воздействия на аудиторию. Так, во времена югославских событий 1990-х годов в прессе циркулировала терминология: «этнические хорваты и локальные сербы», «этнические албанцы и локальные сербы», «этнические мусульмане и локальные сербы» с целью довести до уха среднестатистического воспринимающего

заблуждение, что сербы никогда не имели постоянной исторической территории, – так называемая инквизиция современного мира.

Даниэль Ортега – «никарагуанский государственный и политический деятель, один из лидеров Сандинистской революции 1979 года, свергнувший режим Анастасио Сомосы, президент Никарагуа с 1985-1990 и с 10 января 2007», в интервью «Evronews» сказал: «Я читаю в ваших заголовках: “100 дней... 300 убитых”. У нас немало правозащитных групп, которые финансируются США. Их задача – выдавать фэйк» [11].

Разграничительная линия между «видеть» и «полагать, что видишь» это разница между мотивированным суждением истинного восприятия и пустым суждением пустого восприятия. Обычный человек выносит суждения на основе целостного материала. Пустое восприятие как пустые пиксели в современноймедиасистеме превалирует. Журналисты часто преподносят информацию по принципу: «Из лжи следует все», в то время как из лжи ничего не следует, а многие люди, потребители информации, живут по принципу: лучше быть плохо информированным, чем не информированным вообще.

Информационная сеть захватывает публику посредством активных коротких сюжетов, репортажей, подробно рассматривать которые реципиент не имеет времени или необходимого ресурса.

По аналогии с книгой Борхеса «Всеобщая история бесчестья» [12] Fakenews можно назвать новой историей бесчестия, поскольку границы морали размыты в самом начале принятия этой идеологической войны. «Эта лестница псевдонимов (утомляющих, как маски на лицах, когда толком не знаешь, кто есть кто) не приводит к его подлинному имени, если мы и осмелимся представить, будто нечто подобное вообще существует» [12, С. 72].

Мы не утверждаем, что Fakenews – новое явление. Дословный перевод Fakenews как «ложные новости» позволяет смотреть на них как на метод воздействия. В современной действительности Fakenews не нуждаются в свидетелях и очевидцах, они подтверждают смерть субъективности и ренессанс картины мира.

С уверенностью можем сказать, что современные СМИ приближаются к идеалу монадической системы функционирования Лейбница. Каждый из нас уверен, что может поддерживать связь друг с другом, но только и исключительно через «верховную монаду». Она передает содержание от пользователя к пользователю и ничего кроме, что передает «верховная монада», не входит в расчёты, потому как монады действительно закрыты и «не имеют окон». Другими словами, у них нет независимой, свободной коммуникации. Она находится под строгим контролем центральной монады и является единственно возможной [13, С. 46].

Такая модель режимной работы современных медиа не поддерживает свободную коммуникацию их пользователей. Целенаправленный и тщательно контролируемый процесс обмена информацией мы могли бы назвать имперской моделью коммуникации. Большой Брат заменил «умершего» 120 лет назад Бога не только в философии. На его месте появился «святой» Google, представляющий всевидящую и всезнающую центральную монаду.

Аудитория информационных каналов готова смириться с ошибками и ложью, в ней уже взрощена пассивность и рассеянность (вспомним ранееупомянутого Н. Чомского). А герои и авторы Fakenews ради скандала готовы на многие поступки. История бесчестия продолжается и имеет своего родоначальника Герострата, чье имя стало нарицательным и все так и вошло в историю фактом сожжения Храма Артемиды в 356 г. до н. э. К сожалению, имя Динокрита, который восстановил Храм, не известно Истории так, как имя Герострат. Герой Fakenews это Герострат, а не Динокрит.

Ноам Хомски сравнивал СМИ с производством на рынке услуг: «Средства массовой информации – такое же производство на рынке услуг. Они продают аудиторию, а обеспеченные СМИ продают “достаточно обеспеченную и привилегированную аудиторию”. Создается искривленная картина мира. Чтобы удержаться в системе конкуренции, медиа необходима тесная связь с властями» [10, С. 102]. Это было утверждение 70-х годов XX века. Тогда для скандального или амбициозного известия была нужна предоставляемая властями «секретная» (тайная, ни у кого не имеющаяся) информация. Современная действительность обходится без секретных источников информации.

Медиа – часть большой доктринальной системы, куда входят журналы, школы, университеты, академические институции. Доктринальная система производит пропаганду. Привлечение внимания больших масс, развитие в них качество послушности, пассивности, а также пробуждение действенного страха от реального или вымышленного неприятеля, утверждение новых социальных ценностей. Всю эту работу Хомски сформулировал в одном лозунге работы СМИ: «Растерянное стадо должно оставаться растерянным» [10, С. 103].

В 2016 году Оксфордский словарь (the Oxford Dictionaries) назвал словом года слово «posttruth». «Постправда – обстоятельства, при которых объективные факты имеют меньшее влияние на общественное мнение, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям» [14]. Политика в режиме posttruth это подмена фактов так называемыми «фейками».

Сочетание слов «posttruth», «postnational», «postracial» характерно для эпохи «пост», – «постмодернизма». «Posttruth», «постистина», по-видимому, впервые использовалась в этом значении в эссе о конфликте в Персидском заливе 1992 года сербско-американского драматурга Стива Тешича в журнале «The Nation»: «мы, как свободные люди, свободно решили, что хотим жить в мире пост-правды». В 2004 году появилась книга «Эпоха после истины» Ральфа Кейса.

Вспоминаются слова Ж. Бодрийяра: «Кто владеет картиной, владеет желанием, кто владеет желанием, владеет миром» [15]. В бессознательное реципиента попадает информация, которая оседает в памяти: «Помню, что-то говорили об Уго Чавесе»… Уже более 60 лет реципиент не имеет гарантии, что «Вести» показывают то, что действительно произошло, случилось.

Итак, Fakenews используют подмену, разрыв причинно-следственных связей и условно неточное вынесение умозаключения. Всякое мышление прямо или косвенно имеет отношение к созерцанию, но большинство аудитории так и остается на уровне анестезированного восприятия, принимая Fakenews как данность и

завершенную картину бытия. На деле, Fakenews как медиум интервенирует свое бытие, действуя в рамках строго формальной логики.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
2. Хармс Д. Литературные анекдоты / Д. Хармс. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 352 с.
3. Gettier Ed. Is Justified True Belief Knowledge? Empirical Knowledge: Readings in Contemporary Epistemology. – London: Row-man &Littlefield Publishers Inc., 1986. – pp. 231–233.
4. Антоновский А. Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определениязнания // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. XXVI. – № 4. – URL: http://intelros.ru/pdf/eps/2010_04/12.pdf (Дата обращения 20.09.2018).
5. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечность / Э. Левинас; сост. С. Я. Левит; пер.: И. С. Вдовина, Б. В. Дубин, Н. Б. Маньковская. – М.: Универс. книга, 2000. – 415 с.
6. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. – 1992. – № 10. – С.64–70.
7. Штайн О. А. По ту сторону лицевой и изнаночной // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 254–259.
8. Барт Р. Camera Lucida. Перевод, комментарии и послесловие М. Рыклина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 94 с.
9. Даль В. Толковый словарь. В 4-х томах.– М.: Прогресс, 1979. – Т.4. – 574 с.
10. Чомски Н. Шта то устварихоће Америка. – Београд: Чигоја. Штампа, 1999. – 121 с.
11. США финансируют насилие в Никарагуа: заявил президент Ортега. URL: https://ria.ru/20180731/1525637014.html (Дата обращения 02.10.2018).
12. Борхес Х. Л. Всеобщая история бесчестья [сборник: перевод с испанского] / Хорхе Луис Борхес. – Москва: АСТ, 2014. – 222 с.
13. Братина Б. Проблема Другог у познојмодерни. – Београд: Завод за уџбенике, 2017. – 222 с.
14. Постправда стала словом года по версии Оксфордского словаря. URL: https://www.bbc.com/russian/news-37995176 (Дата обращения 25.09.2018).
15. Бодријар Ж.Симболичка размена и смрт. – Kragujevac: NikolaNikolić, 1991.– 277 с.

Bratina B. R. Bratina O. A. Fakenews and “Third Line” // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 3–12.

It is investigated in the article the conditionally inaccurate use, substitution and discontinuity of cause-effect relations in making a conclusion on the example of the actual phenomenon of Fakenews. Fakenews as a medium intervenes its existence, acting within the framework of strictly formal logic. Any thinking directly or indirectly has to do with contemplation, but most of the audience remains at the level of intuitive and naively sensual perception, taking Fakenews as a reality and a completed picture of being. Fakenews construct an image that is regularly broadcast through the media. Constant repetition of news tapes, whether true or false, reinforces in the individual and public consciousness value judgments about politics, economics, history, culture and sport. In case of accepting news there is an unspoken convention allowing you to take what you want for the reality. So the recipient draws a conclusion from an inaccurate premise, being convinced that the premise is correct. This is the difference between the addressate and the addressant. The addressant (the news writer) knows that the premise is inaccurate, and the addressate (the one who receives news, perceiving) does not know this. The recipient thus has information, but not knowledge. He makes an erroneous conclusion, which is the desired result of the work of the news author. It is the aim to create the illusion of knowledge, but not knowledge, belief, which is delusional.

Keywords: material implication, Fakenews, general consciousness, ideology.

References

1. Kant I. Kritika chistogo razuma [Criticism of Pure Reason]. Moscow, Misl Publ., 1994, 591 p.
2. Harms D. Lliteraturnie anekdoti [Literary Jokes]. SPb., Olma-Press Publ., 2000, 352 p.
3. Gettier Ed. Is Justified True Belief Knowledge? Empirical Knowledge: Readings in Contemporary Epistemology. London Row-man & Littlefield Publishers Inc., 1986, pp. 231– 233.
4. Antonovskij A. J. Semanticheskij kontekstualizm i problema nestandartnogo opredelenija znanija. [Semantic Contextualism and the Problem of Non-standard Definition of Knowledge]. Epistemologija i filosofija nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2010, no. 4. URL:http://intelros.ru/pdf/eps/2010_04/12.pdf (Accessed 20 September 2018).
5. Levinas E. Izbrannoe: totalnost i beskonechnost [Favorites: Totality and Infinity]. Comp. S. Ya. Levit; transl. I. S. Vdovina, B. V. Dubin, N. B. Mankovskaya. Moscow, University Book Publ., 2000, 415 p.
6. Bodrijar Z. Zloj demon obrazov [Evil Demon of Images]. Iskusstvo kino [Cinema Art], 1992, no.10. pp. 64-70.
7. Stein O. A. Po tu storonu licevoj i iznanochnoj [On the Other Side of the Front and Purl]. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2011, Vol. 12, Iss. 3, pp. 254-259.
8. Bart R. Camera Lucida. Perevod, kommentarii I posloslovie M. Riklina. [Camera Lucida. Transl., comments and epilogue M. Ryklin]. Moscow, Ad Marginem, 1997, 94 p.
9. Dal V. Tolkoviy slovar [Dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1979, 574 p.
10. Chomsky N. Shta to ustvari hoche Amerika [What it Really is America Wants]. Belgrad, Chigoja Shtampa, 1999, 121 p.
11. USA finansirujut nasilie v Nikaragua zajavil prezident Ortega [US Finances Violence in Nicaragua: President Ortega Said]. URL://https://ria.ru/20180731/1525637014.html (Accessed 02 October 2018).
12. Borhes H. L. Vseobschaya istoriya beschestiya [The General History of Dishonor]. Moscow, AST Publ., 2014, 222 p.
13. Bratina B. Problema Drugog u poznoi Moderni [The Problem of the Other in the Late Modern]. Beograd, Zavod za udgbenike, 2017, 222 p.
14. Postpravda stala slovom goda po versii Oxfordskogo slovarya [Post-truth has Become the Word of the Year According to the Oxford Dictionary]. URL: https://www.bbc.com/russian/news-37995176 (Accessed 02 October 2018).
15. Bodrijar J. Simbolichka razmena i smrt [Symbolic Exchange and Death]. Kragujevac, Nikola Nikolich, 1991, 277 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 13–24.

УДК 101.2

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ТЕКСТОВАЯ КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: ПУТЬ К ФОРМАТУ DIGITAL[1]

Зарапин О. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

В работе рассматривается проблема влияния современных информационных технологий онлайн-обучения на коммуникацию с точки зрения особенности философского диалога как основы философского образования. Автор исходит из идеи о том, что продуцируемая онлайн-обучением трансформация коммуникативной деятельности есть социокультурный процесс, который сопоставим с изменениями в философской культуре, вызванными переходом в диалоговой практике от формы устного текста к письменному и далее – к печатному тексту. В анализе трансформационных процессов философская культура осмысляется с точки зрения сложившегося в эпоху античности формата личного самосовершенствования (диалог в соотношении устный текст – письменный текст), и возникшего в культуре модерна формата публичного слова (диалог в соотношении устный текст – печатный текст). Автор приходит к выводу о том, что идея онлайн-обучения, рассматриваемая как основа философского образования, является цифровой утопией, поскольку неизменной основой философской культуры выступает устная форма текста, реализуемая в живом общении и личностно адресованном диалоге как образец текстового поведения (философский эпидейксис).

Ключевые слова: философская культура, текстовая культура, формат текста, диалог.

Влияние информационных технологий на процессы коммуникации в современном обществе очевидно. Оно осознается не только как актуальная тема исследований в различных направлениях науки, но также в виде императива, понуждающего видеть в информационных технологиях источник инновационного развития общества. Сегодня один из ярких примеров реализации этого императива можно наблюдать в сфере образовательной деятельности. В 2016 г. на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвержден проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», нацеленный на создание общедоступных образовательных онлайн-ресурсов. Идея онлайн-обучения не нова, наработанные в этой области методики и опыт активно обсуждаются в контексте осмысления особенностей образовательного процесса в информационную эпоху [1], но на фоне административной реформы высшей школы она звучит иначе. На ее

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 16-03-00120-ОГН «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

основе вырастает проект лицензирования вузов по трем уровням – базовый, продвинутый, ведущий – в зависимости от того, разрабатывает вуз самостоятельные онлайн-курсы или использует в практике обучения курсы из Национальной платформы открытого образования [2]. Какую трансформацию влечет подобное решение? Каким образом онлайн-формы влияют на смысл коммуникации как учебной деятельности?

В этих вопросах выражается проблема, рассмотрение которой возможно с различных точек зрения. Мы посмотрим на нее сквозь призму особенностей **философской коммуникации как диалоговой практики**, восходящей к традициям античной **пайдейи** (греч. παιδεία: воспитание, обучение, образование). Эту точку зрения можно выразить с помощью понятия «философская текстовая культура» и предположить, что философская коммуникация есть опосредованная текстом речевая деятельность, в ходе которой рождается текст-диалог (устный, письменный, печатный, электронный) как образец реализации самой коммуникации.

В свете этого понятия проблему онлайн-обучения можно экстраполировать на дошедшую до нас из античности проблему соотношения сократического диалога в качестве *устного* наставления, реализуемого в коммуникативной ситуации личностного общения, и *записью* устной речи в форме философского диалога как учебного текста, подлежащего комментированию в аудитории. Также как в сократовско-платоновской традиции сама возможность «писаной философии» подвергалась сомнению, в наши дни мы ставим под вопрос возможности философского *онлайн*-образования.

Каким образом форма текста как посредника в коммуникации связана со смыслом и целью самой коммуникации и как изменения в форме текста, осуществляемые, например, в переходе от устной речи к письменной и далее к онлайн-формам, отражаются на конечной цели коммуникации как образовательного процесса?

Обсуждать данный вопрос как вопрос взаимосвязи текста и культуры имеет смысл при условии, что философский текст есть не только продукт культуры, сформированной с учетом особенностей политической жизни, хозяйственного уклада и т. д., он также продуцирует философскую культуру общения как сферу автономной речевой деятельности, обособленную от повседневной жизни. В рамках этой сферы задается отличное от повседневного представление о том, что значит близкое и далекое, свое и чужое, кто такой Другой как собеседник и в чем смысл общения с ним.

В поисках ответа вслушаемся в греческое слово *схоле (σχολή)*, оно означает досуг, свободное время, отдых, праздность, но у этого слова есть еще один ряд значений: учебное занятие, лекция, сочинение, трактат, школа. Такая двусмысленность дает повод думать о том, что философский текст в своей основе есть беседа, а философская школа – форма такой диалоговой практики, разворачиваемой между учителем и студентом, которая является целенаправленно культивируемой речевой деятельностью самосовершенствования. Чем определяются особенности философской культуры как текстовой культуры

диалога? Ответим на этот вопрос, исходя из следующего тезиса: **диалог как классическая форма философского текста есть форма соотношения устной речи и письменной речи**.

Хорошо известно, с какой настороженностью Платон относился к самой возможности философского текста как письменного. Диалог в качестве основного жанра платоновских текстов фиксирует типику философии. С точки зрения диалога, философия – это форма личностного общения, непрестанный обмен мнениями, где персонажи внутри текста разыгрывают определенные роли. Понятно, почему письмо – не самая подходящая для этого форма, ведь письмо как бы кодифицирует общение, фиксирует образец ролевого поведения, лишает философский текст ситуативности и спонтанности устного обращения. С другой стороны, ясно, почему нельзя обойтись без письма: философский текст – это не столько личностное отражение речевой ситуации, сколько определенный и устойчивый тип поведения, воспроизводимый в разных случаях. У такого поведения тот же габитус, что и у *иронии* (греч. *εἰρωνεία*: притворное незнание, увертка**)** Сократа или у *простеца* (лат. *idiota*: неуч, необразованный человек, профан) Николая Кузанского. Действия при этом эксплицированы в текстовые примеры, дающие образец того, как можно было бы действовать. Значит, заметная особенность философского текста – в его двуплановости: как образец речевого поведения (письмо), он реализуется в конкретных актах общения (устная речь), требуя от философа не только искусности, но и творческого подхода в понимании того, как следовать образцу в реальности и что делать, если это в полной мере не удается. Как сочетаются эти планы, и что их связывает в единство, которое мы обозначим понятием «текстовое поведение философа»?

Философская школа в древности, а впоследствии философский факультет – это формат «схолиона» – *σχόλιον* (греч. объяснение, токование, комментарий), обеспечивающий целостность философского текста. Решающую роль здесь играет личный пример квалифицированного наставника, способного продемонстрировать, насколько текстовые образцы эффективны в речевой практике и как они могут быть реализованы в многочисленных ситуациях типа «а что сказал бы в данном случае Платон».

Полагаю, что именно эта двуплановость философского текста является источником динамики философской текстовой культуры. Уже Аристотель не пишет диалоги, и его философские тексты в качестве научных трактатов как бы высвобождают речь от необходимости усилия сообразовываться с ситуацией и собеседником. *Аристотелевский* полюс текстовой культуры репрезентируется в виде критически нагруженного философского текста, цель которого – воспроизводство и трансляция чистых образцов умозрения (*θεωρία)*, не смешиваемых с реальностью речевой практики. Противоположный полюс текстовой культуры можно обозначить как *кинический*. Такой специфический кинический жанр, как *диатриба*, отражает философский текст в его погруженности в жизненную ситуацию уличного общения, где дефицит теоретизирования компенсируется герменевтикой игрового прочтения, сознательно рассчитанного на парадокс и стремление завоевать внимание аудитории. Кинический полюс

репрезентируется в виде философского текста, который занимает в культуре особую, эвристическую позицию, характеризуемую стремлением сочетать философствование с художественными и религиозными формами самовыражения как символически насыщенными и способными генерировать продуктивно многозначные метафоры, в них каждый может найти свой смысл.

Поляризация текстовой культуры отражает процесс внутреннего структурирования таким образом, что тело культуры обретает симметрию, при этом метафора и понятие, лекция и частный разговор поддерживают друг друга. Своим напряжением они порождают в философской культуре жизнь, которую невозможно однозначно зафиксировать и связать с продуктивностью какого-то одного полюса текстовой культуры. Понятная нам сейчас дискуссия на тему «что есть философия: наука или искусство?» отражает не только поиск философа своего места в общественной жизни. Таким путем отражаются особенности философской культуры в свете ее поляризации, где единство культуры задается взаимодополнительностью разных текстовых позиций: в ней есть и формат школы-схолии (*σχόλιον),* и улица может быть основным местом действия киника, так расширившего свою аудиторию.

Текстовая культура философского диалога формируется в переходе от устного общения к письменному. Этим объясняется двойственная позиция Платона: критическое отношение к «записанной» философии и сам факт написания им текстов-диалогов. К этому также следует отнести заметную странность его диалога как письменной фиксации устной беседы со всеми не относящимися к делу подробностями – обстоятельства разговора, тупики, обходные маневры, шутки и т. д. Если устное общение подразумевает личную адресацию и таким образом восходит к архаичным традициям пайдейи как личного наставления, то письменная фиксация отражает ситуацию школьной аудитории, где приходится иметь дело с группой студентов. Что изменяется в текстовой культуре диалога в переходе от письменного текста к печатному, а затем и к формам сетевого текста? Как зафиксировать эту особенность? В поисках ответа на эти вопросы мы обратимся к понятию формата текста и предположим, что существуют различные форматы диалоговой культуры – **устный, письменный, печатный и сетевой.**

Форматы диалога как устного текста и письменного текста возникают в античности как результат философской интерпретации пайдетической традиции и в этом смысле характеризуют философскую культуру как культуру личностного интеллектуально-нравственного самосовершенствования (греч. ἀρετή - доблесть, слава, честь, превосходное качество). В устном формате у философского текста можно выделить такие особенности:

- наличие адресата и адресанта в беседе, учет окружающей обстановки;
- личностная адресация текста;
- речевая персонализация мысли как неразличимость речевого акта и его содержания;
- релевантность философского текста поэтическому, возможность их взаимопроникновения;

– философия бытует как неинституционализированная речевая практика, в рамках которой философ действует как частное лицо, а сама философия осознается как призвание.

В письменном формате у философского текста можно выделить такие особенности:

– текст есть посредник, вспомогательный инструмент общения, его адресат и адресант оказываются в зоне вне-текстовой реальности;
– широкая, публичная адресация текста;
– речевая деперсонализация мысли как разграничение речевого акта и его содержания – высказываемой идеи;
– философский текст близок научному;
– философия как институционализированная речевая практика, в рамках которой философ действует как представитель (школы, направления, традиции), а сама философия осознается как специальная (профессиональная) деятельность.

Соотношение устного текста и письменного текста как полярностей философской текстовой культуры трансформируется в эпоху книгопечатания. М. Маклюэн в работе «Галактика Гутенберга» отмечает, что этот процесс породил новую форму диалога как речевую практику общения преподавателя со студентами, которая выходит за пределы традиционного метода диктовки (modus pronuntiantium) [3, С. 143–146], господствовавшего в средневековых университетах. Данное изменение имеет социальные экстраполяции. Адаптированное к особенностям средневековой университетской жизни понимание философии как учебной дисциплины вносило определенную двусмысленность в понимание того, кто есть философ. В «Истории моих бедствий» П. Абеляра видны различия и несогласованность сторон жизни философа: его деятельность в стенах учебной аудитории и во внешнем мире повседневной жизни – это проблема, наследуемая из античности и уже в эпоху Платона осознаваемая как труднодостижимый идеал интеллектуально-нравственной целостности философской жизни. Если в античности эта трудность вынуждает к выбору между аудиторией и улицей как различными формами текстового поведения в диалоге со студентами и народом, в средневековье ее смысл другой. Раскол между узким, внутренним миром интеллектуального общения и широким, внешним миром повседневной жизни во многом является расколом между грамотным меньшинством и неграмотным большинством. Большинство не может быть философским собеседником, у нет своего голоса, недаром А. Я. Гуревич назвал его культуру «культурой безмолвствующего большинства».

Стимулируя рост грамотности, книгопечатание изменяет ситуацию – возможность обращаться к читателю-не студенту инициирует представление о философствовании как речевой практике, нацеленной на обнаружение и выражение истины как духовного основания общественной жизни во всей полноте ее содержания. Примером такого понимания философской коммуникации, отражающей особенности печатной текстовой культуры, служит пожелание, с которым Г. Гегель обращается к своим слушателям, заканчивая свой курс лекций по истории философии: «Я хотел бы, чтобы эта история философии служила для вас

призывом уловить тот дух времени, который пребывает в нас природно, сознательно извлечь его, каждый на своем месте, из его природности, т.е. из его безжизненной замкнутости, и вывести его на свет дня» [4, С. 572].

Сама возможность публикации лекции – это социокультурный сдвиг, вызванный технологией книгопечатания. Книгопечатание делает прозрачным стены учебной аудитории и философ, хочет он того или нет, является публичной фигурой, его мнение оказывает влияние на все общество, а не только на узкий круг слушателей. Граница между учебной аудиторией и улицей становится условной. Процессу слияния аудитории и улицы способствует также и то, что книгопечатание открывает возможность периодически издаваемых научных журналов, которые, подобно прочим СМИ, продуцируют общественное мнение и вызывают дискуссии, затрагивающие вопросы общественной жизни в условиях, выходящих за пределы формы академического общения.

Показателен случай с И.-Г. Фихте, когда его статья «Об основании нашей веры в божественное мироправление» (Überden Grundunseres Glaubensaneinegöttliche Weltregierung) [5], опубликованная в «Философском журнале общества немецких ученых», вызвала скандал. За ним последовало решение властей об изъятии журнала, а в печати возникла дискуссия о праве философов высказывать атеистические взгляды. Научный журнал теперь функционирует как репрезентативный в отношении книгопечатания коммуникативный канал, связывающий философа с обществом так, как если бы он действовал в учебной аудитории.

Понять, что значит философский диалог в эпоху книгопечатания, помогает другой пример, также связанный с Фихте. Работу «Ясное как солнце сообщение широкой публике о сущности новейшей философии» он публикует в форме диалога между автором и читателем, где автор действует как наставник, а читатель – как студент, берущий урок философии. Обращает на себя внимание подзаголовок «Попытка принудить читателей к пониманию» (“Ein Versuch, dieLeserzum Verstehenzuzwingen”). Немецкий глагол *zwingen* (принуждать) имеет корень, который встречается в словах со значениями: тиски, наконечник, укрепленный замок, клетка, тиран. Каким образом принуждение оказывается формой диалогового поведения? Фихте подчеркивает, что в своей работе он обращается к философски необразованной публике и цель его философских диалогов не в том, чтобы приобщить к философии, а в том, чтобы именно посредством диалоговой формы общения подвести к границе, разделяющей мир повседневного общения и мир академической речи профессиональных философов. Стоя на этой границе читатель, вооруженный пониманием предмета, сам должен решить, вдаваться в обсуждение философских вопросов или лучше воздержаться. Раскрывая цель своего сочинения, Фихте пишет: «Кто прочтет его до конца и полностью поймет, тот не будет обладать, благодаря ему, ни одним философским понятием …; но он получит понятие о философии; он не выйдет из области обыкновенного человеческого рассудка и не вступит ни одной ногой на почву философии; но он дойдет до общей пограничной черты обеих областей. Если он отныне захочет действительно изучать эту философию, то он, по крайней мере, будет знать, на что он в этом деле должен и

на что не должен обращать внимание. Если же он этого не захочет, то по крайней мере получит отчетливое сознание того, что он этого не хочет …» [6, С. 570].

Композиция диалога, в котором философ общается с философски непросвещенным собеседником, не нова, и в античной традиции мы найдем многочисленные примеры, иллюстрирующие именно такую коммуникативную ситуацию. Новизну подхода Фихте можно понять с точки зрения непросвещенного собеседника, который в эпоху массового распространения книжной продукции является непросвещенным не в смысле своей непричастности философии, а в том смысле, что разделяет мнение о философии как занятии, не требующем специальной подготовки, и доступном для каждого как «естественная метафизика» (*metaphysica naturalis*). Фихте пишет: «Оно (это сообщение) необходимо в такое время, когда необразованная публика … ни за что не хочет отказаться от того мнения, будто философствование дается так же без труда, как еда и питье, и что в философских предметах всякий имеет право голоса, кто только вообще обладает голосом; в такое время, когда … о философских положениях и выражениях, которые могут быть поняты и оценены лишь в научной философской системе, было предоставлено судить необразованному рассудку и неразумию …» [6, С. 567].

Выбирая для текста форму диалога, Фихте подчеркивает особенность современной ему философской культуры, которая связывает дух свободомыслия с позицией философа. А она является двусмысленной: академическая философия, соответствующая авторской точке зрения, находит свое *alter ego* в лице читателя, выражающего мысль о том, что философствование есть стремление человека, свойственное ему по природе, а это позволяет думать, что каждый человек от рождения уже есть свободомыслящее существо, т. е. философ. Можно сказать, что в распределении ролей автора и читателя фихтеанский диалог отражает философскую культуру в новом для нее качестве: наследуемый из традиций античного философского диалога личностный идеал интеллектуально-нравственного совершенствования в эпоху книгопечатания трансформируется в общественный идеал свободы слова. Такая трансформация есть следствие осознания ценности свободы слова как напечатанного и противопоставляющего себя догматизму университетской мысли, наследующей корпоративизм средневекового типа. Р. Коллинз в известной работе «Социология философий» подчеркивает мысль о том, что решающим в данном процессе является ориентированный на средний класс «рынок книг и журналов», в обстановке которого сформировался и окреп новый тип интеллектуала – светский или литературный, готовый вытеснить и заменить собой традиционный тип университетского профессора. Коллинз пишет: «Издательский рынок не вдохновлял интеллектуалов на исследование своих собственных вопросов на высоком уровне абстракции; авторов больше привлекает страстная полемика, литературный стиль и актуальные общественные проблемы. <…> Светские интеллектуалы …. критиковали теологов и толкователей Библии как представителей старых официальных религиозных кругов и считали метафизику одним миром мазаной с теологией. <…> философ (или специалист в области абстрактных идей) теперь стремился стать автором развлекательных литературных произведений и политическим бойцом. Благодаря институциональному сдвигу в

сторону общедоступного литературного рынка … обнаруживается преобладание роли литературного интеллектуала» [7, С. 829–830].

По мысли Коллинза, получается, что книжный рынок оказывает на философскую культуру модерна воздействие, соразмерное институциональному сдвигу философской мысли в сторону популярно-литературных и публицистических форм выражения. Можно вспомнить ремарку Фихте о своем времени: «даже между настоящими философскими писателями вряд ли найдется и полдюжины таких, которые знали бы, что такое собственно философия». Но при этом, уверяет он, все знающие знают, что «философия – это не только философия» [6, С. 567]. Это можно понять как самовыражение Модерна, свидетельствующее о болезненно переживаемой разобщенности, когда философская мысль, нагруженная саморефлексией в поисках метафизического начала, выглядит интеллектуалом-аристократом, идущим вразрез демократическим настроениям общественной жизни.

Почва для таких настроений была подготовлена переводом Библии М. Лютером на немецкий язык, этот перевод предоставил большинству, простолюдинам немыслимую ранее возможность собственным умом проникать в смысл Писания[2]. В трактате «О свободе христианина» Лютер так критикует идею церковной привилегии в рассмотрении вопросов духовной жизни: «… душе никак не поможет, облачится ли тело в священные одежды, как это делают священники и духовные, также не поможет, будет ли оно в церкви и святых местах, будет ли оно обращаться со святыми вещами <…> Наоборот, душе никак не повредит, будет ли тело носить несвятые одежды, находиться в несвятых местах, есть, пить, паломничать, не молиться и не делать ничего, чем занимается вышеназванный ханжа» [8, С. 78–79].

Религиозное обновление, начавшееся с попытки выхода за пределы корпоративного ограничения в вопросах духовной жизни, как одно из оснований процесса социальной трансформации эпохи модерна становится понятным в цепи исторических событий, если рассматривать его с точки зрения поиска подходов к новому типу речевой практики. Великая французская революция, как об этом пишет П. Лафарг [9], есть момент столкновения двух языковых миров – аристократического мира салонного общения, кодифицированного в академических словарях французского языка как образец речи и сопоставимого с церковным клиром в лютеровской критике, и нарождающегося мира буржуазного просторечия, изобилующего жаргонизмами уличной речи ремесленника и торговца.

Предвестники революций обнаруживаются и в области книгопечатания. В 1470 г. Гийом Фише, ректор Сорбонны, открывает первую печатню во Франции. Первой книгой, которая была выпущена в этой печатне, были «Письма» Гаспарино Барциццы из Бергамо (1359-1431), преподававшего философию в Падуанском университете, и одним из первых посеявшего зерна гуманистической традиции во

[2] Как указывает немецкий историк Г. Брендлер, до лютеровского существовало четырнадцать различных переводов Библии на немецкий язык: «Их распространению мешало то, что их язык был слишком сильно связан с лингвистическими особенностями отдельных местностей …» в то время, как «язык Лютера был саксонско-тюрингенским. Эта область была заселена различными немецкими племенами … Здесь сложился немецкий язык, впитавший общность диалектов различных местностей» [10, С. 205–206].

Франции. Книга Гаспарино была отпечатана новым для Франции шрифтом, вместо привычного готического шрифта впервые был использован шрифт *антиква*, он как бы заявлял о существовании группы парижских гуманистов. Позже, после отъезда Фише в Италию, типография переориентируется на более широкую публику – богословские сочинения, житийные повествования, дидактические трактаты будут вновь печататься готическим шрифтом. В противостоянии шрифтов *антиквы и готики* обозначился социальный раскол между массовым читателем, ориентированным на популярное чтение, и читателем-интеллектуалом, который является выразителем узкой группы высокообразованных людей. И. К. Стаф отмечает: «Круг парижских гуманистов был слишком тесен для того, чтобы печатня в своей практике могла долгое время ориентироваться лишь на те возвышенные цели, какие были провозглашены ее основателем. Идеал гуманизма, достигшего с помощью печатни статуса «официальной», институционализированнойкультурной доктрины, столкнулся с потребностями типографии как коммерческого предприятия» [11, С. 115].

Стимулированный технологией книгопечатания и возможностью массового распространения книжной продукции, процесс социальной трансформации обнаружил в общественной жизни такое специфическое для модерна явление, как *публика* и *публичность* (по Ю. Хабермасу, *bürgerliche Öffentlichkeit* – «буржуазная публичная сфера» [12]). Оно свидетельствовало о речевом сломе традиционной и наследуемой из Средневековья социальной структуры, основанной на различении аристократия и народа. Формируется масштабный проект по изданию «Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел», явившийся результатом коллективной работы. Его можно рассматривать как выражение определившейся в ходе социокультурной трансформации установки текстовой культуры Модерна, нацеленной на идеал свободомыслия и противопоставляющей право публичного высказывания аристократическому и корпоративно охраняемому праву образованных интеллектуалов на привилегированный доступ к вопросам духовной жизни.

О том, что философская культура по-своему восприняла идеал публичности и соответствующую текстовой культуре Модерна установку, свидетельствует вопрос, рассматриваемый Фихте как центральный в его главной работе: имеет ли право обыкновенный человеческий рассудок «выражать свое суждение о материях, которые считаются последней целью философии, – о боге, свободе и бессмертии» [6, С. 569]? В этом вопросе свобода слова является точкой столкновения двух значений философии: 1) как специально культивируемой деятельности познания, имеющей свои дисциплинарные требования и правила; 2) как естественно присущей человеку способности к самовыражению в вопросах, касающихся его жизни. В свете этого столкновения подзаголовок «Попытка принудить читателя к пониманию» означает намерение автора посредством диалога подвести читателя к границе, разделяющей здравый смысл и философскую рефлексию и предположить, что «обыкновенный рассудок может рассуждать об этих предметах; и может быть, даже очень правильно, но не может обсуждать их философски, ибо этого не может никто, кто не учился этому и не упражнялся в этом» [Там же].

Рассуждение Фихте отражает философскую культуру в ситуации самоосмысления, а вопрос «что значит философская мысль – стремление к познанию или обмен мнениями?» видится нам современным и актуальным. Он вызван особенностью философской речевой практики в эпоху, когда типографически размноженный голос философа выходит за стены учебной аудитории, в виде публично выражаемого мнения проникает во внешний мир и вынужден каким-то образом реагировать на эту ситуацию. Процесс такого взаимопроникновения философской аудитории и внешней ей социальной среды определяет конфигурацию современной философской культуры :репрезентативные оппозиции типа критицизм – догматизм, идеализм – материализм, трансцендентализм – натурализм и т. п., можно рассмотреть в корреляции с особенностью текстового поведения как определенного типа поведения публичного. Данный типрелевантенкоммуникативной ситуации, при которой коммуникация в учебной аудитории реализуется как акт общественной жизни. Репрезентативный пример этому можно найти в биографическом очерке А. Гулыги, посвященном жизни и творчеству Ф. В. Шеллинга. Гулыга так передает слова Ф. Энгельса, описывающего обстановку, царившую в аудитории Берлинского университета: «Среди задорной молодежи вдруг видишь седобородого штабного, а рядом с ним в совершенно непринужденной позе вольноопределяющегося … . Старые доктора и лица духовного звания … снова идут на лекции. Евреи и мусульмане хотят увидеть, что за вещь христианское откровение. Слышен гул немецкой, французской, английской, венгерской, польской, русской, новогреческой и турецкой речи» [13, С. 273].

Как соотносятся в одном лице преподаватель как субъект педагогического процесса, действующий в рамках учебной программы лекционного курса, и свободно мыслящий интеллектуал, обращающийся к широкой публике, далекой от студенчества и тем самым дающий ей право философского голоса? Можно ли говорить о том, что проблема такого соотношения отражает философскую культуру Модерна как внутренне разобщенную, что обозначенная в античности поляризация устной и письменной речи выразилась разделением на «своих» и «чужих»? Если да, то эта разобщенность исторически усиливается и в формате печатного текста вырастает в «кризис европейского человечества» (Э. Гуссерль) как проблему, которая непосредственно касается вопроса о том, что есть философия. Но на наш вопрос можно посмотреть и с другой точки зрения: поляризация и разобщенность есть момент становления философской культуры, когда в эпоху печатного текста появляется философ как публичная личность (поверхность) и философ как наставник в учебной аудитории (ядро). Соотношение ядра и поверхности можно рассматривать как обмен, в ходе которого происходящие на поверхности процессы определяют состояние ядра и наоборот. В таком случае вопрос «что есть философия?» – это симптом того, что философская культура жива и как всякий живой организм реагирует на взаимодействие с внешней средой.

Какие изменения в ядре философской культуры провоцирует наблюдаемый на поверхности процесс переформатирования печатного текста в web текст? Что может представлять собой онлайн-курс философии?

Предполагаемые изменения могут оказаться весьма существенными. Сформировавшаяся на основе традиций античной схолы, современная философская культура в качестве ядра наследует традицию диалога как личностно адресованного наставления. Даже если это наставление в практике современного лекционного курса имеет мало общего с пайдетическим идеалом побуждения к добродетельной жизни (арете), оно сохраняет значение в качестве образца рассуждения как эпидейктический дискурс, изначальная цель которого подразумевает, подчеркнем, личное и непосредственное общение.

Способна ли цифровая версия лекции заменить живую речь лектора, и если нет, то почему? Полагаю, что не способна и прежде всего потому, что в случае подобной замены речевая практика лектора утратит статус образца текстового поведения (философский эпидейксис). Чтобы образец имел смысл, он должен быть ориентирован на аудиторию и действовать не как озвученный в речи текст, но как речевое со-бытие. В нем лектор и студент со-общаются в телесно-зрительной полноте аудиторного пространства, задающего темп речи и речевой маршрут в необходимости что-то повторить или, напротив, пропустить, отклониться от намеченной темы или вернуться к ранее рассмотренному предмету обсуждения. В этом смысле перспективу философского онлайн-образования, которое должно стать основой образовательного процесса, следует расценивать в качестве цифровой утопии – она заманчива в представлении, но саморазрушительна в реализации.

Список литературы

1. Боуэн У. Г. Высшее образование в цифровую эпоху / Пер. Д. Кралечкина. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. – 224 с.
2. Черных А., Миронова К. Вузы разделят на три разряда // Газета «Коммерсантъ». №182 от 05.10.2018.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / Перевод с английского А. Юдина. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
4. Гегель Г. В. Лекции по истории философии. Книга третья. – СПб.: «Наука», 1994. – 582 с.
5. Фихте И. Г. Об основании нашей веры в божественное мироправление // Иваненко И. А. Философия как наукоучение: Генезис научного метода в трудах И. Г. Фихте. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – С. 296–312.
6. Фихте И. Г. Ясное как солнце изложение сущности новейшей философии. Попытка принудить читателей к пониманию // Фихте И. Г. Сочинения в 2-х т. Т.1 / Сост. В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 563–667.
7. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1284 с.
8. Лютер М. О свободе Христианина / Пер. И. Фокина. – М.: Издательство «ARC», 2013. – 728 с.
9. Лафарг П. Язык и революция / Пер. с франц. Т. Фалькович и Е. Шишмаревой. – М.; Л.: Academia, 1930. – 74 с.
10. Брендлер Г. Мартин Лютер: Теология и революция. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 368 с.
11. Стаф И. К. Цветы риторики и прекрасные литеры. Французская литература позднего Средневековья и раннего Возрождения. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 246 с.
12. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeoise Society. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1991. – 301 p.
13. Гулыга А. В. Шеллинг. – М.: Соратник, 1994. – 316 с.

Zarapin O. V. Philosophical Culture as a Textual Dialogue Culture: a Way to the Digital Format // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 13–24.

It is raised the problem of the influence of modern information technologies of online learning on communication from the point of view of a particular philosophical dialogue as the basis of philosophical education.The author proceeds from the idea that the transformation of communicative activity produced by online learning is a sociocultural process that is comparable to changes in philosophical culture caused by a transition in conversational practice from the form of oral text to written and further to printed text.In the analysis of transformational processes philosophical culture is comprehended from the point of view of the format of personal self-perfection that developed in the era of antiquity (dialogue in correlation oral text – written text) and the format of a public representation that emerged in modern culture (dialogue in correlation oral text – printed text).The author comes to the conclusion that the idea of online learning, considered as the basis of philosophical education, is a digital utopia, since the basis of philosophical culture is the oral form of the text, realized in live communication and personally addressed dialogue as an example of textual behavior (philosophical epideixis).

Keywords: philosophical culture, text culture, text format, dialogue.

References

1. Bouen U. G. Vysshee obrazovanie v tsifrovuyu epokhu [Higher Education in the Digital Age]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018, 224 p.
2. Chernyh A., Mironova K. Vuzy razdelyat na tri razryada [Universities will be Divided into Three Categories], Newspaper “Kommersant”, No 182, 5 October, 2018.
3. Maklyuehn M. Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kiev, Nika-Centr, 2004, 432 p.
4. Gegel G. V. Lekcii po istorii filosofii. Kniga tret`ya [Lectures on the History of Philosophy. Volume three]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, 582 p.
5. Fihte I. G. Ob osnovanii nashej very v bozhestvennoe miropravlenie [On the Basis of our Faith in the Divine World], in Ivanenko I. A. Filosofiya kak naukouchenie: Genezis nauchnogo metoda v trudax I. G. Fixte [Philosophy as a Science of Knowledge: The genesis of the Scientific Method in the Works of I. G. Fichte]. Saint-Petersburg, Vladimir Dal, 2012, pp. 296–312.
6. Fihte I. G. Yasnoe kak solnce izlozhenie sushhnosti novejshej filosofii. Popytka prinudit' chitatelei k ponimaniyu [Clear as the Sun, the Message to the Wider Public about the True Essence of the Newest Philosophy. The Attempt to Force Readers to Understand], in Fihte I. G. Sochineniya v 2-x t. T.1. [Works in 2 vol.] Saint-Petersburg,Mifril, 1993, pp. 563–667.
7. Kollinz R. Sociologiya filosofij. Global`naya teoriya intellektual`nogo izmeneniya [The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002, 1284 p.
8. Lyuter M. O svobode Hristianina [About Christian Freedom]. Moscow, «ARC» Publ., 2013, 728 p.
9. Lafarg P. Yazyk i revolyutsiya [Language and Revolution]. Moscow, Leningrad, Academia, 1930, 74 p.
10. Brendler G. Martin Lyuter: Teologiya i revolyuciya [Martin Luther: Theology and Revolution]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000, 368 p.
11. Staf I. K. Tsvety ritoriki i prekrasnye litery. Frantsuzskaya literatura pozdnego Srednevekov'ya i rannego Vozrozhdeniya [Flowers of Rhetoric and Belles Lettres. The French Literature at the end of the Middle Ages and in the Early Renaissance]. Moscow, Saint-Petersburg, Center for humanitarian initiatives, 2016. 246 p.
12. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeoise Society. Cambridge, Mass., The MIT Press, 1991, 301 p.
13. Gulyga A. V. Shelling [Shelling]. Moscow, Soratnik, 1994, 316 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 25–34.

УДК 16:119

ЛОГИЧЕСКИЕ ЛИНЕЙНО-ТАБЛИЧНЫЕ ДИАГРАММЫ И КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЧИСЛА

Жалдак Н. Н.

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород, Российская Федерация.

E-mail: zhnn3@rambler.ru

В этой статье линейно-табличные диаграммы используются для того, чтобы определить двоичные числа и количественные различия через качественные различия, и чтобы выявить связь двоичных чисел и логического вывода. Линейно-табличными диаграммами демонстрируется переход от качества к количеству, переход посредством различительных качеств от исходного одного к многому и к исчислению многого, демонстрируется равнозначность этого перехода построению ряда двоичных чисел. Это позволяет дать остенсивное и вместе с тем генетическое определение числа. Число (в любой системе счисления) есть наименование одного из 2^n сочетаний отсутствия или/и наличия последовательно вводимых качеств A, B, C… причем каждое следующее качество соответствует единице меньшего разряда двоичного числа, а его отсутствие (отрицание) – нулю того же разряда. Число, которым именуется некое сочетание, указывает, сколько таких сочетаний имеется до него, не включая его самого. Мы получаем ряд двоичных чисел, заменяя обозначения наличия и отсутствия качеств (качества и его отрицания, как отрицательного качества), т. е. заменяя линии и пробелы на элементарных участках диаграммы единицами и нулями разных разрядов. Фигурно-линейно-табличные диаграммы (ФЛТД) показывают возможность свести сочетания наличия и отсутствия качеств к сочетаниям наличия и отсутствия изобразительных элементов, образующих модели возможных миров. Любая информация, выводимая из оснований в следствия, передаваема двоичными числами. Это дает основание рассматривать двузначную логику как фундаментальную относительно всех других логик.

Ключевые слова: логика, линейно-табличные диаграммы, качество, число, информация, вывод.

Объект исследования – диаграммное построение логики.

Цель исследования – основываясь на линейно-табличных диаграммах ввести категорию качества в определение числа и выявить связь логического вывода с двоичными числами.

Какие образные представления можно поставить в соответствие термину «число» и что может дать для этого диаграммное построение логики, сделанное автором [1, 2]?

Понятие числа играет фундаментальную роль в решении проблемы соотношения математики и логики. Вклад логиков Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Д. Гилберта, Н. А. Шанина и др. в определения числа и

натурального ряда чисел привлекает внимание современных российских ученых. Это выразилось, в частности, в публикациях Е. И. Арепьева [3, С. 57–62.] и Н. В. Сафоновой [4], которые показывают, что считать работу в этом направлении завершенной было бы преждевременно.

Остается нерешенной проблема понятного, но вместе с тем правильного научного определения числа. (В определении, например, натурального числа через понятие единицы содержит порочный круг). Ждать такое определение от классической символической логики предикатов не приходится. Как считает В. Я. Перминов, реальная логика математики, признанная практикой мышления, аподиктически очевидна, интуитивно ясна, чего нельзя сказать о некоторых формулах любого исчисления в математической логике, а Евклид в «Началах» использовал «совершенно те же логические средства, что и в современных математических доказательствах, причем – все эти средства» [5, С. 117–118]. Если эта реальная, т. е. реально применяемая, и, в этом смысле, практическая логика, начинала свое применение в геометрических доказательствах, где символический язык связан с образами, то естественным было бы допустить, что очевидность этой логики обеспечивается именно ее связью с образами. Когнитивные психологи обращают внимание на то, что обычно умозаключения делаются путем образного представления отношений между множествами обсуждаемых предметов. (В их соображениях о рассуждениях без логики под логикой понимается чисто символическая логика. Попытка Дж. Андерсона выдвинуть «альтернативы логической модели» ведет, в силу идентичности предмета, всего лишь к непрофессиональной выработке логической системы, пользующейся изобразительным языком. [См.: 6; 7 С. 308, 318–319])

Помочь выяснить то, какие образы соответствуют числам, а, следовательно, и вычислениям должна изобразительная логика.

Есть основание утверждать, что пифагорейское отождествление всякой вещи с числом [см. 8, С. 287] в определенном значении верно не только со стороны количественной, но, и со стороны качественной характеристики вещей. Дело не только в том, что какой-то всякая вещь бывает насколько-то, а чего-то всегда бывает сколько-то, т. е. дело не только в измеримости степени качеств и в перечисляемости вещей. Любая вещь, по крайней мере, в виртуальном мире человеческого сознания и мышления, есть число в том смысле, что информация о ней передаваема в двоичном коде, элементы которого принято называть единицей и нулем, т. е. передаваема двоичным числом. Притом это информация и о количественных, и о качественных характеристиках вещи. В связи с этим встает вопрос о правомерности того, чтобы считать числом запись информации в двоичном коде.

По Гегелю, существует переход от качества к количеству, от исходного одного к многому и к исчислению многого [5]. Математик оперирует категориями своего уровня познания и соответствующими им терминами. Категории предшествующего уровня познания при этом как бы и не нужны. Между тем, как констатировал Гегель в «Науке логики», в познании бытия категория «количество» и подчиненные ей категории имеют своими предпосылками категорию «качество» и категории

подчиненные ей. Количество, а вместе с ним и число возникает вследствие качественных различий. Уже поэтому категория «качество» должна войти в правильное определение числа. Качество, как отмечал Гегель, есть граница. Это граница между тем, что обладает качеством и тем, что не обладает им. Введение качественного различия, качественной определенности, качества как границы превращает исходное одно в не одно, в многое. (Здесь исходное одно – это не единица измерения по отношению к чему-то. Оно не суммируется с чем-то другим просто ввиду отсутствия этого другого в универсуме обсуждения. Это одно не есть число. Его введение в определение числа не создает порочного круга).

Покажем переход качества в количество и построение ряда целых неотрицательных чисел на линейно-табличных диаграммах.

Одно – это то, в чем качественно различные не разделяют. Ниже на диаграмме (рис. 1) показано, как исходное одно превращается во многое посредством проведения качественных различий: *A* – не-*A*, *B* – не-*B*, *C* – не-*C*, *D* – не-*D*.

Рис. 1. Образование ряда целых неотрицательных чисел последовательным введением различительных качеств *A, B, C, D*…

На рис. 1. дана дооперациональная (входная, постоянная) часть логической таблицы истинности в форме линейной диаграммы. Линейные диаграммы, начиная с диаграмм Лейбница [см. 9, С. 601–602] и Ламберта, предполагают, что через концы отрезков проводятся перпендикуляры, которые делят пространство диаграммы на столбцы, соответствующие подмножествам в универсуме. Количество столбцов на предлагаемой диаграмме, как и количество строк с обозначениями 1, 0 (И, Л) на таблице истинности, равно 2^n. Исходное одно – здесь столбец, ограниченный краями верхней линии. *A, B, C, D* – и соответствующие им линии в той же строчке – это качества, которые у части исходного одного есть, а у части отсутствуют. Качество *A* позволяет различить *A* и не-*A* и т. д. В результате по комбинациям наличия или (и) отсутствия качеств *A, B, C, D* различается «многое», то есть множество столбцов: 15 – *A, B, C, D*, 14 – *A, B, C*, не-*D*, 13 – *A, B*, не-*C, D* и т. д. В том разделе логики, к которому применимы эти диаграммы, *A, B, C, D* и т. д. принято именовать свойствами, а суждения атрибутивными. Но это раздел логики, предшествующий математике, изучающей количество и меру. Значит, по Гегелю и по сути, это – логика, которая изучает бытие и качество, отвечает на вопрос «Какое есть, а какого нет?». Она не изучает сущность и свойство. Свойство может

проявиться, а может и не проявиться. Благодаря ему в обсуждаемом случае вещь может быть, а может и не быть в соответствующем качестве.

Вопрос о количестве: «Сколько?»

Это вопрос о том, замечены или не замечены (есть или нет) общие признаки, по наличию которых можно выделить исходное «одно»; и замечены или не замечены признаки, по комбинированию наличия или отсутствия которых можно определять (выделять) больше или меньше этого «одного», т. е. большую или меньшую его долю.

Вопрос о конкретном количестве – «Сколько этого?» Общая форма ответа на данный вопрос – «Этого столько-то».

Например: «Сколько столбцов *D* на последней диаграмме?» – Столбцов *D* на ней 8. (*D* = 8) «Сколько *D C*?» – = 4, и т. д.

Возможно остенсивное и вместе с тем генетическое определение числа и ряда целых двоичных чисел, т. е. что есть число, можно показать построением того, что собственно обозначается рядом целых чисел. См. диаграмму на рис. 1, повернутую на 90° с аналогичной входной частью таблицы истинности.

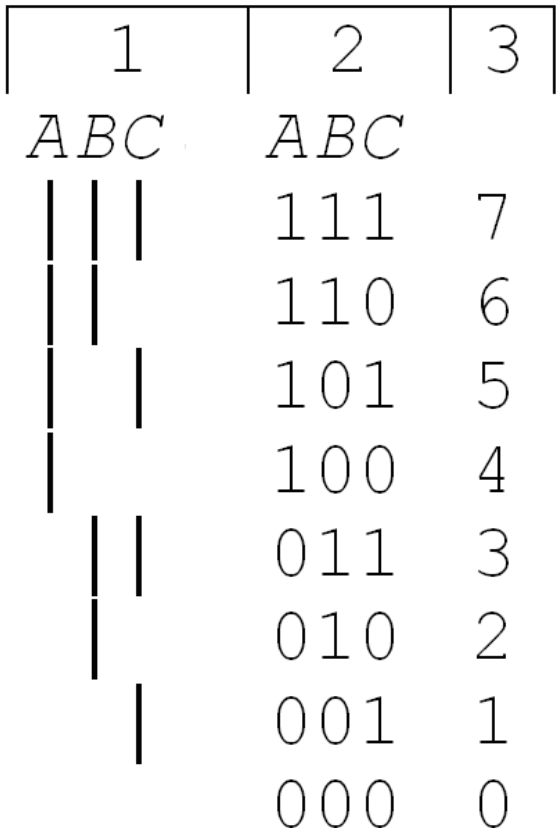


Рис. 2

Таким образом, целое число и каждая его единица, будучи переведенным в двоичное счисление, есть наименование особого сочетания отсутствия или/и наличия последовательно вводимых универсальных качеств А, В, С… которые делят исходное одно и всё различаемое в нем на А – не-А, затем В – не-В, и т. д.; и вместе с тем обозначение того, *сколько* таких сочетаний имеется до него, не включая его само, т. е. служит показателем количества таких сочетаний. Каждое вводимое качество соответствует единице особого разряда целого двоичного числа, а его отсутствие (отрицание) – нулю того же разряда, то первое сочетание обобщает все возможные дроби с нулем целых. 0 – это сочетание отрицаний всех введенных положительных различительных качеств. Соответственно, заменяя изобразительные обозначения качеств (линии на элементарных участках диаграммы) единицами разных разрядов и заменяя обозначение отсутствия *этих* качеств (пробелы на элементарных участках диаграммы) нулями, получаем ряд целых двоичных чисел. Для многозначных логик такой ряд двоичных чисел во входной части таблиц истинности не строится. Называть ли 0 натуральным числом – вопрос спорный [10, С. 3; 11, С. 541; 12, С. 1981] и конвенциональный. Однако 0 целых – это общее обозначение любой части, которая еще не есть исчисляемое целое, которая не обладает качеством этого целого и которой поэтому не соответствует целая единица.

Переход к двоичным дробным частям также можно рассматривать как продолжение деления исходного одного введением универсальных различительных качеств и переход ко все меньшим единицам. (Аналогично в познании материи исчисляемые целые делятся на всё более мелкие части). Но это значит, что через такое деление определяются и все числа, а не только целые.

Двоичное счисление – базовое, именно оно выражает реальный процесс превращения одного в многое через качественные различия. Остальные системы счисления лишь применяют другие знаки к этому многому с иным его осознанием, но без изменения обозначаемого, по сути. Двоичные числа соответствуют двузначной логике. Любое из «значений истинности» любой из многозначных логик представляемо двоичным числом. Оперирование двоичными числами лежит в основе оперирования любыми другими числами. Поэтому можно полагать, что многозначные логики производны от двузначной и сводимы к ней аналогично сводимости всех систем счисления к двоичной.

В данном определении числа, разумеется, существенно не просто указание на ряд двоичных чисел, а то, что число определяется через различительные качества и их последовательное введение. Исчисляемые единицы исходного одного различаются на основании качественных различий между ними. Только нечто не такое, как одно, есть другое. Введением каждого различительного качества исходное одно разбивается на вдвое большее количество вдвое меньших исчисляемых единиц. Диаграмма показывает, что каждая из исчисляемых единиц отличается от любой другой сочетанием наличия или отсутствия введенных в рассмотрение качеств, и эти качества и их отсутствие выступают как элементы, из которых состоят исчисляемые единицы.

Встает вопрос о том, что такое цифры 1 и 0 как наличие или отсутствие качества, или, что такое качество, которое может быть сведено к 1 или 0.

Рисунки 1 и 2 показывают, что предлагаемая линейно-табличная диаграмма есть результат преобразования логической таблицы истинности. Уже то, что обозначения *и* и *л* легко и без ущерба для демонстрации значения логических операций заменяются знаками 1 и 0 или линиями и пробелами линейной диаграммы, показывает, что эти обозначения существенны не как символы, а как изобразительные элементы. В линейно-табличных диаграммах из этих изобразительных элементов строятся качественно несходные изображения множеств, отношений между множествами и операций с множествами. Это могут быть и множества предметов, обладающих качествами (свойствами), и множества случаев, признаки которых – это происходящие в них события.

И мозг человека, а тем более, животного, и компьютер, в общем, являются изобразительными устройствами. Затем в составе изображений, т. е. восприятий и представлений, наряду с изображениями обозначаемых объектов появляются изображения знаков. Если же, например, говорят о цифровой фотографии или музыке, то совершенно ясно, что, так называемые цифры ни в этой фотографии, ни в этой музыке не есть символы, т. е. нечто не сходное с обозначаемым, а есть некоторые материальные элементы.

Диаграмма на рис. 1 может рассматриваться так, что в каждом ее столбце есть информация о всех элементах изображения некоторого возможного мира, который состоит из n элементов. Количество столбцов такой ЛТД, на которой была бы информация о всех возможных изображениях всех возможных миров, равно 2^n, где n – количество точек на экране. ЛТД, на которой была бы информация о всех возможных черно-белых изображениях на экране с разрешением 600×400 точек, должна была бы иметь $2^{(600\times400)}$ столбцов. На диаграмме с 2^∞ столбцов должна была бы быть вся информация обо всех возможных состояниях всех возможных миров. (В действительном мире, состоящем из бесконечного числа мирообразующих элементов такая диаграмма невозможна, так как многообразие отражающего должно быть больше многообразия отражаемого, а мир, во-первых, не сложнее самого себя, а, во-вторых, отличается на такой диаграмме от бесконечного числа равных ему по сложности миров.)

Но столбец линейно-табличной диаграммы (ЛТД) представляет собой (если отождествлять линию или пробел в столбце с точкой на экране) одномерную развертку изображения двухмерного мира, уменьшенного до четырех мирообразующих элементов. Информации о том, в каком порядке должны расположиться все элементы одномерной развертки, чтобы стать изображениями возможных миров линейная часть столбца ЛТД не содержит. Такая информация дается на фигурно-линейно-табличных диаграммах (ФЛТД).

Допустим, что все возможные миры – это изображения на экране с разрешением в четыре точки, т. е. с двумя строчками по две точки в каждой. В таком случае все возможные изображения на таком экране будут показаны на фигурно-линейно-табличной диаграмме (ФЛТД), показанной на рисунке 3 [см. также 2, С. 160–163].

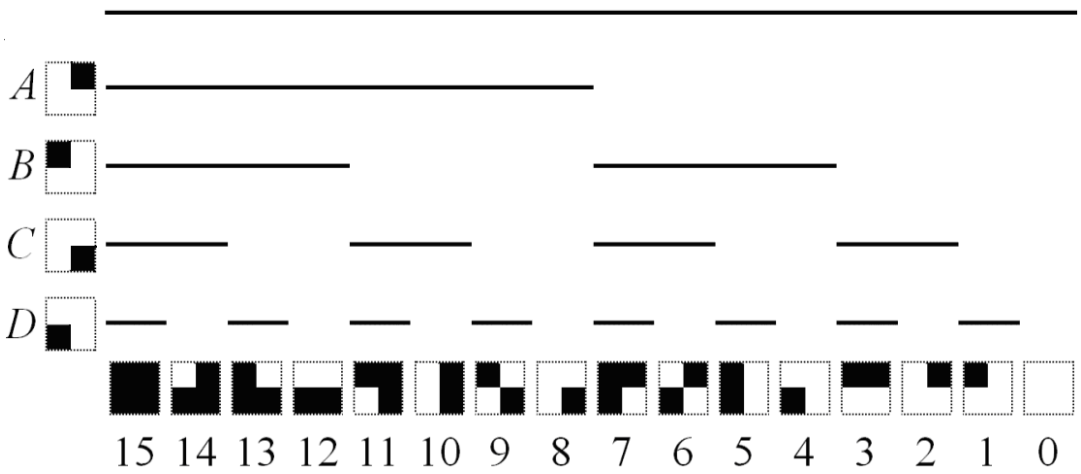


Рис. 3

Например, изображение 7 имеет вид:

.

Линиям в столбце 7 соответствуют черные точки на экране, а пробелам – нечерная (в данном случае, белая).

На ФЛТД отрезки линий в столбце лишь адресуют к тем изображениям (фигурам-признакам *A, B, C, D*), которые стоят слева перед линиями и на которых указано *положение* отдельных черных «точек» («атомов», «вещества») в пространстве возможного мира. И у фигур-признаков, и у фигур-предметов (0-15) эти черные точки отличаются от нечерных «точек» («пустоты», «вакуума»). Изображение в данном случае осуществляется черными точками на белом фоне, но могло бы осуществляться и на другом нечерном фоне. Т. е. пробел на диаграмме и 0 в таблице истинности соответствуют лишь отсутствию линии и единицы, а не определенному как-то иначе изобразительному элементу.

Приведенная ФЛТД показывает, что хотя ее линейная часть и может, в принципе, нести в себе бесконечную информацию, но качественно эта информация неполна. Она должна дополняться информацией о порядке расположения изобразительных элементов в пространстве мира с другой размерностью. На рис. 3, в фигурно-линейной диаграмме нарисованные на плоскости, возможные миры имеют два измерения (двухмерны). Однако комбинированием линий и пробелов могут качественно несходно изображаться и объемные, т. е. трехмерные, возможные миры и даже миры с четырехмерным пространственно-временным континуумом.

Линейная часть на ФЛТД – это лишь дополнение к фигурной диаграмме, которая состоит из ряда фигур-предметов (15-0), выступающих в роли обсуждаемых возможных миров. Делается линейная часть для удобства наблюдения общих признаков этих миров. В принципе работать с союзами или другими связками, осуществлять операции выделения части этих миров или обозначения их существования можно и без линейной части. Вместе с тем и линейная часть – качественно несходное изображение-обозначение множеств возможных миров, которое может использоваться само по себе.

Фигурно-линейно-табличные диаграммы – это наглядное средство демонстрации значений терминов и объективных семантических проблем символической логики. Заменяя символы изображениями, мы переходим от оперирования только символами к соотнесению их с тем, что они обозначают. Логика при этом может считаться наукой о языке. Но поскольку этот язык может быть не только символическим, но и изобразительным, а грань между изображаемым (отражаемым) и изображением (отражением) оказывается относительной, условной, то условно и такое определение логики. Безусловным же остается то, что логика – это теория переработки информации, вывода информации следствия из информации основания независимо от того, несут эту информацию двоичные числа или изобразительные битообразующие элементы. Изображение все равно называют цифровым. Реальная или изображенная форма вещи превращается в число, затем число превращается в соответствующую форму изображения или вещи, например, на 3D принтерах. Логика выводит информацию из информации, числа из чисел. Какими бы ни были непосредственные записи информации основания и следствия они переводятся или в принципе могут быть переведены в двоичные числа. Числовые представления значений истинности многозначных логик также могут быть записаны двоичными числами, а переработкой информации в бинарном коде занимается двузначная логика.

Допуская возможность полной информации о мире, мы приписываем объективному миру особенность нашей информационной модели мира – быть образованной из двух видов элементов, в символическом языке замещаемых единицами и нулями. Разумеется, элементы нашей информационной модели мира, во-первых, не есть элементы самого мира, и, во-вторых, конечны, как конечны элементарные носители бита информации в мозгу.

Эта конечная величина элементов – необходимое условие допущения пространственной бесконечности мира. Допущение бесконечно малых элементов мира – это всего лишь идеализация и экстраполяция перехода в нашей информационной модели того, что раньше мыслилось как элемент (например, атом), в разряд того, что делится на элементы, из которых состоит.

Так или иначе, но образы предельно малых значений единиц и нулей – это элементы изображения мира в мозгу, мыслимые (осознанно или неосознанно; условно или безусловно) в качестве элементов объективного мира, объективного пространства.

Выводы. Исчисляемые единицы различаются на основании качественных различий между ними. Входная часть линейно-табличных диаграмм, равнозначных

таблицам истинности, показывает, что последовательным введением различительных качеств, которые на диаграммах обозначаются линиями и пробелами или другой аналогичной парой изобразительных элементов, строится то, что символически обозначают рядом двоичных чисел. Посредством такого построения дается остенсивное генетическое определение числа. Единицами и нулями этих чисел передается информация, выводимая из оснований в следствия. Это дает основание рассматривать двузначную логику как фундаментальную относительно всех других.

Список литературы

1. Жалдак Н. Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки / Н. Н. Жалдак. – Белгород : ЛитКараВан, 2008. – 264 с.
2. Жалдак Н. Н. Вывод из атрибутивных посылок без абстрагирования от содержания понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67). – № 2. – С. 159–167.
3. Арепьев Е. И. Аналитическая традиция: математика как часть логики – основные аспекты // Философские науки. – 2003. – № 6. – С. 57–62.
4. Сафонова Н. В. К различию ключевых единиц естественного языка и языка математики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67). – № 2. – С. 173–180.
5. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik / G. W. F. Hegel, Erster Teil. 2012. URL: http://www.gutenberg.org/files/6729/6729-8.txt (Дата обращения: 25.12.2018)
6. Жалдак Н. Н. Познавательная логика вопросов и ответов / Н. Н. Жалдак. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
7. Андерсон Дж. Когнитивная психология / Дж. Андерсон; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
8. Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1. Ч. I. – М.: Мысль, 1969. – 176 с.
9. Лейбниц Г. Сочинения в четырех томах: – М.: Мысль, 1984. – Т. 3. – 734 с.
10. Carothers N. L. Real analysis / N. L. Carothers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 401 p.
11. Clapham C., Nicholson J. The Concise Oxford Dictionary of Mathematics (4th edition) / C. Clapham, J. Nicholson. Oxford University Press, 2009. – 875 p.
12. Weisstein E. W. Concise Encyclopedia of Mathematics (2nd ed.) / E. W. Weisstein. – Boca Raton, London, New York, Washington, D.C.: CRC Press, 2002. – 3252 p.

Zhaldak N. N. The Linear-Tabular Logic Diagrams and the Category “Quality” in the Definition of the Number // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 25–34.

In this article, linear-tabular diagrams are used to define binary numbers and quantitative differences through qualitative differences, and to identify the relationship between the binary numbers and logical conclusion. Linear-tabular diagrams demonstrate the transition from quality to quantity, from the initial one to many and to the calculus of many. Construction on these diagrams of the integer numbers gives ostensive and genetic definition of the number. Number (in any base) is the name for such one of the 2^n combinations of absence or / and presence of qualities A, B, C… and each next quality corresponds to one of less digit of binary number, and its absence (negation) corresponds to zero of the same digit. The number, which is name of given combination, indicates how many combinations are up to it, but not including itself. We get a series of binary numbers, replacing notations of presence and absence of quality (notations quality and its denial as a negative quality), i. e. lines and spaces in the elementary parts of diagram, on units and zeros of different digits. The figural-linear diagrams show the possibility to reduce combinations of presence and absence of qualities to combinations of the presence and absence of one from two elements that make up representational models of possible worlds. Any information which is deduced in consequences from the grounds may be transmitted by binary numbers. This gives reasons to consider two-valued logic as fundamental with respect to all the others.
Keywords: logic, linear-tabular diagrams, quality, number, information, inference.

References

1. Zhaldak N. N. Izobrazitel'nyy logiko-semanticheskiy analiz estestvennogo yazyka nauki [Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science]. Belgorod, LitKaraVan, 2008, 264 p.
2. Zhaldak N. N. Vyvod iz atributivnykh posylok bez abstragirovaniya ot soderzhaniya ponyatiy [The Inference from the Attributive Premises without Content of the Concept Abstracting]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2015, vol. 1 (67), no. 2, pp. 159–167.
3. Arep'ev E. I. Analiticheskaya traditsiya: matematika kak chast' logiki – osnovnye aspekty [Analytic Tradition: Mathematics as Part of the Logic - the Main Aspects]. Filosofskie nauki [Philosophical Sciences], 2003, no. 6, pp. 57–62.
4. Safonova N. V. K razlichiyu klyuchevykh edinits estestvennogo yazyka i yazyka matematiki [To Distngushing Key Units of Natural Mathematical Languages]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2015, vol. 1 (67), no. 2, pp. 173–180.
5. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik. Erster Teil. 2012. URL: http://www.gutenberg.org/files/6729/6729-8.txt (Assesed 25 December 2018)
6. Zhaldak N. N. Poznavatel'naya logika voprosov i otvetov [Cognitive Logic Question and Answers]. Belgorod, LitKaraVan, 2010, 104 p.
7. Anderson Dzh. Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive Psihologi]. SPb, Piter, 2002, 496 p.
8. Antologiya mirovoy filosofii v chetyrekh tomakh [Anthology of World Philosophy in Four Volumes], 2012, vol.1, ch. I. Moscow, Mysl' Publ., 176 p.
9. Leybnits G. Sochineniya v chetyrekh tomakh [Compositions in Four Volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, vol. 3, 734 p.
10. Carothers N. L. Real Analysis. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, 401 p.
11. Clapham C. The Concise Oxford Dictionary of Mathematics (4th edition). Oxford University Press, 2009, 875 p.
12. Weisstein E. W. Concise Encyclopedia of Mathematics (2nd ed). Boca Raton, London, New York, Washington, D.C., CRC Press, 2002, 3252 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 35–44.

УДК: 124.5

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНЫ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Камалиева И. Р.

Научно-исследовательский центр «Антровита», г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru.

В статье рассматривается процесс возникновения и формирования аксиологического подхода к рассмотрению проблем современной медицины как медицины, ориентированной на обеспечение биологического здоровья человека. По мнению автора, проблема замещения принципов гуманизма и милосердия в медицине биологизаторскими, корпоративно-технократическими и биополитическими ориентирами имеет многовековую историю развития и сформирована несколькими взаимосвязанными между собой факторами, возникшими последовательно в процессе развития медицинской науки. Отдельное внимание в работе уделяется анализу текста Клятвы Гиппократа как этического канона медицинского сообщества, и не терявшей своего философского значения и морально-нравственной ценности на протяжении почти двух тысячелетий; что превратило ее в нечто целостное – аксиологическую установку, нравственный закон, которым руководствовались врачи на протяжении всей истории медицины вплоть до начала XX в. Автор считает, что современную медицину характеризуют следующие явления, свидетельствующие о смене ее ценностной парадигмы: замена установок Клятвы Гиппократа принципами биоэтики; «размывание» целостного образа пациента; неоднозначность современных определений медицины, здоровья и болезни; снижение уровня доверия к медицине со стороны общества. В результате исследования автор приходит к выводу, что смещению ценностных ориентиров в медицине способствовали ее исторически и культурно обусловленные сциентизация, институционализация, технологизация, технификация и субкультуризация.

Ключевые слова: современная медицина, ценности, врач, пациент, гуманизм.

Несмотря на успехи и достижения современной медицины, благодаря которым растет качество и продолжительность жизни человека, недовольство медициной парадоксальным образом также возрастает. А в глобальном масштабе, медикализация культуры и прогресс технологических возможностей биомедицины, способной влиять на биологическую природу человека и создавать предпосылки для изменения его социальных характеристик, формируют в общественном сознании ряд тревожных вопросов: каким будет облик человека в будущем? возможно ли массовое производство и использование генетического оружия? и пр. В связи с этим, безусловно, актуализируется изучение аксиологических установок в медицине с точки зрения их соответствия социальным запросам, а также с точки зрения истоков и особенностей развития этих установок. Аксиологический подход фундирует медицинскую этику и деонтологию, а также медицинскую практику в целом [1].

Медицина является уникальным социокультурным феноменом, традиционно предполагающим взаимодействие людей на основе безусловного доверия со стороны пациента и ожидаемого им предельно гуманного отношения со стороны врача, приобретающего в современных условиях все большую власть над жизнью и здоровьем больного человека. Например, относительно роста властного влияния медицины Тищенко П. Д. отмечает: «в эпоху биотехнологий из сети нормализующих практик биовласти вычленяется в качестве особого узла комплекс практик дарения и изъятия дара человеческого существования» [2, С. 4]. В то же время, современная медицина предполагает, что необходимые для деятельности врача знания им усваиваются в процессе преимущественого изучения естественных наук. В условиях подготовки специалиста медика по модели естествознания ожидание гуманности и милосердия в ответ на доверие со стороны пациента вызывает «напряжение, рассогласование между естественнонаучной и гуманистической составляющей в медицинском опыте» [3, С. 3], формирующее философско-этическое проблемное поле современной медицины. Оказываясь перед дилеммой – обеспечить телесное или душевное благополучие человека, современная медицина обоснованно делает выбор в пользу биологического здоровья пациента. Тем самым потребность пациента в гуманном отношении к нему как к страдающей в болезни личности, не может быть удовлетворена в полной мере в результате признания научной медициной основной своей ценностью телесное здоровье человека.

Силуянова И. В. в книге «Избранные. О профессии врача» признает наличие парадигмального кризиса, в условиях которого оказалась современная медицина: «сделать выбор в пользу традиционной нравственной парадигмы [ограничив применение технологий] или пойти путем создания новой нравственной парадигмы, оправдывающей и приветствующей все, что достигла и чем владеет медицина?» [4, С. 160–161]. Ценностями традиционной парадигмы автор признает «милосердие, спасение жизни, сострадание, бескорыстную помощь страждущему», новой, опирающейся на естественнонаучное знание и биотехнологические достижения, – «“качество жизни”, здоровье, прибыль и доход» [4, С. 161].

Таким образом, можно предположить наличие в современной медицине следующих аксиологических проблем: замена принципов гуманизма и милосердия на естественнонаучные (биологизаторские), корпоративно-технократические и биополитические ориентиры. Рассмотрим, какие социокультурные процессы способствовали их формированию.

Проблема трансформации принципов гуманизма и милосердия в медицине имеет многовековую историю развития и сформирована несколькими взаимосвязанными между собой факторами, возникшими последовательно в процессе развития медицинской науки.

Доврачебное целительство в Древнем мире опиралось на мифологическое представление о болезнях, а лечением недугов занимались жрецы, изгоняющие из тела соплеменника злых духов. В данных условиях, когда человек в глазах лекарей был неотделим от природы, а пациент представлял, по мнению племени, угрозу для общей безопасности, о гуманном отношении к больному в процессе целительства

утверждать не приходится. В дальнейшем, в условиях прогрессирующего социального расслоения общества, гуманизм медицины имел еще достаточно ограниченный характер, поскольку в культуре практически всех древних цивилизаций предполагалось дифференцированное отношение к больным различных социальных сословий. Но уже гуманизм медицины античного целителя, врача и философа Гиппократа (около 460 года до н. э. – около 370 года до н. э.), объединившего все древнегреческие медицинские школы общей парадигмой рациональной медицины, заключался именно в том, что врач самоотверженно служил каждому больному человеку, независимо от его социального положения. Объектом медицины был целостный человек, переживание им болезни имело немаловажное значение при диагностике заболевания. Именно потому Клятва Гиппократа (основным принципом которой являлась этическая установка «не навреди»), представлявшая собой канон этических требований общества по отношению ко всему медицинскому сообществу, не теряла своего философского значения и морально-этической ценности на протяжении почти двух тысячелетий. Это превратило ее в нечто целостное – аксиологическую установку, нравственный закон, которым руководствовались врачи на протяжении всей истории медицины вплоть до начала XX в. [5].

Также Гиппократ в своей Клятве у самых истоков европейской медицины разграничил деятельность врача и хирурга словами «Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом» [6, С. 87–88]. Думается, что данная аксиоматическая установка была неоспорима для врачей лишь до легализации и расцвета анатомии в Европе в эпоху Возрождения, а, в дальнейшем, и принятием в медицину хирургии. Ссылаясь на определение в словаре Ушакова о медицине как «цикле наук о болезнях и их лечении (в прошлом веке слово медицина употреблялось в более узком смысле, означая лечение внутренних болезней, терапию, и не включало в себя хирургию)» [7], можно сделать вывод, что медицина как лечение и хирургия как экстренное вмешательство в организм являлись разными понятиями вплоть до XIX века. То есть принятие хирургии в медицину на равных с терапией основаниях уже частично ставило под сомнение необходимость Клятвы Гиппократа, и, соответственно, ее гуманистических принципов.

Дальнейший вклад в систематизацию медицины, укрепивший ее сциентистскую направленность, внесли философы Нового времени – Ф. Бэкон, способствовавший развитию анатомии и патологической анатомии, и Р. Декарт, обосновавший механистические воззрения относительно деятельности живых организмов, что нашло выражение в работе Ж. О. Ламетри «Человек-машина» [8].

Идеи французских материалистов эпохи Просвещения (Ж. О. Ламетри, Кабанис и др.) способствовали развитию в науке представления о деятельности организма человека как о совокупности элементарных биохимических и биофизических процессов, душа рассматривается как модус тела и результат биохимических процессов, что стало ранней предпосылкой для возникновения психофармакологии в XX веке.

В ответ на механистические и биологизаторские подходы изучения человека возник витализм как «мировоззренческая позиция в биологии, согласно которой все живые системы принципиально отличаются от косных тел тем, что в основе их существования и проявлений жизнедеятельности лежит внутренне присущая им целесообразность, а их развитие является целенаправленным (телеология)» [9].

В медицине конца XIX – начала XX веков, характеризующихся развитием науки в целом, появились методы исследования, позволяющие при лечении человека нарушать его природную целостность постоянным присутствием чужеродных материалов. В дальнейшем данная тенденция способствовала формированию таких направлений медицины, как трансплантология, трансфузиология, психофармакология. Каждое достижение медицины, предполагавшее проникновение в природное человеческого тело с лечебной целью, на наш взгляд, вело к разрушению целостного образа пациента как объекта врачебной деятельности.

В 70-80-е годы прошлого столетия на фоне научно-технологического роста личность пациента затмили техника и технологии, позволяющие исследовать и трансформировать его организм. Дробление медицинской науки на множество специальностей также способствовало тенденции, уводящей от восприятия больного как единого целого, и как следствие, усиливало дальнейший «сдвиг» ценностных ориентиров медицины от принципов гуманизма к естественнонаучным принципам [5].

Следует также отметить, что гиппократовская медицина предполагала индивидуальную деятельность врача, имеющего доступ в дом и жизнь человека, о чем свидетельствуют следующие слова Клятвы: «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далёк от всякого намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами» [6, С. 87–88]. Потому, вполне закономерно, что институционализация медицины в XVIII веке и возникновение клиник, предполагающих лечение больного человека вне дома, семьи и привычной жизни, способствовали формированию иных профессиональных и этических принципов, накоплению научного медицинского опыта в процессе обмена информацией внутри врачебного сообщества и обучения на медицинских кафедрах, становлению закрытой корпоративной медицинской культуры.

Возможно, было бы ошибкой провозгласить Гиппократа нерушимым столпом гуманизма в медицине. Как и большинство античных мыслителей, подаривших человечеству новое знание и систематизировавших научный опыт человечества, своим учением он также способствовал возникновению мировоззренческих дилемм, которые через тысячелетия превратились в непреодолимый для общественного сознания разрыв между объективностью научного подхода и гуманистическими идеалами. М. Фуко в книге «Рождение клиники. Археология врачебного взгляда» пишет: «На заре человечества, до всех напрасных верований, до всех систем, медицина в своей целостности существовала в непосредственной связи со страданиями, которые она облегчала. Эта связь происходила скорее от инстинкта и восприимчивости, чем от опыта; она устанавливалась индивидом от себя самого к

себе самому, до того, как быть включенной в социальную сеть» [10, С. 34]. Именно Гиппократ, по мнению Фуко, «был и последним свидетелем, и наиболее двусмысленным представителем» открытости медицины обществу, когда «медицинский опыт умел находить равновесие между наблюдением и знанием, предохранявшим его от ошибки». Именно Гиппократ, сведший медицину в систему, как утверждает Фуко, способствовал развитию закрытости медицины от общества: «До того, как стать знанием, клиника была универсальным способом связи человечества с самим собой: золотой век медицины. Упадок начался тогда, когда была введена письменность и секретность» [10, С. 34]. Действительно, можно утверждать, что именно Клятва Гиппократа стала предпосылкой для возникновения неоднозначно трактуемой современной биоэтикой врачебной тайны, о чем свидетельствуют следующие ее слова: «… устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому» [6, С. 87–88]. Данная установка способствовала возникновению врачебной династийности, превращая врача в представителя «избранной» касты, обладающего информацией о болезнях пациента, и, соответственно, и возможностью манипулировать пациентом.

По мнению Фуко, благодаря введению Гиппократом в медицинский опыт нового измерения такого, как «знание [вместо наблюдения], которое буквально можно назвать слепым…, становится возможной медицина, сопряженная с метафизикой» [10, С. 34]. Потому позитивизм в уже клинической медицине XIX века вполне объясним с позиции М. Фуко, считавшего, что именно античный мыслитель ввел философию в медицину вместо наблюдения.

Закрытость медицины от общества обусловлена и наличием «собственного языка», т.е. возникновение в античности и дальнейшее развитие древнегреческой и латинской, активно используемой в современной медицине, терминологии [11, С. 3], которая, в основном, и определяет границы медицинской культуры, превращая ее в закрытую профессиональную субкультуру, регулируемую на сегодняшний день специфическими отраслевыми правовыми и этическими кодексами. Согласно определению А. М. Мясоедова, «медицинская субкультура – система ценностей, идеалов, норм и образцов поведения медицинских работников, их мировоззрение, а также символы, традиции, обычаи, составляющие в совокупности своеобразный, отличный образ жизни, детерминированный спецификой профессиональной медицинской деятельности» [12, С. 13].

Следствием нарастающей институциональной закрытости, ее субкультуризации, явилось снижение уровня доверия к современной медицине со стороны общества: сегодня пациент ориентируется на поисковые системы в сети Интернет, мнение СМИ (как правило, негативное), художественные произведения и прочие ненаучные источники. В ответ на социальные запросы в условиях дефицита доверия к медицине возникают идеи интегральной медицины [13], законодательно разрешенные занятия целительством лицами без медицинского образования, противоречащие официальным достижениям научной медицины и способные нанести вред человеку [14]. С другой стороны, закрытость медицины способствует возможности злоупотреблять знанием, дающим власть над человеком и обществом.

В случае врачебной ошибки человеку крайне сложно ее оспорить ввиду высокого уровня корпоративной солидарности членов закрытого медицинского сообщества. Возникает социальное противостояние «врач-пациент».

Одной из ценностно-ориентирующих проблем современной медицины, является трансформация понятий «здоровье» и «болезнь», определяющих границы практической медицины. По мнению М. Фуко, развитие патологической анатомии в XVIII веке, сделавшей возможным исследовать развитие болезни, дало европейской культуре представление о конечности человека: «болезнь отрывается от метафизики страдания, которому на протяжении веков она была родственна, и обретает в наблюдаемости смерти законченную форму, где ее содержание появляется в позитивных терминах» [10, С. 233]. Именно данный момент, согласно взгляду Фуко, послужил появлению в медицинском опыте понятия «патология» (отклонение от нормы) взамен «болезни», а «здоровье» заменило «спасение».

Согласно современному определению ВОЗ, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [15], а Большая Российская Энциклопедия содержит следующее определение медицины (латинское medicina, от medicus – врачебный, лечебный, medeor – лечу, исцеляю): «область профессиональной практической и науч. деятельности, имеющая своей целью распознавание, лечение и предупреждение болезней, сохранение и укрепление здоровья и трудоспособности, продление жизни людей» [16]. Близкое толкование медицины содержится и в словаре Ожегова: «совокупность наук о здоровье и болезнях, о лечении и предупреждении болезней, а также практическая деятельность, направленная на сохранение и укрепление здоровья людей, предупреждение и лечение болезней» [17]. Таким образом, функция медицины, призванной согласно ее современному определению, «сохранять и укреплять здоровье» расширяется от терапии в XIX веке до обеспечения полного благополучия человека в XXI в. Понятия «болезнь» и «здоровье» расплывчаты. В чем выражается граница и в чем критерий ее определения? Не поэтому ли сегодня независимо от причин обращения к врачу, будь-то избавление от боли или естественные изменения в организме, человек является пациентом и объектом медицинской практики. Таким образом, здоровья, к которому стремится сегодня пациент, охватывает все сферы его жизни. Это связано с тем, что современный человек, благодаря вакцинациям от летальных инфекций, развитию реаниматологии, трансплантологии, репродуктологии, генетики, имеет гораздо большую продолжительность жизни, чем человек Нового времени, что ориентирует его и на улучшение качества жизни, т. е. благополучия. Однако, сегодня редкий человек может быть признан здоровым, а, тем более, благополучным как медициной, так и самим собой, потому как причиной возникновения новых, «цивилизационных» заболеваний, стали образ его жизни и среда обитания. В этой связи, Д. В. Михель отмечает важность изучения медициной данных факторов: «превращение хронических заболеваний в главную причину смертности населения в развитых странах поставило всю биомедицину в трудную ситуацию, лечение

хронических пациентов потребовало от врачей более внимательного изучения того, как образ жизни и окружение влияют на их состояние здоровья» [18, С. 97].

Сегодня функции медицины существенно расширяются, знание патологических процессов в организме позволяет ей укрепить власть над человеком. М. Фуко следующим образом охарактеризовал роль научной медицины в современном мировоззрении: «медицина предлагает новому человеку настойчивый и утешительный лик конечности; в ней смерть подтверждается, но, в то же самое время, предотвращается; если она без конца объявляет человеку предел, заключенный в нем самом, то она говорит и о том техническом мире, что является вооруженной, позитивной и заполненной формой его конечности. Жесты, высказывания, медицинские взгляды приобретают с этого момента философскую плотность, сравнимую с той, которой ранее обладала математическая мысль» [10, С. 235]. Современная медицина имеет возможность контролировать рождение человека посредством репродуктологии, а его смерть – ставшей обыденной медицинской отраслью – реаниматологией. А станет ли процесс контроля над рождаемостью и смертью массовым явлением, и в течение какого времени, – лишь вопрос государственных приоритетов в связи с тем, что сегодня медицина функционирует по модели «врач-пациент-государство-бизнес», в которой государство формирует «истину врача» через его образование, а люди, т. е. пациенты, «принадлежат» государству, заинтересованному в их производительности в первую очередь [19]. Также, в условиях культуры потребления, «человек, ощущая свою недостаточность и неукорененность, становится все более уязвимым и внушаемым, и, как следствие, медицина получает дополнительные возможности для экспансии и манипулирования, включая в свои функции не только заботу о здоровье, но и «заботу о себе» в самом широком смысле слова: заботу о красоте и чистоте тела, среде и чистоте обитания, эмоциональном состоянии, в итоге – заботу о том, чтобы стать человеком, ожидаемым и сконструированным культурой» [20, С. 18]. Таким образом, медицина приобретает над человеком все формы современной власти – от власти-авторитета врача, обладающего знаниями, до биополитической власти.

В сложившихся корпоративно-технократических условиях гуманистический принцип взаимодействия между врачом и пациентом нарушается, медицина превращается в сферу услуг и социальную технологию, а социальные запросы, обращенные к медицине, возрастают – в общественном сознании она становится ответственной за разрешение широкого спектра личных и социальных проблем человека, а не только за избавление от болезни. В связи с расширением сферы деятельности медицины, в ней появляются противоречащие ее гуманистической сущности явления, например, эвтаназия.

Таким образом, в современной медицине можно признать наличие следующих проблем, способствующих смещению ее ценностных ориентиров и возникновению переходной ситуации смены ценностных парадигм в медицине:

- ослабление гуманистических установок Клятвы Гиппократа ввиду содержащихся в ее тексте ограничений, преодоленных современной медицинской наукой;

- «размывание» целостного образа пациента как объекта гуманного воздействия со стороны врача вследствие прогресса медицинских технологий и техники, позволяющих нарушать природную целостность организма человека;

- отличность современных определений медицины, здоровья и болезни от их первоначального значения, несоответствие ожиданий общества возможностям практической медицины, смещающейся в сферу коммерческих услуг;

- наличие исторически и культурно обусловленной прогрессирующей корпоративной закрытости при нарастающей вовлеченности в биополитику, что влечет за собой социальное противостояние «врач-пациент».

В результате проведенного анализа можно утверждать, что смещению ценностных ориентиров современной медицины с принципов гуманизма и милосердия на естественно-научные (биологизаторские), корпоративно-технократические и биополитические принципы способствовали исторически и культурно обусловленные процессы сциентизации, институционализации, технологизации, технификации и субкультуризации.

Совокупность выше обозначенных процессов привела к замене основополагающего ценностного принципа медицины «лечить человека», прописанного в постулатах Клятвы Гиппократа, на технократический принцип «лечить болезнь», вследствие чего возник разрыв между стремлением медицины к обеспечению биологического здоровья человеку и потребностью современного пациента в целостном подходе к нему как страдающей в болезни личности.

Список литературы

1. Хубулава Г. Г. Философско-антропологический анализ коммуникации врача и пациента. Автореф. дис ... докт. филос. наук / Г. Г. Хубулава. – Санкт-Петербург, 2016. – 33 с.
2. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий / П. Д. Тищенко. – М.: ИФРАН, 2001. – 178 с.
3. Кириленко Е. И. Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования. Автореф. дис ... докт. филос. наук / Е. И. Кириленко. – Томск, 2009. – 44 с.
4. Силуянова И. В. Избранные. О профессии врача / И. В. Силуянова. – М.: Изд-во «Форма Т», 2008. – 256 с.
5. Камалиева И. Р. Социально-философский анализ современных проблем врачебной этики. Автореф. дис ... канд. филос. наук / И. Р. Камалиева. – Челябинск, 2013. – 21 с.
6. Руднева В. И. Гиппократ. Избранные книги / В. И. Руднева; пер. с лат. – М.: Сварог, 1994. – 732 с.
7. Медицина / Общий толковый словарь русского языка. URL: http://tolkslovar.ru/m3100.html (Дата обращения: 15.05.2018)
8. Ламетри Ж. О. Человек-машина. URL: http://www.psi.lib.ru/filosof/chelmash.htm (Дата обращения: 06.04.2018).
9. Войеков В. Л. Витализм / Электронная библиотека ИФ РАН: Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0124a65430338b2adfc56924 (Дата обращения: 10.05.2018)
10. Фуко М. Рождение клиники. Археология врачебного взгляда / М. Фуко; пер. с франц., научная редакция и предисловие А. Ш. Тхостова. – М.: Академический Проект, 2010. – 252 с.
11. Мусохранова М. Б. Терминогенез медицины как социально-философская проблема. Автореф. Дис ... докт. филос. наук / М. Б. Мусохранова. – Омск, 2012. – 42 с.
12. Мясоедов А. М. Медицинская субкультура: специфика, структура, динамика. Автореф. дис ... канд. культ. / А. М. Мясоедов. – Минск, 2012. – 29 с.

13. Дарибазарон Э. Ч. Интегральная медицина: социально-философский анализ сущности, концептуальных оснований и перспектив. Дис ... докт. филос. наук / Э. Ч. Дерибазарон. – Улан-Удэ, 2012. – 392 с.
14. Статья 50. Народная медицина. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
15. Преамбула к Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения. URL: http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf (Дата обращения: 10.05.2018)
16. Медицина / Большая Российская Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. – Т. 20. – С. 602.
17. Медицина / Толковый словарь Ожегова. URL: http://enc-dic.com/ozhegov/Medicina-15367.html (Дата обращения: 10.05.2018)
18. Михель Д. В. История болезни в социокультурном контексте: философское осмысление медико-антропологических исследований пациентского опыта // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2016. – № 2 (20). – С. 88–109.
19. Космарский А. Каковы границы власти врача над телом пациента? / Индикатор. URL: https://indicator.ru/article/2017/03/02/kakovy-granicy-vlasti-vracha-nad-telom-patsienta/ (Дата обращения: 01.07.2018)
20. Шестерикова О. А. Трансформация медицинского дискурса в современной европейской культуре. Автореф. дис ... канд. филос. наук / О. А. Шестерикова. – Санкт-Петербург, 2014. – 24 с.

Kamalieva I. R. Axiological Problems of Medicine: Origins and the Modern // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 35–44.

The article deals with the process of the emergence and formation of value problems of modern medicine, mainly oriented towards ensuring human biological health. In the author's opinion, the problem of replacing the principles of humanism and mercy in medicine with biologic, corporate-technocratic and biopolitical landmarks has a long history of development and is formed by several interrelated factors that have arisen consistently in the development of medical science. Special attention is paid to the analysis of the text of the Hippocratic Oath, which was the canons of the generally accepted ethical requirements of society to the entire medical community, and did not lose its philosophical value and moral and moral value for almost two millennia; which turned it into something integral - an axiological setting, a moral law, guided by doctors throughout the history of medicine until the beginning of the 20th century. The author believes that modern medicine is characterized by the following phenomena, evidencing the change in its value paradigms: the replacement of the Hippocratic Oath by the principles of bioethics; "Blurring" of the patient's holistic image; ambiguity of modern definitions of medicine, health and disease; decrease in the level of trust in medicine by society. As a result of the analysis of the problem of non-correspondence of the possibilities of modern medicine to satisfy the social request in a humane attitude to the patient suffering in the disease, the author comes to the conclusion that the historically and culturally conditioned scientifi cation, institutionalization, technologicalization, technicalization and subculturization contributed to the displacement of the values in medicine.

Keywords: modern medicine, values, doctor, patient, humanism.

References

1. Hubulava G. G. Filosofsko-antropologicheskij analiz kommunikacii vracha i pacienta [Philosophical and Anthropological Analysis of Doctors and Patients]. Extended abstract of doctor’s thesis, Sankt-Peterburg, 2016, 33 p.
2. Tishchenko P. D. Bio-vlast' v ehpohu biotekhnologij [Bio-power in the Era of Biotechnology]. Moscow, IFRAN, 2001, 178 p.
3. Kirilenko E. I. Medicina kak fenomen kul'tury: opyt gumanitarnogo issledovaniya [Medicine as a Cultural Phenomenon: the Experience of Humanitarian Research]. Extended abstract of doctor’s thesis, Tomsk, 2009, 44 p.

4. Siluyanova I. V. Izbrannye. O professii vracha [Selected. About the Profession of a Doctor]. Moscow, «Forma T», 2008, 256 p.
5. Kamalieva I. R. Social'no-filosofskij analiz sovremennyh problem vrachebnoj ehtiki [Socio-philosophical Analysis of Modern Problems of Medical Ethics]. Extended abstract of candidate's thesis, Chelyabinsk, 2013, 21 p.
6. Rudneva V. I. Gippokrat. Izbrannye knigi [Hippocrates. Selected Books]. Moscow, 1994, 732 p.
7. Medicina [Medicine]. Obshchij tolkovyj slovar' russkogo yazyka [General Dictionary of the Russian Language]. URL: http://tolkslovar.ru/m3100.html (Accessed: 15 May 2018).
8. Lametri Zh. O. Chelovek-mashina [Human Machine]. URL: http://www.psi.lib.ru/filosof/chelmash.htm (Accessed: 6 April 2018).
9. Vojekov V. L. Vitalizm [Vitalism]. Elektronnaya biblioteka IF RAN: Novaya filosofskaya ehnciklopediya [Digital Library of the Russian Academy of Sciences: A New Philosophical Encyclopedia]. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0124a65430338b2adfc56924 (Accessed: 10 May 2018)
10. Fuko M. Rozhdenie kliniki. Arheologiya vrachebnogo vzglyada [Birth of the Clinic. Archeology of Medical View]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2010, 252 p.
11. Musohranova M. B. Terminogenez mediciny kak social'no-filosofskaya problema [The Terminogenesis of Medicine as a Socio-philosophical Problem]. Extended abstract of doctor's thesis, Omsk, 2012, 42 p.
12. Myasoedov A. M. Medicinskaya subkul'tura: specifika, struktura, dinamika [Medical Subculture: Specificity, Structure, Dynamics]. Extended abstract of candidate's thesis, Minsk, 2012, 29 p.
13. Daribazaron Eh. Ch. Integral'naya medicina: social'no-filosofskij analiz sushchnosti, konceptual'nyh osnovanij i perspektiv [Integral Medicine: a Socio-philosophical Analysis of the Essence, Conceptual Grounds and Perspectives]. Doctor's thesis, Ulan-Udeh, 2012, 392 p.
14. Stat'ya 50. Narodnaya medicina [Article 50. Traditional Medicine]. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ (red. ot 29.12.2017) "Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii" [Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended on December 29, 2017) "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation"].
15. Preambula k Ustavu (Konstitucii) Vsemirnoj organizacii zdravoohraneniya [Preamble to the Constitution of the World Health Organization]. URL: http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf (Accessed: 10 May 2018)
16. Medicina [Medicine]. Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya EHnciklopediya, 2012, V. 20, 602 p.
17. Medicina [Medicine]. Tolkovyj slovar' Ozhegova [Explanatory Dictionary Ozhegov]. URL: http://enc-dic.com/ozhegov/Medicina-15367.html (Accessed: 10 May 2018)
18. Mihel' D. V. Istoriya bolezni v sociokul'turnom kontekste: filosofskoe osmyslenie mediko-antropologicheskih issledovanij pacientskogo opyta [The History of the Disease in a Sociocultural Context: the PHilosophical Interpretation of Medical-anthropological Studies of Patient Experience]. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy, 2016, no. 2 (20), pp. 88–109.
19. Kosmarskij A. Kakovy granicy vlasti vracha nad telom pacienta? [What Are the Limits of the Physician's Power Over the Patient's Body?]. Indikator [Indicator]. URL: https://indicator.ru/article/2017/03/02/kakovy-granicy-vlasti-vracha-nad-telom-patsienta/ (Accessed: 1 July 2018)
20. Shesterikova O. A. Transformaciya medicinskogo diskursa v sovremennoj evropejskoj kul'ture [The Transformation of Medical Discourse in Modern European Culture]. Extended abstract of candidate's thesis, Sankt-Peterburg, 2014, 24 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 45–51.

УДК 159.9.01

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК МОСТ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ[1]

Майленова Ф. Г.[1], Бронфман С. А.[2]

[1]Институт философии Российской Академии Наук, г. Моск ва, Российская Федерация

E-mail: farida.mailenova@gmail.com

[2]Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: chernenko.mtu@gmail.com

Эпистемология как наука, изучающая процесс мышления и понимания, является наиболее близкой к «зоне обмена» (П. Галисон) между философией и практической психологией. Примером такого плодотворного обогащения и взаимопроникновения философии и практической психологии является эпистемологическая метафора (автор термина – американский психотерапевт Д. Гроув). Работа с метафорами использует возможность языка кодировать с помощью образов скрытую в пространстве бессознательного травмирующую информацию и прорабатывать ее. Однако для того чтобы получить доступ к этой информации и донести ее до сознания, необходимо умение переводить язык образов на язык понятий. Специально разработанные эпистемологические вопросы, задаваемые по строго разработанному алгоритму, позволяют построить терапевтическую метафору и сделать процесс исцеления возможным. При этом терапевту важно помнить, что он не должен допускать «загрязнения» терапии и языка своими шаблонами и мнениями, стараясь максимально строго соблюдать правила «чистого языка», каковые, в свою очередь, могут быть использованы не только в психологии и психотерапии, но и в философском исследовании, способствуя корректному междисциплинарному трансферу знаний.

Ключевые слова: междисциплинарность, эпистемологическая метафора, философия и психотерапия, чистый язык, проблема понимания, трансфер знаний и практик.

ВВЕДЕНИЕ

Для того, чтобы более полно осмыслить познавательный опыт человека, необходимо признать, что существуют различные познавательные (когнитивные) практики. Если эпистемология исследует структуру знания и его семиотическое устройство, то герменевтика как ведущая когнитивная практика современности – искусство понимания (интерпретации) смысла, знака, симптома или текста (языка).

Естественным пределом герменевтики В. Дильтея, основанной на идее интуитивного познания, вчувствования (эмпатической совместности) и переживания, явилась проблема выразимости предела перевода с языка

[1] Подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-011-01082

чувственного на уровень общезначимого, обще-понимаемого. Онтологическая герменевтика М. Хайдеггера образовала мост между психологической герменевтикой В. Дильтея и лингвистической герменевтикой П. Рикера, который, в свою очередь, полагал, что теория психоанализа обладает значительными интерпретационными возможностями и может быть понята именно как психологическая герменевтика

Психоаналитическая традиция как глубинная герменевтика (А. Лоренцер) рождена идеей «попытки перевода» бессознательного (телесного, чувственного) опыта, создания языка понимания между двумя субъектами онтологического опыта (психоаналитик и его пациент), или автор (пациент) и интерпретатор (аналитик) для нахождения общего смыслового содержания в интерпретации [1]. Поиск понимания имеет уже не только интеллектуальное, но и практическое значение, так как от того, удалось ли его достигнуть, зависит успех психотерапии.

Интерпретация в психотерапевтическом (психоаналитическом, глубинном) смысле являет собой уникальный опыт перевода интуитивного узнавания (понимания) интерпретатором вербального и/или невербального «послания» автора на понятный им обоим язык, создание ими языка взаимопонимания, благодаря которому язык бессознательного автора (пациента) становится понятен ему самому и дает толчок к изменениям и, в конечном счете, к выздоровлению от телесного или душевного недуга.

МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ПСИХОЛОГИЕЙ

Несмотря на то, что психология некогда была частью философии, и существует множество пересечений в теоретической области, тем не менее зачастую две эти науки говорят на совершенно разных языках. Эпистемология как наука, изучающая процесс мышления и понимания, является наиболее близкой к «зоне обмена» [2] между философией и практической психологией и способна стать мостиком между этими важнейшими областями знания о человеке.

Примером плодотворного обогащения практической психологии философией является эпистемологическая метафора (автор термина – американский психотерапевт Д. Гроув), особый метод психотерапии в рамках недирективного гипноза, и философское осмысление этой техники могло бы послужить успешной интеграции как этих двух наук, так и медицины с психологией и философией.

Язык метафор является зачастую самым успешным в общении с пациентами при обсуждении сложных случаев, когда буквально «не хватает слов» для объяснения и понимания, а также в ситуациях настолько заряженных эмоционально, что прямой разговор не получается из-за слишком сильных эмоций.

Возникновение проблемы понимания связано с фундаментальной проблемой не-возможности понимания, реальностью непонимания [3]. В том, что касается языка, текста, метафоры или образа, речь может идти, прежде всего, о внезапном обнаружении «разрывов» в языке (тексте) сознания (бессознательного), тем, что может быть обозначено как «прерывистость» в опыте бытия, субъективно воспринимаемая как «непереносимая пустота», «аннигиляция», «абсолютное отчаяние» и потеря.

Метафоры в терапии позволяют, с одной стороны, абстрагироваться от эмоций, связанных с эмоциональной и физической болью, с другой – подключать рацио, который порой заглушается слишком сильной болью. Метод работы эпистемологической метафоры показывает, что такая возможность (при достаточной подготовке терапевта) существует, и можно тонко и, в то же время, решительно преодолеть препятствия, возникающие на пути терапии.

ПСИХОТЕРАПЕВТЕЧИСКИЕ МЕТАФОРЫ – ИСЦЕЛЕНИЕ СЛОВОМ

Психотерапевт работает словом, используя способность слова не только отражать внутренний мир человека, но и менять его, помогать справляться с болью, исцелять. Однако неверно понятое или не так сказанное слово способно повести терапевта по ложному пути и не только не решить проблему пациента, но и нанести тому дополнительную травму.

Для улучшения качества терапевтического общения важно, кроме специальных психологических навыков, умение правильно пользоваться языком, задавать нужные вопросы и внимательно слушать ответ, так как язык обладает способностью кодировать с помощью образов информацию, скрытую в пространстве бессознательного.

Особенность психотерапевтического общения состоит в том, что язык выступает не просто как средство общения, а инструмент, позволяющий получить доступ в бессознательное, в ту область человеческого «Я», где информация существует в виде образов, телесных ощущений и где хранятся воспоминания обо всех прошедших событиях, как самые болезненные, травмирующие, так и самые счастливые и вдохновляющие. Метафора позволяет получить туда доступ и использовать энергию этих воспоминаний, а также мягко преодолеть сопротивление терапии и прорабатывать травмы.

С помощью метафор возможно получить доступ к ***скрытым от осознания ресурсам*** личности и позволить мозгу переработать сложные проблемы и найти выход из ранее безвыходных ситуаций. Другая важнейшая ценность метафоры в том, что она позволяет увидеть и использовать для исцеления уникальные ***творческие возможности*** человеческого бессознательного. Даже пройдя страшный, разрушающий травматический опыт насилия (эмоционального, физического, сексуального), который обычно вытесняется, но продолжает отравлять жизнь, личность способна в метафорическом пространстве вернуться в него и переработать этот опыт так, что страшная ситуация из прошлого перестанет играть актуальную роль в реальной сегодняшней жизни.

Зачастую именно метод метафор позволяет излечить проблемы, которые длятся много лет. Страдания, длящиеся долго – результат того, что что-то помешало мозгу переработать болезненный опыт в момент получения травмы. Причина, как правило, была в недостатке ресурсов на тот момент: физическая или психическая невозможность на тот момент другой реакции (в ситуациях насилия или катастроф), малый возраст пациента, его сильная эмоциональная и/или физическая зависимость от человека, ставшего источником травмы. Однако в данный момент, хотя угроза уже позади, последствия той травмы продолжают причинять боль и мешают

нормально жить дальше, расставшись с прошлыми страданиями, которые «застряли» в теле в виде соматических болей.

Как именно работает метафора на уровне нейронов мозга – пока что для нас тайна, возможно в будущем с развитием нейронаук мы сможем приоткрыть завесу этой тайны, а пока что мы можем судить о ее эффективности непосредственно по результату, улучшению состояния пациента. Если болезненный опыт переработан, по выходу из транса вся жизненная ситуация магическим образом меняется. Как именно протекают процессы в пространстве бессознательного можно судить только опосредованно, так как клиент, хотя он активен, может говорить и отвечать на вопросы и в некоторой степени наблюдать за собой, воспринимать происходящее через яркие эмоционально окрашенные образы и пребывать в процессе всего сеанса внутри особого образного мира, похожего на мир сновидений или медитации.

Трансфер знаний, близкий к понятию «зоны обмена» [2; 4], подчеркивает идею импульса, возникающего в процессе взаимодействия между принципиально разными акторами (мир научного и мир обыденного) как ответ на противоречия, непонимание и поиск возможной «встречи», позволяя создавать «мосты» между различными аспектами бытия человека, в то же время делая более ясной коммуникацию внутри самой личности.

Несмотря на то, что техники эриксоновского гипноза не предполагают глубокого погружения в транс, тем не менее, зачастую, основная работа, которая проходит во внутреннем пространстве клиента, уходит из осознания по завершению процесса. Это забывание чем-то похоже на забывание снов, которые могут быть насыщены очень яркими эмоциями, порой тяжелыми и страшными, и как будто по окончании спектакля постепенно опускается занавес, затихают звуки и приходит тишина... Возможно в этом – особая мудрость нашей природы, которая закрывает наше сознание от созерцания слишком тяжелых картин нашей жизни.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТЕРАПЕВТА И ПОНЯТИЕ «ЧИСТОГО ЯЗЫКА»

Ответственность психолога – тема особого исследования [5]. Одна из важнейших задач терапевта – говорить с клиентом на его языке, его ответственность за корректное использование языка.

Многие терапевты попадают в так называемую «эпистемологическую ловушку» [6] и совершают большую (увы, типичную) ошибку – руководствуются в интерпретации состояния клиента своим собственным опытом, полагая, что они «узнали» типическую проблему и поэтому им уже «известно», что нужно делать. Кроме ускользания истины, которая могла бы подарить ясность видения при более внимательной коммуникации, для процесса терапии это чревато ещё и потерей возможности исцеления, суть проблемы может потеряться и вновь уйти вглубь. Впоследствии симптом может вернуться, порой даже усилиться.

Разумеется, психотерапевты поступают так не по злому умыслу, а из-за инерции мышления, которая свойственна всем людям благодаря свойству мозга быстро находить соответствие нового опыта уже имеющемуся и размещению новой информации в кластер «подобное = известное». Вследствие этого появляются

преждевременные оценки, выводы и суждения, которые строятся, учитывая лишь часть новой информации, опуская и теряя остальное.

Крайне важно для терапевта умение уважительно принимать все эмоциональные реакции клиента, независимо от его (терапевта) собственных эмоций по поводу этих реакций.

Психотерапевту важно помнить, что он не должен допускать «загрязнения» терапии и языка своими шаблонами и мнениями, стараться строго соблюдать правила «чистого языка». Чистота языка означает, что терапевт в коммуникации с клиентом должен использовать язык клиента, стремясь не добавлять от себя ничего: при построении метафоры он берет лишь те слова и понятия (не заменяя их на похожие), с теми же интонациями, как их использовал клиент. Именно это предельно чистое отзеркаливание языка клиента позволяет максимально точно отразить внутреннее пространство клиента, обойти его сопротивление и создать состояние динамического транса. Важнейшая составляющая навыка «чистого мышления» – максимальный отказ от эгоцентризма и привычки рассматривать других как часть своего собственного мира.

ПРАВИЛА «ЧИСТОГО ЯЗЫКА»

Строгость и чистота языка – важнейшее условие успешной терапии в любой психотерапевтической школе, однако именно эпистемологическая метафора предъявляет к использованию языка максимально строгие требования. Чистый язык в понимании этой техники – это не значит грамматически правильный, грамотный язык. Чистота языка обусловлена тем, насколько терапевту удалось вести сеанс, в точности воспроизводя вокабулярий пациента. Научиться чистому языку непросто, это требует постоянной концентрации внимания и удерживания фокуса внимания на клиенте, на его истории, его языке, а также на его невербальных проявлениях, таких как дыхание, поза, изменение тембра голоса и скорости речи, глазодвигательные реакции, мимика и жесты, а также смех и слезы.

Что представляет собой «чистый язык» в рамках этого метода [6]:

- в нем нет предположений и ожиданий терапевта, который использует только собственные слова и метафоры клиента так, чтобы не «загрязнить»;
- в ходе работы терапевт повторяет особенности поведения и речи клиента, даже если они кажется ему странными;
- речь не идет о грамматической или стилистической правильности языка;
- необходимо использовать то же время и те же формы глаголов (и местоимений), которые использует пациент;
- терапевт должен с теми же интонациями, не перефразируя, не конкретизируя, не интерпретируя и не усложняя предложения, в точности повторять то, что говорит клиент;
- если клиент находится в диссоциации относительно травматического опыта и говорит о чувствах ребёнка в третьем лице, терапевт тоже говорит в третьем лице;

– для того, чтобы тщательно отслеживать невербальные реакции, необходимы паузы; нужно ценить молчание, потому что в эти моменты созревает, усиливается и трансформируется информация.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПСИХОТЕРАПИИ

Эпистемологические вопросы, разработанные Д. Гроувом для психотерапии, можно рассматривать как упражнение для отработки навыка «чистого мышления», которое необходимо как для философских исследований, так и для улучшения качества дискуссий, профессиональной, деловой и межличностной коммуникации.

Умение слышать именно то, что говорит собеседник, не домысливая за него и не приписывая ему собственные чувства, стремиться удерживать состояние незнания, поиска, вопрошания – навык, способный разрешить или предотвратить большую часть межличностных конфликтов.

Таким образом, взаимообмен между психотерапией и философией возможен в том, что не только философия обогащает психотерапию теоретическими знаниями в области сознания и мышления, но и психотерапия «возвращает долг» в виде практик, позволяющих философской рефлексии стать более эффективной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык может быть точным, тонким и опасным, как оружие. Он может ранить как нож и может исцелять как скальпель. И существующие психотехнологии, в особенности метод эпистемологической метафоры, позволяют многократно усилить эти свойства языка, доводя его порой до магии.

Искусство создания динамического транса, который достигается путём поочерёдного сопровождения клиента из пространства его телесных ощущений в пространство творческого мышления с нагружением его рацио и далее возврат его к ощущениям в теле, с использованием правил «чистого языка» позволяет увидеть, каким образом язык может становиться материальным и обретать исцеляющую силу.

Терапевтическая ситуация динамического транса, в которой клиент находится в активном состоянии ума, но в то же время поглощен своими ощущениями, попеременно погружаясь в различные виды опыта: телесного, языкового, логического, образного, что позволяет ему получить доступ к скрытым ресурсам творческого бессознательного, сама по себе является метафорой, с помощью которой можно описать идеальный трансфер знаний и практик в обществе, где чувственно-материальный опыт перемежается с образным мышлением и подвергается логико-философскому анализу. Если все эти составляющие части трансфера взаимодействует корректно и между ними есть понимание, не просто появляется новое знание – меняется вся структура в целом, и эту трансформацию описывает метафора творческого бессознательного.

Сказанное ещё раз подтверждает давний тезис, что сеанс психотерапии – это метафора жизни в целом, потому неудивительно, что обратное также верно.

Благодаря эпистемологической метафоре мы можем делать ещё один большой шаг в познании удивительного мира человека и слегка приоткрыть завесу над поражающими тайнами нашего мозга и нашего творческого бессознательного.

Список литературы

1. Бороненкова Я. С. Психоаналитическая герменевтика // Вестник МГЛУ. Философия и культурология. – 2010. – Вып.11. – С.127–135
2. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – №1. – С.64–91
3. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка.- М.: РОССПЭН. – 2008. – 704 с.
4. Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. - №1. – С. 8–17
5. Майленова Ф. Г. Выбор и ответственность психолога-консультанта. - М.: КСП+, 2003. – 416 с.
6. Доморацкий В. А. Краткосрочные методы психотерапии. – М.: Издательство Института психотерапии, 2007. – 221 с.

Maylenova F. G., Bronfman S. A. Epistemological metaphor as a bridge to the unconscious // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 45–51.

Epistemology as a science that studies the process of thinking and understanding is closest to a “trading zone” (Peter L. Galison) between philosophy and practical psychology. An example of such fruitful enrichment and interpenetration of philosophy and practical psychology is the epistemological metaphor (author of the term - American psychotherapist David J. Grove). Working with metaphors makes use of the ability of the language to encode with the help of images of the traumatic information hidden in the space of the unconscious and to work it out. However, in order to gain access to this information and bring it to consciousness, it is necessary to translate the language of images into the language of concepts. Specially developed epistemological questions that must be asked according to the strictly developed algorithm allow constructing a therapeutic metaphor and making the healing process possible. At the same time, it is important for the therapist to remember that he should not allow “contamination” of therapy and language with his templates and opinions, trying to strictly follow the rules of “Clean Language”, which in turn can be used not only in psychology and psychotherapy, but also in philosophical research, contributing to correct interdisciplinary knowledge transfer.

Keywords: interdisciplinary, epistemological metaphor, philosophy and psychotherapy, Clean Language, problem of understanding, transfer of knowledge and practices.

References

1. Boronenkova Ja. S. Psihoanaliticheskaja germenevtika [Psychoanalytic Hermeneutics]. Vestnik MGLU. Filosofija i kul'turologija [Bulletin of MGLU. Philosophy and Cultural Studies]. 2010, vol.11, p. 127–135
2. Galison P. Zona obmena: koordinacija ubezhdenij i dejstvij [Trading Zone: Coordination of Beliefs and Actions]. Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki [The Problems of History, Science and Technology]. 2004, №1, pp. 64–91
3. Avtonomova N. S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka [Cognition and Translation. Experience of the Philosophy of Language]. Moscow, ROSSPJEN, 2008, 704 p.
4. Kasavin I. T. Zony obmena kak predmet social'noj filosofii nauki [Trading zones as a subject of social philosophy of science]. Epistemologija i filosofija nauki [Epistemology and Philosophy of Science], 2017, no.1, pp. 8–17
5. Mailenova F. G. Vybor i otvetstvennost' psihologa-konsul'tanta [The Choice and Responsibility of a Counseling Psychologist]. Moscow, KSP+, 2003, 416 p.
6. Domorackij V. A. Kratkosrochnye metody psihoterapii [Short-term methods of psychotherapy]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2007, 221 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 52–59.

УДК: 16

СОВРЕМЕННАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ: В ПЛЕНУ У ФЕЙКОВ

Малюкова О. В.

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская федерация

E-mail: o.maliukova@list.ru

В статье описывается феномен «фейкньюс» как мощного средства аргументативного влияния. Автор приходит к выводу, что в настоящее время влияние фейковых новостей можно охарактеризовать как глобальное явление. Данная проблема не возникла в наше время; она сопровождает человечество на протяжении всего своего существования, с момента когнитивной революции люди обманывают друг друга, участвуют в мошенничестве и манипуляциях. Фейковость заложена в структуре классического риторического канона. Любая аргументационная практика ставит своей целью убеждение слушателя в своей правоте, дабы побудить его к нужным действиям. Это самая сложная процедура в аргументации, т.к. убеждение человека включает в себя некие иррациональные моменты, которые сложно преодолеть. Итак, если у человека отсутствует убеждение, его надо сформировать, если у человека есть какие-то пристрастия, их надо превратить в убеждения, если человек уже обладает убеждением, необходимо их преобразовать. Современные компьютерные сети и СМИ пытаются решить именно эту задачу. Решение этой проблемы не следует искать на пути стремления к честности или усилению ответственности за ложь. В последние десятилетия XX и XXI веков человечество успешно разрешило ряд проблем, которые ранее казались неразрешимыми. Проблема фейковых новостей также будет решена. Главное – осознание проблемы и попытка ее разрешения.

Ключевые слова: поддельные новости, способы аргументации, риторический канон, пузырь фильтра, парадокс релевантности.

Современная общественная жизнь необычайно политизирована. Это обстоятельство вызвало практически из небытия (социального, но не научного) целый ряд терминов, которым стали придавать некое новое содержание. В первую очередь речь идет о терминах «риторика» и «аргументация». На всех общественно-политических площадках, ток-шоу, встречах политических лидеров разного уровня можно услышать выражения типа: агрессивная риторика, лживая риторика, воинственная риторика, слабая аргументация, недостойная аргументация, поверхностная аргументация и т. д. С одной стороны, это свидетельствует о повышении степени разнообразия политического процесса, о вовлечении в него все большего количества участников. С другой стороны, мы наблюдаем обогащение и расширение содержания терминов, описывающих риторическую и аргументационную практику. Можно предположить, что происходит концептуализация этих понятий. С вышеуказанными понятиями тесно связана тема конфликта. «Аргументация и конфликт, по мнению Лисанюк Е. Н., два прочно

связанных между собой явления социальной жизни: конфликт является социальной, когнитивной и динамической причиной для того, чтобы его стороны дали старт аргументации» [1, С. 24]. Аргументация и конфликт чаще всего подразумевают победу любой ценой, в том числе и путем использования ложных аргументов. Основное расширение современной риторики и теории аргументации происходит за счет модного ныне понятия – «фейковые новости». Фейковые новости стали играть существенную роль в аргументационных практиках политической сферы общества. Понимание сущности фейка требует возврата к стандартным определениям риторики и аргументации.

Основной структурой традиционной риторики является классический риторический канон, состоящий из инвенции, диспозиции, элокуции, мемории и акции. Какие же из этих элементов канона могут стать местом для активизации фейка? Оказывается, что все. Инвенция представляет собой процедуру отбора информации для будущего сообщения. Инвенция ставит во главу угла предмет и обеспечивает доброкачественность именно предметного содержания. Основным мотивом отбора предметного содержания является субъективный интерес. На уровне инвенции работают топы, смысловые схемы-модели, которые помогают выделять из действительности различные предметы, явления и процессы, обычно применяют 12 видов топов. Современная топика активно использует новую структуру «формат-контент», своего рода топ № 13. Требование доброкачественности предметного содержания обычно связано с тем, что кто-то что-то видел или слышал, т. е. был свидетелем события, либо получил информацию от непосредственного участника, свидетеля, очевидца. На этом этапе уже возникает возможность злоупотреблений по типу поговорки «лжет как очевидец». Очевидец облекает свое видение в слова. Возможны следующие конструкции: видел, что существует, видел, что не существует, не видел, что существует, не видел, что не существует; далее, рассказал (написал), что видел, что существует; прочитал то, что рассказал тот, кто видел, что существует, и так далее до бесконечности… В результате, мы очень редко что-либо видели сами, а ссылаемся на длинную цепочку людей, самый первый из которых вроде бы что-то видел. Где-то в самом начале этой цепочки «появляются» фальшивые или фейковые новости. Реалии современного общества усугубляют проблему проверки. По мнению Лисанюк Е.Н.: «Ограниченность ресурсов и возможностей для фактуальной проверки информации, лежащей в основе классической корреспондентной концепции истины, – это особенность, хотя и вызревающая в лоне информационного общества, но характерная главным образом для современного глобального пост-информационного общества» [2, С. 410].

Фальшивые или фейковые новости можно определить, как информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных сетях и традиционных средствах массовой информации с целью введения пользователя в заблуждение. При этом ставится практическая задача получения финансовой, политической или иной формы выгоды. Фейк (более употребительный термин, или фейкньюс) – это подделка (англ. fake) и переводится «поддельный, фальшивый». Фейками сегодня называют:

1. Фотографии, подделанные в фотошопе, а иногда и видеоролики, смонтированные в видеоредакторе, либо снятые совсем в другое время и в другом, совершенно ином, трудно достижимом или не существующем, месте.

2. Фальшивые новости, ранее – это были «газетные утки», ныне их именуют «вбросы».

3. Страницы в социальных сетях, созданные от имени других (известных) людей.

4. Фейками могут называться также фальшивые аккаунты, заведенные не теми людьми, от имени которых ведутся. Владельцы мошеннического сайта или аккаунта могут разместить на нем десятки фальшивых комментариев от несуществующих «пользователей» с восторженными «отзывами», с целью заманить наивных людей скачать вирус или отправить СМС на короткий номер стоимостью 300 рублей.

Фейковые новости специально сфабрикованы («фабрика фейков») и составлены из полуправдивой информации для заведомого обмана читателя. Цель таких новостей, как коммерческая, так и политическая. Фейки имеют некоторое сходство с сатирическими новостями, которые строятся на основе тропов преувеличения и развлечения, но цели обмануть читателя они не ставят, их задача – привлечение внимания, развлечение, увеличение тиража, но никак не обман. Создание фейка имеет общие черты с приемами «желтой журналистики» и методами политической пропаганды.

Сфабрикованная фейковая новость нуждается в правильном расположении или диспозиции. Здесь могут быть задействованы все элементы этой структуры. Введение обеспечивает внимание к теме. Изложение дает возможность ознакомиться с обстоятельствами дела, поданными с определенной позиции. Аргументация выстраивает систему доводов, подтверждающих нужную точку зрения. Опровержение разбивает противоположные аргументы, при этом возможно использование любых приемов, вплоть до запрещенных, например, «аргумент к городовому» и т. д. Что нового появляется в этой сфере, благодаря фейкам. Это, без сомнения, изменение типов аргументации. В качестве свидетельств применяются различные ссылки на уже где-то опубликованные новости. Это репосты и перепосты различных новостей. Явление очень популярное и привычное. Число репостов фейковых новостей в социальных сетях превышает число перепостов обычных новостей: фальшивки интереснее читателю, они лучше соответствуют его ожиданиям, они более захватывающи. Фальшивым новостям хорошо служат целые поддельные новостные сайты, которые борются за читателя и часто выдают себя за хорошо проверенные новостные источники. В некоторых случаях фейки (фальшивые новости), сфабрикованные на таких сайтах, перекочевывают на традиционные новостные ленты, ибо у них может оказаться один и тот же автор и один и тот же заказчик.

Правильно сфабрикованная и хорошо расположенная фейковая новость нуждается в придании ей товарного вида с помощью методов элокуции. К этим методам обычно относятся разнообразные тропы и фигуры, придающие новости более уверенный, более однозначный вид – такова функция метафор, метонимий, синекдох и пр. Для фейковых новостей есть и свои особые приемы. Это изобретение

броских заголовков, которые не совсем точно отражают существо дела, но привлекают внимание. Иногда, заголовок – это единственное, что читают люди. Оформление фейка хорошо сопровождается вопросно-ответными практиками. Задается некоторый странный вопрос, но ответ на него никого не интересует, важен только сам вопрос, а точнее, его пресуппозиция. Существуют ситуации, в которых отвечающий на вопросы человек всегда остается в проигрыше. Как пример можно привести разговор врача с поэтом Бездомным из «Мастера и Маргариты», и это не уникальный случай. Странный вопрос – это отличная возможность озвучить и распространить самую непредсказуемую информацию.

Хорошо проработанная и даже заученная фейковая новость (этап запоминания можно опустить) готова к озвучиванию и выходу на публику. Традиционный способ или акция представляет собой по-прежнему хороший способ пустить новость в массы. Здесь по-прежнему важна личность оратора, но преобладают все-таки другие факторы: статус информационного канала, прайм-тайм или время выхода передачи, но главное – это сам факт попадания новости куда-нибудь, ибо даже правдивая новость может никуда не попасть, если она не будет соответствовать нужному тренду или формату.

Классический риторический канон в ситуации фейковости должен быть дополнен еще одним элементом – максимально ожидаемым восприятием (МОВ). Любая аргументационная практика ставит своей целью убеждение слушателя в своей правоте, дабы побудить его к нужным действиям. Это самая сложная процедура в аргументации, т.к. убеждение человека включает в себя некие иррациональные моменты, которые сложно преодолеть. Итак, если у человека отсутствует убеждение, его надо сформировать, если у человека есть какие-то пристрастия, их надо превратить в убеждения, если человек уже обладает убеждением, необходимо их преобразовать. Современные компьютерные сети и СМИ пытаются решить именно эту задачу. В течение многих лет практикуется распространение фейковых новостей через электронную почту, такие письма обычно содержат разнообразные небылицы сенсационного содержания, подрывающие веру в любую информацию. Чаще всего, основная задача распространителя такой информации – это спровоцировать адресата перейти по ссылке, а потом заразить его компьютер вирусом.

Самым распространенным методом применения фальшивых новостей является т. н. «пузырь фильтров». Пузырь фильтров (англ. *«Filter bubble»*) – это новое понятие, разработанное интернет-активистом Илаем Парайзером (англ. *Eli Pariser*) и описанное в его одноименной книге 2011 года [3]: негативная сторона персонализированного компьютерного поиска. «Пузырь фильтров» представляет собой явление, при котором веб-сайты сами определяют, какую информацию пользователь хотел бы увидеть, основываясь на информации о его месторасположении, прошлых нажатиях и перемещениях мыши, предпочтениях и истории поиска. В результате веб-сайты показывают только информацию, которая согласуется с прошлыми точками зрения данного пользователя. Вся иная информация, как правило, пользователю не выводится. Таким образом, два пользователя с противоположными точками зрения, воспользовавшись системой

персонализированного поиска, получат различную информацию и, соответственно, сделают различные выводы. Примером таких практик являются Google и другие поисковые системы с персонализированными результатами поиска, а также Facebook с персонализированной лентой новостей, которая с каждым действием пользователя наполняется все более и более персональными результатами. Представим себе, что у человека есть два друга в социальных сетях: один делает посты с поддержкой президента, а другой с его критикой, и первый пользователь делится первыми постами, а вторые игнорирует. Со временем постепенно в его ленте будут появляться посты со все более ярко выраженной высокой оценкой президента. Соответственно, он будет получать намного меньше информации, противоречащей его зрения, и окажется интеллектуально изолированным в своем собственном информационном пузыре. По противоположной схеме будет развиваться ситуация со вторым другом, но в конце и его ждет собственный информационный пузырь. Эффект «пузыря» может иметь негативные последствия для формирования гражданского мнения. Оказывается, людям сложно увидеть или приобрести что-то, что так или иначе не было под них подобрано поисковой системой. Кстати, источником информации для поисковых систем может быть марка и тип персонального компьютера, операционная система, местоположение пользователя, возраст и язык пользователя, история поисковых запросов, история просмотров сайтов, другие открытые вкладки в браузере. Каждый пользователь сталкивается с этим явлением.

Ведущим недостатком фильтрации поисковых запросов является то, что она закрывает человека от новых идей, предметов и важной информации и создает впечатление того, что его собственные интересы и есть все, что существует в мире. Это приносит потенциальный вред, как для личности, так и для общества в целом. Вредное воздействие от «пузыря фильтров» оказывает влияние на общество в целом, так как он может подрывать формирование общественного мнения и делать людей более уязвимыми к различным видам пропаганды и манипуляций.

«Пузырь фильтров» не является единственным компьютерным методом корректировки общественного мнения. Аналогичным ему явлением выступает т.н. «парадокс релевантности». Это понятие соответствует следующей ситуации. Люди и организации ищут некую информацию, которая изначально кажется им правильной или важной, но в результате она оказывается практически бесполезной или малоэффективной, одновременно те же люди игнорируют информацию, которая изначально кажется или воспринимается ими как неправильная и несущественная, но в результате оказывается правильной и полезной. Проблема возникает потому, что реальная значимость конкретного факта в этих случаях становится очевидной только после того, как этот факт стал известен. До этого идея его изучения была отклонена, потому что какой-либо факт был неправильно воспринят или интерпретирован. В итоге, человек, ищущий информацию, попадает в контекстную ловушку, он не может узнать то, что ему действительно нужно, и попадает в некое информационное слепое пятно. Это явление и называется «парадоксом релевантности», оно часто встречается на протяжении всей

человеческой истории и является важной проблемой, как для науки, так и для образования.

Следующее явление, схожее как с «пузырем фильтров», так и с «парадоксом релевантности» именуется «склонностью к подтверждению точки зрения». Так именуется тенденция человека искать и воспринимать только такую информацию (отдавать предпочтение такой информации), которая согласуется с его точкой зрения, убеждением или гипотезой.

Данное явление является разновидностью когнитивного искажения реальности и систематической ошибкой индуктивных умозаключений. Оно часто наблюдается тогда, когда люди собирают или запоминают информацию селективным образом либо когда интерпретируют полученную информацию предвзятым образом. Эффект проявляется сильнее в отношении эмоционально значимых вопросов и глубоко укоренившихся убеждений. Люди склонны интерпретировать разноплановые обстоятельства или неоднозначные свидетельства таким образом, чтобы поддерживалась их точка зрения. Такое явление хорошо описывается высказыванием «я полностью согласен со своей женой». Когнитивное искажение реальности сопровождается предвзятым поиском информации, соответствующим истолкованием, специфическим запоминанием. В результате получают объяснение многие «странные» аргументационные результаты. К ним можно отнести:

- явление поляризации взглядов – имеющиеся разногласия становятся все сильнее, несмотря на то, что сторонам представляют одни и те же доказательства;
- явление стойкости убеждения – точка зрения сохраняется даже тогда, когда поддерживающие ее доказательства опровергаются;
- явление первичности – склонность отдавать предпочтение информации, полученной первой;
- явление ложной корреляции – склонность видеть связь ситуаций или процессов даже там, где ее нет и быть не может.

Люди склонны подтверждать имеющиеся у них убеждения:

- люди склонны проверять свои гипотезы в предвзятом виде, фокусировать внимание только на одной возможности и игнорировать альтернативные;
- люди склонны принимать желаемое за действительное, ибо у человека существует ограниченная способность человека перерабатывать информацию;
- люди скорее склонны взвешивать потери от признания своей неправоты, вместо того чтобы оценивать ситуацию в нейтральном научном стиле.

В некоторых ситуациях эти тенденции могут существенно искажать выводы людей. Склонность к подтверждению влияет на излишнюю самоуверенность человека в собственных суждениях и может поддерживать и усиливать убеждения при получении доказательств обратного. Эти склонности или когнитивные искажения находят свое выражение в плохих решениях, принимаемых в политическом, организационном или иных контекстах на различных уровнях принятия решений.

Истоки современного интереса к термину «фейковые новости» связаны с проведением американских президентских выборов 2016 года. Хиллари Клинтон

стала главной мишенью фейковых новостей во время президентской избирательной кампании 2016 года, по мнению ряда аналитиков, распространение фальшивых дискредитирующих новостей стало одной из причин ее поражения на выборах. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой фальшивые новости применялись в основном против Дональда Трампа. Президент США Дональд Трамп в январе 2017 года отнес к категории фальшивых новостей сообщения канала CNN, описывающие его деятельность в новом статусе. В том же 2017 году президент США Дональд Трамп по отношению к журналистам, которые сообщают фейковые новости, применил термин «враги народа». Само расследование истории с американскими выборами 2016 года до сих пор не закончено. Исследование проблемы фейковых новостей также до сих пор не закончено, более того, оно находится в самом начале, нарастает интерес к этой теме и количество публикаций [4, 5].

В качестве заключения можно сделать вывод о том, что в наше время влияние фейковых новостей может быть охарактеризовано как глобальное явление. Ограниченность ресурсов и возможностей для фактической проверки информации является характерной особенностью современного пост-информационного общества. Кроме того, в настоящее время не существует изолированного процесса получения готового знания. Процесс коммуникации добавляет к нему некое познавательное содержание. Интенсификация информационных потоков и стремление людей к овладению ими стирает границы объективного и субъективного, истинного и ложного, делая обладание знанием самодостаточной ценностью.

Список литературы

1. Лисанюк Е. Н. Аргументация и убеждение. – СПб.: Наука, 2015. – 398 с.
2. Лисанюк Е. Н. Русский логос эры пост-правды и оценка аргументов (в романах Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Преступление и наказание») // Материалы Международной конференции «Русский Логос: Горизонты осмысления», 25–28 сентября 2017. С-Петербург. – 2017. – Т. 2. – С. 407–412.
3. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York: Penguin Press, 2011. – 294 p.
4. Малюкова О. В. Фейк как явление современной риторики // Философский текст в современной текстовой культуре: материалы всероссийской конференции XIV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Республика Крым, Судак, пос. Новый Свет, 18–20 сентября 2018 г.) // под ред.: О. В. Зарапин, Л. Т. Рыскельдиева, А. М. Тимохин, О. А. Шапиро, Е. Г. Шкорубская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 167–169.
5. Малюкова О. В. Современная фейковая риторика // Логико-философские штудии. – 2018. – Том 16. – № 1 – 2. – С. 145–147.

Malukova O. V. Modern Argumentation: in Captivity of Fakes // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 52–59.

It is described in the article the phenomenon of «fake news» as a powerful means of argumentative influence. The author concludes that nowadays the influence of fake news can be characterized as a global phenomenon. The fake problem did not arise in our time; it accompanies mankind throughout its existence, from the moment of the cognitive revolution people deceived each other, engaged in fraud and manipulation. Fake is

embedded in the structure of the classical rhetorical canon. Any argumentation practice aims to convince the listener in his own rightness, in order to induce him to take the necessary actions. This is the most difficult procedure in the argument, because a person's conviction includes some irrational aspects that are difficult to overcome. So, if a person has no conviction, it must be formed; if a person has any attachments, they must be turned into convictions; if a person has already got a conviction, it must be transformed. Modern computer networks and the media try to solve this particular problem. The solution of this problem should not be sought on the path of striving for honesty or increasing responsibility for lying. In the last decades of the 20th and 21st centuries, mankind successfully solved a number of problems that previously seemed to be intractable. The problem of fake news will also be solved. The main thing is the awareness of the problem and its setting on the day.

Keywords: fake news, ways of argumentation, rhetorical canon, filter bubble, paradox of relevance.

References

1. Lisanjuk E. N. Argumentacija i Ubezhdenie. [Argument and Persuasion]. SPb., Nauka Publ., 2015, 398 p.
2. Lisanjuk E. N. Russkij Logos Jery Post-pravdy i Ocenka Argumentov (v Romanah F. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» i «Prestuplenie i Nakazanie») [Russian Logos of the Post-truth Era and the Evaluation of Arguments (in F. Dostoevsky's novels 'The Brothers Karamazov' and 'Crime and Punishment')]. Materials of the International Conference "Russian Logos: Horizons of Comprehension", 25–28.09.2017, S-Peterburg, 2017, vol. 2, pp. 407–412.
3. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York, Penguin Press, 2011, 284 p.
4. Maljukova O. V. Fejk kak Javlenie Sovremennoj Ritoriki [Fake as a Phenomenon of Modern Rhetoric]. Filosofskij Tekst v Sovremennoj Tekstovoj Kul'ture : materialy vserossijskoj konferencii XIV Tavricheskie filosofskie chtenija «Anaharsis», [Materials of the All-Russian Conference XIV Tavrida philosophical readings "Anakharsis" (Republic of Crimea, Sudak, v. Novy Svet, September 18–20, 2018)] edited by O. V. Zarapin, L. T. Ryskel'dieva, A. M. Timohin, O. A. Shapiro, E. G. Shkorubskaya. – Simferopol', Publishing house «ARIAL», 2018, pp.167–169.
5. Maljukova O. V. Sovremennaja Fejkovaja Ritorika [Modern Fake Rhetoric]. Logiko-filosofskie shtudii [Logico-Philosophical Studies], 2018, vol. 16, № 1 – 2, pp. 145–147.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 60–64.

УДК: 164.07

УТОЧНЕНИЕ СПИСКА АРИСТОТЕЛЕВСКИХ СИЛЛОГИЗМОВ

Николко В. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vnnikolko@mail.ru

Обосновывается ошибочность, по крайней мере, в той части, где речь идет о принимаемости силлогистических формул на основе их Х-матриц, тезиса о том, что из утвердительных простых категорических высказываний нельзя получить отрицательное высказывание. В статье предъявлены два аристотелевских силлогизма ApmAmsOsp и AmsApmOsp, в которых истинность посылок гарантирует истинность заключений при условии запрета подставлять в них вместо s, p, m тождественные общие имена. Указанные силлогизмы ошибочно относят к множеству «неправильных», а потому не принимаемых, отбрасываемых формул аристотелевской силлогистики. Полученные результаты позволяют обнаружить «утерянные» законы аристотелевской силлогистики: найдена формула AspOsp, имеющая такую же Х-матрицу, как и законы обращения или подчинения для выражений вида Asp, Isp, Esp, Osp. Эту формулу уместно называть вторым законом обращения общеутвердительных высказываний. Формулы ApmAmsOsp, AmsApmOsp, AspOps трудно найти, но они легко доказываются с помощью кругов Эйлера. Открытие указанных силлогистических формул в качестве «канонических» существенно меняет имеющиеся теории относительно аристотелевской силлогистики.

Ключевые слова: аристотелевский силлогизм, силлогистическая формула, силлогизмы, Х-матрица силлогистической формулы, таблицы истинности силлогизмов.

Цель: показать, что некоторые силлогистические формулы аристотелевской силлогистики ошибочно занесены в разряд «непринимаемых».

Новизна: уточняются общие параметры силлогистики.

Пусть s, p, m и другие строчные буквы 2 половины латинского алфавита, с индексами или без них, являются предметными переменными, определенными в множестве общих имен словаря, например, русского языка. Тогда силлогистической формулой (**Определение 1**) будем называть любую тройку BCD высказываний вида Asp («Все s есть p»), или Esp («Все s не есть p»), или Isp («Некоторыes есть p»), или Osp («Некоторые s не есть p»), где каждая пара высказываний тройки имеет только одну общую предметную переменную. Например, AmpIsmOsp.

Каждая силлогистическая формула, например (B(p,m) C(s,m) D(s,p)),имеет таблицу истинности, состоящую из строк вида

s p m F(B(p,m)) F(C(s,m)) F(D(s,p))

где, помимо известных символов, фигурирует F – знак истинности / ложности (1/0) стоящих под ним простых формул силлогистики. Матрицы истинности

силлогистических формул состоят из двух таблиц – левой и правой. Левая, собраная из разных троек общих имен, имеет число строк, сравнимое с количеством троек общих имен русского языка. Правая таблица состоит из строк с тремя нулями или единицами. Нетрудно видеть, что число разных строк правой таблицы не может быть более 8. Выберем все разные строки, коих не более 8, в отдельную матрицу. Назовем ее X (характеристической) матрицей. Ясно, что каждая силлогистическая формула (в том числе силлогизмы) имеет свою X-матрицу. Оказывается, именно эти матрицы в силлогистике играют ключевую роль. Впервые X-матрица демонстрировалась нами в [1].

Определение 2. Силлогистическую формулу (B(p,m) C(s,m) D(s,p)) назовем аристотелевским силлогизмом, если и только если какими бы ни были наборы разных значений предметных переменных s, p, m из множества общих имен, составляющие формулу (B(p,m) C(s,m) D(s,p)) высказывания B(p,m), C(s,m), D(s,p) могут принимать только следующие истинностные значения из (0; 1):

B(p,m)	C(s,m)	D(s,p)
1	1	1
1	0	1
1	0	0
0	1	1
0	1	0
0	0	1
0	0	0

Таблица 1.

Иными словами, силлогистическая формула – аристотелевский силлогизм, если и только если ее X-матрица имеет вид Таблицы 1.

Как видно из Определения 2, важнейшим условием быть аристотелевским силлогизмом является требование не загружать его тождественными значениями предметных переменных. В противном случае в силлогизме по знанию отношений двух терминов посылок к третьему термину производится знание, тождественное по крайней мере одной из посылок. В этом случае мы получаем «балласт» из силлогистических выражений, таких, например, как:

Все лошади есть лошади.

Некоторые животные есть лошади.

Некоторые животные есть лошади.

Отметим также, что все известные к настоящему времени аристотелевские силлогизмы – а их 48 (в литературе их называют правильными) отвечают Определению 2.

Главным вопросом силлогистики как научной теории всегда был и остается сейчас вопрос расширения списка аристотелевских силлогизмов. Аристотель начинал с 14 единиц, Теофраст добавил к ним еще 5; затем дело было доведено до

24 единиц в стандартном виде (назовем их каноническими). Далее список расширился до 48 единиц путем присоединения силлогизмов в нестандартной форме так, что для каждого канонического силлогизма имеется его нестандартный двойник. Всего силлогистических формул 512; только 48 из них считаются правильными и принимаемыми. Попытки найти силлогизмы среди оставшихся 464 силлогистических формул почему-то успеха не имели. В результате сложилось мнение, согласно которому список аристотелевских силлогизмов исчерпан, и можно составлять правила аристотелевской силлогистики, а все силлогистические формулы делить на правильные и неправильные, правильные – канонизировать и т. д. Неизвестно, кто первым и откуда взял список правил: в современных представлениях правил или ничего не говорят об их сути, или ограничиваются примерами. Возможно, поэтому в XX веке мало кто всерьез просматривал состав отбрасываемых силлогистических формул. «Было бы утомительным доказывать, что оставшиеся 230 неправильных форм могут быть отброшены с помощью наших аксиом и правил вывода. Я лишь покажу на примере форм 1 фигуры» – писал в этой связи Я. Лукасевич в [2, с. 149].

Из советских авторов, обсуждавших тему правильности силлогизмов, следует указать В. Ф. Асмуса, который выделял 10 общих правил, в частности, правило числа терминов – их в аристотелевском силлогизме должно быть 3 и притом разных, и правило «из утвердительных посылок никогда нельзя получить отрицательный вывод» [3, с. 172]. В. Ф. Асмус пытался как-то объяснить происхождение и природу правил, но и он ограничился примерами, а зря: такое «когда», в котором бы из двух утвердительных посылок с необходимостью, гарантированно следовал бы отрицательный вывод – существует. В этом я убедился (и попробую убедить читателя) в процессе доказательства основной теоремы аристотелевской силлогистики (см. [4]), предполагающем обзор X-матриц 232 неправильных силлогистических формул в стандартной форме. Я обратил внимание на то, что в случае силлогистической формулы $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ трудно подбирать такие разные имена, подстановка которых вместо m, p, s в формулу $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ превращала бы посылки A_{pm}и A_{ms} в истинные, а O_{sp} – в ложную, хотя с другими формулами из 231 единицы это получалось. Через некоторое множество попыток пришло прозрение, что этого не будет никогда. Единственное исключение возможно, когда вместо s, p, m подставляются тождественные значения этих переменных, что недопустимо в аристотелевской силлогистике, как было отмечено выше. Тогда имело бы место следующее силлогистическое построение:

Все люди есть люди (истина)

Все люди есть люди (истина)

Некоторые люди не есть люди (ложь).

Стало ясно: в случае формулы $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ мы имеем дело с полноценным аристотелевским силлогизмом, еще не учтенным в существующих реестрах. Нетрудно было отыскать нестандартного двойника формулы нового пополнения, коим является силлогизм $A_{ms}A_{pm}O_{sp}$ – первой фигуры, нестандартный. Число аристотелевских силлогизмов в стандартной форме вырастает до 25 (а в целом, с учетом нестандартных форм – 50). Для проверки только что сказанного изобразим

кругами Эйлера отношения s, p, m в силлогизме $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ (и в силлогизме $A_{ms}A_{pm}O_{sp}$, соответственно) при условии, что значения s, p, m не тождественны. Картинка получается только одна, а именно: из трех концентрических кругов (Рисунок 1.), где заштрихованы те s, которые не суть p, что выражает гарантированную истинность отрицательного заключения при утвердительных посылках.

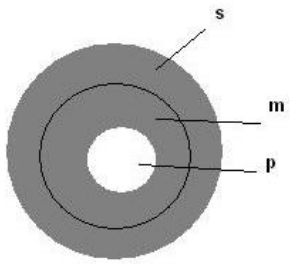


Рис.1

Вследствие показанного доказывается *Теорема 1.:* $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ имеет в качестве X-матрицы Таблицу 1.

S	P	M	A_{pm}	A_{ms}	O_{sp}
Животные	Слоны	Млекопитающие	1	1	1
Млекопитающие	Слоны	Животные	1	0	0
Рыбы	Слоны	Млекопитающие	1	0	1
Растения	Рыбы	Розы	0	1	1
Слоны	Млекопитающие	Индийские слоны	0	1	0
Млекопитающие	Слоны	Деревья	0	0	1
Слоны	Животные	Деревья	0	0	0

«Плохой» строчки 1 1 0 в X-матрице $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ нет в силу содержания Рисунка 1.

Доказывается аналогичная теорема для $A_{ms}A_{pm}O_{sp}$. Таким образом, есть аристотелевские силлогизмы, в которых из утвердительных посылок выводятся отрицательные заключения. $A_{ms}A_{pm}O_{sp}$ и $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$ ошибочно отнесены к отбрасываемым формулам. Следует во всех справочных изданиях изменить число канонических аристотелевских силлогизмов до 25; можно убрать всю методологию правильности и неправильности, а также следует:

- пересмотреть классификацию видов силлогизмов;
- добавить в 4 фигуру силлогизм $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$;
- изменить картину аксиоматизации;

- выяснить проблемы полноты, непротиворечивости и т.д. для систем с силлогизмами $A_{ms}A_{pm}O_{sp}$ и $A_{pm}A_{ms}O_{sp}$.

Иными словами, предстоит «большая стирка» – редакция существующих текстов, касающихся аристотелевской силлогистики. Отметим, что иных неучтенных аристотелевских силлогизмов, ошибочно отнесенных к числу неправильных, не нашлось.

Список литературы

1. Николко В. Н. Об одном классе логических функций (функфорах) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67). – №1. – С. 148–155.
2. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич // пер. с англ. Н. И. Стяжкина и А. Л. Субботин. Обш. Ред. П. С. Попов. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 311 с.
3. Асмус В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус. – М., 1947. – 387 с.
4. Николко В. Н. Формулировка основной теоремы аристотелевской силлогистики // Материалы всероссийской конференции «Философский текст в современной текстовой культуре», Симферополь: Ариал, 2018. – С. 175–177.

Nikolko V. N. On Clarifying the List of Aristotelian Syllogisms // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 3. – P. 60–64.

It is substantiated the fallacy of the thesis that it is impossible to get a negative statement from affirmative simple categorical proposition at least in that part where it is a question of acceptability of syllogistic formulas on the basis of their X-matrix. The article presents the two Aristotle syllogisms ApmAmsOsp and AmsApmOsp in which the truth of the premises guarantees the truth of the conclusions if that it is forbidden to substitute the identic general names instead of s, p, m. These syllogisms are erroneously referred to the set of “incorrect” and therefore to the not accepted formulas of the Aristotelian syllogistic. The results obtained allow us to detect the “lost” laws of Aristotelian syllogistic: the Asp Osp formula that has the same X-matrix as the laws of inversion or subordination for expressions of the form Asp, Isp, Esp, Osp was found. It is appropriate to call this formula the second law of applying universal affirmative proposition. Formulas ApmAmsOsp, AmsApmOsp, Asp Ops are difficult to be found, but they are easily proved with the help of Euler circles. The discovery of these syllogistic formulas as “canonical” essentially changes the existing theories of Aristotelian syllogistic.

Keywords: Aristotelian syllogism, syllogistic formula, syllogism, X-matrix

References

1. Nikolko V. N. Ob odnom klasse logicheskih funkcij (funkforah) [On a Logic Functions Set (Funcfors)]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology]. 2015, Vol. 1 (67), no. 1, pp. 148–155.
2. Lukasevich Ja. Aristotelevskaja sillogistika s tochki zrenija sovremennoj formal'noj logiki [Aristotelian Syllogistics from the Point of View of Modern Formal Logic].Transl. from Eng. N.I. Styazhkina and A.L. Subbotin. General ed. of prof. P.S. Popov. Moscow, Foreign Literature Publ. House, 1958, 311 p.
3. Asmus V. F. Logika [Logics]. Moscow, Association of state publishing houses, 1947, 387 p.
4. Nikolko V. N. Formulirovka osnovnoj teoremy aristotelevskoj sillogistiki [Formulating of the Main Theorem of Aristotelian Syllogistics]. Materials of All-Russian Conference “Philosophical Text in Modern Text Culture”. Simferopol, Publishing Printing House “Arial”, 2018, pp. 175–177.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 65–75.

УДК 167.7

ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФСТВУЮЩЕГО ЭКОНОМИСТА[1]

Ореховский П. А.

Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Статья является своеобразным полемическим откликом на программное эссе В. И. Разумова об основных задачах, стоящих перед современной философией. Автор не разделяет ключевую посылку об эволюции и росте когнитивности, на основе которой построена типология эпох в истории человечества. В противовес высказывается тезис о том, что подобные классификации во многом являются результатом интеллектуального произвола субъекта исследования и в частности, к примеру, ведут к некритическому заимствованию популярных экономических концептов, которые функционируют в таких построениях в качестве симулякров, заслоняющих рассмотрение реальных социально-экономических феноменов. Автор пытается показать, что в современных философских рассуждениях такие экономические концепты как «человеческий капитал», «большие кондратьевские циклы» являются симулякрами, а также актуализировать в рамках философского дискурса понятия «онтологического зла» и «манипуляции».

Ключевые слова: социальный конструкт, симулякр, авторитет, технологические уклады, нумерология, онтологическое зло, предательство интеллектуалов

Необходимое введение. Программная статья моего старого друга д. ф. н., профессора В. И. Разумова предлагает глобальное и весьма оптимистичное видение основных задач, стоящих перед философией. В основе предлагаемого видения лежит разделение истории человечества на Архаическую, Рациональную и Концептуальную эпохи, где в качестве критерия выступают восходящие типы когнитивности. Во время Архаической эпохи у людей, в основном, хватает мозгов только на то, чтобы выживать и увеличивать численность своего вида. В Рациональную эпоху человечество научается «доказательному рассуждению» и производит всё новые и новые образцы техники, во время Концептуальной эпохи, которая, по-видимому, началась в 21 веке, люди станут настолько умны, что поймут не только смыслы своего бытия (а заодно онтологию других систем), что научатся их производить. Соответственно, выделяется прошлое, настоящее и будущее философских проблем, обсуждение и решение которых позволило бы осмыслить указанные эпохи.

[1] Статья написана в ответ на работу В. И. Разумова (В. И. Разумов «Проблемы философии: прошлое, настоящее, будущее» // Вестник ТГУ №40, 2017. – С. 89–97)).

Спорить по отдельным деталям с В. И. Разумовым мне не хочется. Я не разделяю *главную посылку* об эволюции и росте когнитивности, на основе которой, собственно, построена и типология эпох. Любая власть, определяемая как отношения господства – подчинения, допускает некоторую степень произвола; символическая власть, которую любил характеризовать П. Бурдье [1], допускает такой произвол в отношении классификации объектов. Указанные эпохи не хуже и не лучше деления истории на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества, и также опираются на определенные «факты». Про последние хорошо пишет Б. Латур: «Факты есть факты в прямом смысле, *потому что* они сделаны, то есть возникли в искусственных ситуациях. Каждый учёный, которого мы изучали, гордился этой связью между качеством конструкции и качеством данных. Эта прочная связь действительно была главным подтверждением репутации. И если эпистемологи могли забыть об этом, существует этимология, чтобы напомнить это каждому [*factum – лат.* сделанное, совершившееся]. Мы были бы готовы ответить на более интересный вопрос: *хорошо* или *плохо* сконструирован данный научный факт? И уж конечно, не к тому, чтобы оказаться под властью этой абсурднейшей альтернативы: “Выбирай! Либо факт реален, либо он сфабрикован!”» [2, С. 128].

Очевидец – естественный враг историка: последний выбирает те или иные события и делает из них «факты», более или менее игнорируя всё остальное. У очевидца может быть совсем другая версия событий и совсем другие «факты». Философы используют «факты» из других общественных наук, которые Л. Ландау когда-то метко определил как «противоестественные». Далее приводятся несколько замечаний по поводу «фактов», во многом сконструированных экономистами, которые вошли не только в специфический философский, но и в широкий общественный дискурс. Как мне думается, они напрямую относятся к проблемам философии, как прошлым, так и настоящим и будущим.

О человеческом капитале и «постиндустриальном обществе». Человеческий капитал – категория, которая широко используется во всех дискурсах. Предполагается, что инвестиции в образование и медицину способствуют повышению квалификации и улучшению здоровья людей, что повышает их производительность, а, следовательно, и доход. Эта банальность ныне выступает одним из факторов экономической политики, и даже Вашингтонский консенсус рекомендовал выделять в качестве бюджетных приоритетов развивающихся стран образование и здравоохранение – вроде как это должно помочь экономическому росту и победить бедность.

Вообще-то «человеческий капитал» первоначально получает популярность как фактор, который позволяет объяснить происхождение «остатка Солоу». Модель экономического роста Р. Солоу относительно проста и позволяет продемонстрировать связь между инвестициями (нормой накопления) и экономическим ростом. Как показали эмпирические исследования, рост инвестиций и числа занятых позволяет объяснить не более 40% экономического роста, остальное приходится на неидентифицируемые факторы. Были выдвинуты гипотезы

о том, что эти факторы являются: а) человеческим капиталом и б) НИОКР; получены статистические подтверждения, что между ними и экономическим ростом есть сильная корреляция. Проблема, однако, в том, что наличие сильной корреляции – это не синоним причинно-следственной связи. Инвестиции в образование, медицину, НИОКР *могут быть следствием* роста дохода, а *не наоборот*. Более того, они могут быть и вовсе не связаны между собой.

Сомневаться в наличии «человеческого капитала» после того, как Т. Шульц в 1979 г., Г. Беккер в 1992 г. получили свои Нобелевские премии, у экономистов как-то не мейнстримно. Недавно Д. Макклоски с пафосом заявила, что в богатых странах почти не осталось наёмных рабочих, все теперь буржуа, благодаря повсеместному наличию у граждан этих государств человеческого капитала [3].

Однако если о человеческом капитале говорить не как о *макроэкономической сущности*, а как о реальном, микроэкономическом феномене, то вообще-то следовало бы запретить использование наёмного труда в большом числе различных организаций и для большого количества индивидов. Обладающий человеческим капиталом персонаж должен был бы заключать не трудовой контракт, а инвестиционный договор, предлагать фирме кредит или партнёрство. Должна была бы исчезнуть зарплата вместе с подоходным налогом – ведь с амортизации капитала налог не берётся. Бывший работник, а ныне – капиталист, должен автоматически получить право на участие в прибылях. Экономистам следует изменить свои двухфакторные модели (труд и капитал) на однофакторные (капитал). Возникнет замечательное бесклассовое общество, правда, не совсем по Марксу, но конфликт между капиталом и трудом будет снят.

Если бы экономисты, юристы, философы и политическое государственное начальство действительно бы верили в «человеческий капитал», то всю эту социальную инженерию, полагаю, нетрудно было бы реализовать. В конце концов, несмотря на отсутствие эксплуататоров, был же в СССР прибавочный продукт, создаваемый в материальном производстве, а профессор в вузе, занимавшийся непроизводительным трудом, его потреблял. В этой системе жили, в неё верили.

Ситуация с «человеческим капиталом», однако, всего лишь верхушка когнитивного айсберга – или, если угодно, бодрийаровского симулякра, – называемого «постиндустриальным обществом». Вот, например, популярная в Москве политолог Е. Шульман объясняет: «Труд в нашем сегодняшнем представлении станет никому не нужен, потому что от твоего труда только экологическая ситуация ухудшится, а вот от твоего творчества будет прибавочная стоимость и дальнейший прогресс человечества» [4]. Да что там: «Возникает проблема нового века: как и чем занять людей, чья работа не нужна. Кажется, что жизнь с гарантированным гражданским доходом, когда работать не надо, будет прекрасной мечтой, но на самом деле человек от этого болеет и умирает. Исследования показывают, что у лишившихся работы людей процесс саморазрушения начинается гораздо раньше, чем наступает материальная нужда… Помните, было такое советское выражение: «хороший человек – это не профессия»? Сейчас мы приходим к обществу, в котором другой профессии нет: есть только

профессия хорошего человека, а все остальные могут быть автоматизированы» [там же]. Г. Уэллс, братья Стругацкие и С. Лем нервно курят в сторонке.

В России получает высшее образование более 50% выпускников средних школ, в США заканчивают колледжи менее 30% возрастной когорты [5, С. 39]. Человеческий капитал в России, получается, должен быть намного выше, чем в США. Как это соотносится с производительностью? С доходом?

Собственно, дело не в этом – оставим экономические вопросы экономистам. Философскую же проблему я бы сформулировал иначе – кого в нынешнем «постиндустриальном обществе» считать *умным человеком*? Ранее некоторым «гарантийным талоном» было наличие высшего образования и/или учёной степени. Ещё раньше ум определённо связывался с богатством. В совсем далёком от нас прошлом ум связывали с благородным происхождением, реже – с праведным образом жизни.

Похоже, что такие реминисценции сейчас уже мало о чём говорят. Вызывает опасения то, что одновременно с усилением роли денег и богатства в мире всё сильнее заявляет о себе «племенной дух»: кровь, почва и религия. Вместо постиндустриальных всё большее влияние на жизнь людей оказывают архаические структуры, научные дискуссии всё больше заменяются *манипуляцией*. Архаическое мышление В. И. Разумов в своей работе вежливо назвал «мифопоэтическим». Но «человеческий капитал», «экономика знаний», «постиндустриальное общество» – всё это, на мой взгляд, «мифопоэма» и есть.

Проблема *умного человека* теперь не решается ни через «сумму знаний», ни через «креативность». При наличии гаджета и Интернета любой интеллектуальный инвалид по сумме знаний в разы превосходит энциклопедиста. Креативность как-то подозрительно напоминает разнообразные техники манипулирования; политтехнологи, фандрайзеры, маркетологи, пиарщики, дизайнеры и ещё целый ряд «криэйторов» неотличимы от цыган, продающих коней на базаре. Но тогда *кто в эту замечательную эпоху приобретает авторитет*, с кого берёт пример «самая правильная», по мнению Е. Шульман, современная молодёжь? Разве это – не современная проблема философии?

В этой ситуации российское министерство образования вкупе с ВАК поступают просто – они постепенно сокращают и диссоветы, и бюджетных студентов, и вузы, – то есть занимаются демонтажом «человеческого капитала».

Нумерология. Конструирование сущностей. Другое широко используемое в социальных науках понятие – большие кондратьевские циклы (БКЦ). Однако в статистике уже давно известен эффект Слуцкого-Юла, который показывает, что применение метода скользящих средних (который и использовался Кондратьевым для эмпирического доказательства существования БКЦ) к набору случайных чисел (Слуцкий использовал номера лотерейных билетов) показывает наличие волнообразных, циклических колебаний. С одной стороны, наличие этого эффекта можно интерпретировать как аргумент против существования циклов вообще и кондратьевских циклов в частности; во всяком случае, статистически феномен БКЦ выглядит недоказанным. Однако можно интерпретировать данный эффект и по-

другому. Сам Е. Слуцкий полагал, что полученные им в результате сглаживания «волновые эффекты» показывают, что случайные события и в обществе, и в природе имеют соответствующую «циклическую» природу [6].

Для экономистов проблема состоит в том, что в странах, где 2/3 валового продукта приходится на производство – потребление услуг, *сами по себе* изменения стоимости материальных активов *не могут* приводить к циклическим колебаниям конъюнктуры. Объяснение, которое предлагал Н. Д. Кондратьев, связанное с наиболее долгосрочными объектами основного капитала (дорогами, мостами и т. п.), теперь «не работает». Более того, неубедительной выглядит и шумпетерианская версия БКЦ, где в качестве основы цикла выступают технологические инновации. Сегодняшние корпорации, подобно "*Apple*", зачастую используют концепцию «бесфабричного производства» [7, С. 390], и не инвестируют в строительство заводов. В таком случае о необходимости возврата инвестиций в станки, линии и заводские корпуса вообще говорить не приходится.

Популярный дискурс «технологических укладов», запущенный в России в начале 1990-х гг. С. Ю. Глазьевым [8], имеет такое же отношение к реальности, как и «человеческий капитал». Он легитимирует претензии научных работников на государственные средства, а заодно упрощает жизнь сторонникам интервенционистской экономической политики, что делает его очень популярным. И это, конечно, «концептуальный синтез», создающий смыслы [9].

Нумерология – естественная часть сегодняшнего сциентизма, рассуждать о циклах – больших, малых, средних, полу-циклах и т. п. – вполне респектабельное и безопасное занятие. Естественно, что при этом создаются большие метафизические сущности – системы, которыми оперируют исследователи. Приём, который при этом используется, вообще говоря, представляет собой методологический холизм. После критики холизма К. Поппером, Ф. фон Хайеком, М. Фридменом и другими, экономическим мейнстримом стал методологический индивидуализм, запрещающий предписывать наличие рациональности коллективным сущностям. Тем не менее, надо было как-то объяснять поведение фирм, профсоюзов, банков, партий, правительства и т. д., для чего экономистами широко используется посылка однородности. Она позволяет рассматривать такие «социальные конструкты» (так и хочется опять написать – симулякры) как синоним алгоритма поведения индивида в определённых ситуациях (фирма = производитель, банк = кредитор или инвестор, правительство = производитель общественных благ, которые обмениваются на налоги и т. д.). Естественно, такое конструирование сопровождалось многочисленными оговорками («в отсутствие экзогенных шоков», «при прочих равных условиях», и т. д.). Многие экономисты со мной не согласятся, однако во всех этих конструктах-симулякрах всё тот же холизм вводится «с чёрного входа», а место позитивистского описания занимает скрыто нормативный подход, предписывающий изучаемым объектам поведение, милое сердцу исследователя. И эта практика будет продолжаться, по крайней мере, до тех пор, пока будет

сохраняться картезианское разделение «субъекта» и «объекта», неявно включённое в требования ВАК[2].

Беда ещё и в том, что в наших «противоестественных науках» имеют место описанные Р. Мертоном «самосбывающиеся пророчества», основанные на действии знаменитой теоремы У. Томаса: «если люди определяют ситуации как реальные, они становятся реальными в своих последствиях» вне зависимости от степени реалистичности их первичного описания [10, С. 605]. Правдоподобное описание России как ресурсного государства, в котором нет экономики, а есть только «освоение ресурсов», «распил», «сдачи-раздачи», где либерализм был связан с «депрессией», а впереди нас ждёт «цикл репрессий» [11] очень увлекательно и вопреки намерениям автора приветствуется гражданами, придерживающимися именно «прогрессивных убеждений». И вот уже где-нибудь на Болотной появляются «воины света» – «онижедети», и начинается повышательная волна БКЦ, где *должны* наблюдаться войны и революции… Как писал У. Сэмюелс, правда, совсем по другому поводу: «Дать определение реальности – значит внести вклад в её реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому, как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует…» [12, С. 24].

Онтологическое зло. Предательство интеллектуалов. Оптимизм В. И. Разумова в описании философских проблем Концептуальной эпохи заключается, на мой взгляд, в том, что в ней отсутствует *онтологическое зло*. Собственно, такое отношение к действительности разделяют и многие экономисты. Максимум, что здесь допускается (собственно, на это указывает и Разумов), это дефицит ресурсов и разные формы борьбы за их перераспределение. Но здесь, в конце концов, можно и договориться, а не воевать.

Оптимизм экономистов связан с так называемой «пирамидой Маслоу»[3], которая остаётся доминирующей концепцией в анализе экономической мотивации.

---

[2] См., например определение объекта исследования экономической теории в соответствующем паспорте ВАК: «Объект исследований: реальные экономические связи и процессы, имеющие общезначимый характер для типологически однородных условий (экономических систем, этапов их развития, способов производства, моделей хозяйственного механизма, исторических ситуаций и т. д.); опыт и результаты экономической деятельности в рамках различных социально-экономических систем, цивилизаций, переходных эпох, стран, регионов, отраслей и сфер хозяйства; учения и теории, раскрывающие содержание и основные черты экономических отношений, процессов и закономерностей экономического развития». Таким образом, сам экономист-исследователь оказывается «умнее экономики» – это *познающий субъект, наделённый чистым Разумом и находящийся вне реальных связей и процессов*. А теперь посмотрим на определение объекта исследования онтологии и теории познания в паспорте ВАК: «Объектами исследования являются теоретические достижения в области научно-философского миропонимания и методологии познания в России и за рубежом, результаты разработки философских проблем современной науки и техники». Субъект – и миропонимание философствующего субъекта в этом определении отсутствует, другими словами, философы исключают себя из собственной онтологии… Естественно, это *общее свойство всех определений объекта исследований* в паспортах ВАК.

[3] В исходной работе А. Маслоу не приводится изображение пирамиды. См. [13].

Несмотря на критику со стороны ряда социологов[4], она широко используется экономистами при моделировании изменений потребительского спроса. Предполагается, что по мере роста дохода люди переходят к реализации всё более широкого круга потребностей, при этом удельный вес потребления товаров и услуг, связанных с физиологией и безопасностью, постепенно снижается. Кроме того, «пирамида» предполагает наличие у индивида только «здоровых», «нормальных» потребностей, формирующих его предпочтения. Использование рациональности позволяет добиваться реализации этих предпочтений. Увеличение дохода сопровождается не просто ростом наслаждения, но всесторонним развитием личности. Тем самым сочетание пирамиды Маслоу и рациональности (роста когнитивных способностей) неявно предполагает реализацию идеи *прогресса*.

Можно ли рассматривать чувство зависти и желание быть «не хуже (лучше) других» в качестве одного из элементов пирамиды Маслоу? На первый взгляд, зависть – это достаточно высокая «социальная» потребность, которая относится к четвёртой «престижной» группе. Статусное потребление, совмещающее удовлетворение «первичных» потребностей с признанием заслуг индивида другими, а также – с потребностью в самовыражении, требует весьма высокого уровня дохода. Индивиды в бедных обществах, таким образом, должны быть лишены амбиций и зависти. Соответственно, предполагается, что доисторические племена, не знавшие частной собственности, были основаны на коллективизме и «равенстве в нищете». Рост производительности связан с постепенным развитием индивидуализма. Эти факторы обуславливают увеличение богатства, которое начинает распределяться весьма неравномерно. В качестве побочного негативного эффекта всех этих процессов возникает и развивается зависть.

Г. Шёк показывает, что это характерное представление неверно. Основываясь на работах А. Холмберга[5] и других антропологов, он показывает, что человеческих

[4] Холл и Ноугейм, Лоулер и Шатл показали, что теория иерархии потребностей не подтверждается и имеет низкую валидность. Главная проблема при проверке теории иерархии в том, что нет надежного количественного измерителя удовлетворенности потребностей человека. Вторая проблема теории связана с разбиением потребностей в иерархии, их последовательность. Сам Маслоу указывал, что порядок в иерархии может меняться. Тем не менее, теория не может объяснить, почему некоторые потребности продолжают быть мотиваторами даже после того, как они были удовлетворены. См. [14, С. 111–120].

[5] «Сирионо, племя, ведущее крайне скудное существование группами от 15 до 25 человек, демонстрирует несколько замечательных поведенческих черт, которые можно объяснить попыткой избежать зависти соплеменников. Индивид обычно ест один и ночью, потому что он не желает делиться своей добычей с остальными… По большей части сирионо представляют собой свидетельство крайнего индивидуализма, хотя они подчиняются некоторым групповым нормам, зачастую неохотно… Пищей (особенной редкостью является мясо) практически никогда не делятся с членами группы, которые не принадлежат к нуклеарной семье… Сирионо обвиняют друг друга в накоплении запасов пищи, но не могут сделать ничего, чтобы прекратить это. Обычно каждый человек прячет всё, что съедобно. Женщины могут даже прятать кусочки мяса в вагине, чтобы не делиться ими. Возвращающийся с охоты прячет добычу за пределами лагеря и присоединяется к группе, всячески демонстрируя неудачу. Ночью он возвращается, иногда вместе с женой, к месту, где спрятана добыча, чтобы съесть убитое им животное». См. Holmberg A. Nomads of the Long Bow. The Siriono of Eastern Bolivia (Smithsonian Institution: Institute of Social Anthropology Publication, No. 10). – Washington, 1950. – P. 36–62. Цит. по: [15, С. 53–54].

обществ, свободных от зависти, не существует и не существовало ранее: «представление о золотом веке, когда царила гармония, потому что все люди имели одинаково мало, а [заодно и – *П. О.*] представления о щедром и тёплом общинном духе простых обществ на самом деле по большей части были мифом, и социологи не должны были создавать на его основе набор утопических стандартов для критики их собственных обществ» [15, С. 54]. Зависть к другим является проявлением человеческой злобы, поэтому естественно, что люди, которые могут оказаться объектами зависти, стремятся её избежать, «не выделяться». Высокий уровень зависти в том или ином социуме может блокировать развитие. Как полагает Шёк, именно это имеет место в «застойных обществах».

«Чистое онтологическое зло» – наличие в человеческой природе свойства получать удовольствие от страданий и унижений других людей, что непосредственно связано со стремлением к лидерству и доминированию. Это уже несколько иное качество, оно отличается от зависти, которая в сублимированном и ограниченном виде лежит в основе социального контроля и требования справедливости. У экономистов «зло» присутствует в анализе категории «антиблаг», потребление которых связано с получением удовольствий индивидом, но разрушительно влияет на общество. В ряде философских учений это свойство человеческой природы примечательным образом игнорируется.

Нынешняя социальная реальность, вынесенная с помощью Интернета и социальных сетей в публичное пространство, демонстрирует огромное стремление современного человека к известности, доминированию, к тому самому восхвалению и возвышению одних, унижению и страданиям других. Более-менее заметного «концептуального синтеза» и «производства новых смыслов» я, как очевидец, не вижу; возможно, это проблема моего зрения.

Однако попытка создания «нового человека», лишенного зла, уже предпринималась. Дело было не очень давно, ещё на моей памяти, и это был так называемый «советский человек», впоследствии – просто «совок». В 1980-е он был сначала оболган, потом проклят и наконец убит тогдашними отечественными «властителями дум», во имя стремления к глобальной цивилизации, гуманизма, прогресса и общечеловеческих ценностей. Удивительно наблюдать, как периодически, в те или иные нынешние торжественные дни, этот социальный конструкт воскрешают, а потом опять старательно отправляют в небытие. Социальные мыслители самых разных специализаций и направлений принимают в этих ритуалах активное деятельное участие.

Ситуацию «предательства интеллектуалов» обычно связывают с работой Ж. Бенды, посвященной анализу поведения западной интеллигенции до, во время и после первой мировой войны [16]. Однако в России имеются свои многочисленные истории, когда интеллигенция то с царем против народа, то с народом против царя [17]…

Каково *философское определение «предательства»*, и *кого* и/или *что* предали фашисты К. Шмитт и М. Хайдеггер[6]? Является ли «предателем» симпатизирующий

[6] Обсуждение фашистских взглядов М. Хайдеггера, связанное с публикацией его дневников, подробно приводится в [18].

правым националистическим взглядам Хайдеггера российский философ, бывший профессор МГУ А. Дугин[7], или его «левые шельмуют»? Что представляет собой для интеллектуала *родина*? Может ли *для отечественного интеллектуала быть родиной Россия*, или нынешнее российское государство – *чужбина* для всех, а здешнее население, сохраняющее «*гены совка*», должно быть *ментально истреблено*, а экономически – выплачивать долги всем своим соседям, до тех пор, пока *«они нас не простят»*?

Я этого не знаю, да, собственно, это и выходит за пределы моего «экономического философствования». Но думаю, что эти вопросы существенно расширяют и дополняют список настоящих и будущих проблем философии, поставленных профессором В. И. Разумовым.

Вместо заключения. Четыре года назад один из самых популярных современных российских поэтов, приехав в Киев, дал самому себе следующую ироническую самоаттестацию: «В апреле золотистом / К национал-фашистам / Приехал их приятель / Национал-предатель». Может, он и вправду случайно произвёл «новый смысл» и осуществил «концептуальный синтез»? Во всяком случае, в России он по-прежнему любим и популярен, а вот ни в старом СССР, ни в новой свободной демократической Украине такой его «коллаборационизм» бы не забыли. «О чудный новый мир» Концептуальной эпохи…

Список литературы

1. Бурдье П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир. В кн. Бурдье П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 208–221.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с.
3. Макклоски Д. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм (О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти) // Экономическая политика. – 2016. – Т. 11. – №4, С. 153–195.
4. Шульман Е. Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить. URL: http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/ (Дата обращения 13.12.2017).
5. Кинг С. Когда заканчиваются деньги. Конец западного изобилия. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 360 с.
6. Слуцкий Е. Сложение случайных величин как источник циклических процессов // Вопросы конъюнктуры. 1927. – Т. III. – Вып. 1. – С. 34–64.
7. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 420 с.
8. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.
9. Кошовец О. Б., Ореховский П. А. Дискурс "экономики" против дискурса "экономической системы": от осмысления реальности к производству смыслов // Общественные науки и современность. – 2018. – №6. – С.133–148.
10. Мертон Р. Самоосуществление пророчества. В кн. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. – С. 605–624.
11. Кордонский С. Г. Ресурсное государство – М., REGNUM, 2007. – 108 с.

[7] Обсуждение этой темы: [19].

12. Сэмюэлс У. Дж. ”Истина” и “дискурс” в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике. В кн. Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке /редкол.: В. С. Автономов (гл.ред.), О. И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д. В. Мельник (отв. секр.) и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 13–30.
13. Maslow A. H. Motivation and Personality. – New York: Harper & Row, 1954. – 367 p.
14. Холлифорд С., Уиддет С. Мотивация: Практическое руководство для менеджеров. – М.: ГИППО, 2008. – С.111–120.
15. Шёк Г. Зависть: теория социального поведения. – М.: ИРИСЭН, 2010. – 544 с.
16. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов – М.: ИРИСЭН, Социум, 2009. – 310 с.
17. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. В книге Федотов Г. П. Судьба и грехи России. – СПб.: София, 1991. – С. 66–101.
18. Хайдеггер, “Черные тетради” и Россия / под ред.М. Ларюель и Э. Файя. – М.: ИД Дело, РАНХиГС, 2018. – 368 с.
19. Пени Г. Александр Дугин, открытое и одновременно скрытое хайдеггерианство. В книге Хайдеггер, “Черные тетради” и Россия / под ред.М. Ларюель и Э. Файя. – М.: ИД Дело, РАНХиГС, 2018. – С. 283–304.

Orekhovsky P. A. By the Eyes of the Philosophizing Economist // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 65–75.

This work aims to continue the discussion on the key problems of contemporary philosophy, that was began by V.I. Razumov. Classification of historical periods by the criterion of cognitive growth is largely a consequence of the intellectual arbitrariness of the researcher and philosophers often uncritically use economic concepts to develop large conceptual schemes. This may lead to the formation of "blind spots" – situations when simulacra are used to create reality while real phenomena are ignored. As an example of simulacra, "human capital" and "industrial society" are cited. "Human capital" is a speculative concept, not consistent with the practice of labor contracts, has no legal formulation. The costs of education and research may not lead to an increase in income. Modern society is inclined to scientism and numerology. Economists, and, after them, philosophers often construct "large" metaphysical essences, endowing them with the property of rationality. In positivistic philosophy, there is no ontological evil inherent in human nature and understood as a pleasure that the individual receives from domination over other individuals. Ignoring this feeling sometimes leads to a situation of "betrayal of the intellectuals". This raises questions about what is a betrayal, what is the concept of the homeland for the intellectual, whether a certain country can act as such, or some countries, because of the mentality of their population, will always be alien to the intellectual.

Keywords: social construct, simulacrum, authority, Kondratiev cycles, numerology, ontological evil, betrayal of the intellectuals.

References

1. Bourdieu P. Pole intellektual'noy deyatel'nosti kak osobyy mir. V kn. Burd'ye P. Nachala [The Field of Intellectual Activity as a Special World. in the Book Bourdieu P. The Foundations]. Moscow, Socio-Logos, pp. 208–221.
2. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu [The Reassembly of the Social: an Introduction to the Actor-network Theory]. Moscow, Press of the Higher School of Economics, 382 p.
3. McCloskey D. Izmerennyy, bezmernyy, preuvelichennyy i bezosnovatel'nyy pessimizm (O knige «Kapitalizm v XXI veke» Tomasa Piketty) [Measured, Immense, Exaggerated and Unfounded Pessimism (On the Book "Capitalism in the XXI Century" by Thomas Piketty)]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], Vol. 11, No. 4, pp. 153–195.
4. Shoolman E. Sovremennaya molodezh' – samoye pravil'noye iz vsekh pokoleniy, kakiye tol'ko mozhno sebe predstavit' [Modern Youth is the Most Correct of all Generations, which one can Imagine]. URL:

http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/ (Accessed 13 December 2017)
5. King S. Kogda zakanchivayutsya den'gi. Konets zapadnogo izobiliya [When Money Runs out. End of Western Abundance]. Moscow, Publishing House of Gaidar Institute, 360 p.
6. Slutsky E. Slozheniye sluchaynykh velichin kak istochnik tsiklicheskikh protsessov [Addition of Random Variables as a Source of Cyclic Processes]. Voprosy kon"yunktury [Questions of the Conjuncture], 1927, Vol. 3, pp. 34–64.
7. Marsh P. Novaya promyshlennaya revolyutsiya. Potrebiteli, globalizatsiya i konets massovogo proizvodstva [New Industrial Revolution. Consumers, Globalization and the End of Mass Production]. Moscow, Publishing House of Gaidar Institute, 420 p.
8. Glazyev S. U. Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya [The Theory of Long-term Technical and Economic Development]. Moscow, VlaDar, 310 p.
9. Koshovets O. B., Orekhovskij P. A. Diskurs "ehkonomiki" protiv diskursa "ehkonomicheskoj sistemy": ot osmysleniya real'nosti k proizvodstvu smyslov [Discourse of "Economics" Versus Discourse of "Economic System": from Understanding Reality to the Creation of Meanings]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World], 2018, №6, pp.133–148
10. Merton R. Samoosushchestvleniye prorochestva. V kn. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Self-Execution of Prophecy. In the book. Merton R. Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST: AST MOSCOW, The Guardian, pp. 605–624.
11. Kordonsky S. G. Resursnoye gosudarstvo [Resource State]. Moscow, REGNUM, 108 p.
12. Samuels W. J. ”Istina” i “diskurs” v sotsial'nom konstruirovanii ekonomicheskoy real'nosti: ocherk ob otnoshenii znaniya k sotsial'no-ekonomicheskoy politike. V kn. Istoki: kachestvennyye sdvigi v ekonomicheskoy real'nosti i ekonomicheskoy nauke ["Truth" and "Discourse" in the Social Construction of Economic Reality: an Essay on the Relationship of Knowledge to Socio-economic Policy. In the Book: Roots: Qualitative Changes in Economic Reality and Economics.V. S. Autonomy chief edit., O. I. Ananyin deputy editor-in-chief, D. V. Melnik responsible secrecy, etc.] Moscow, Press of the Higher School of Economics, pp. 13–30.
13. Maslow A. H. Motivation and Personality. New York, Harper & Row, 1954, 367 p.
14. Holliford S., Widdeth S. Motivatsiya: Prakticheskoye rukovodstvo dlya menedzherov [Motivation: A Practical Guide for Managers]. Moscow, GIPPO, pp. 111–120.
15. Schoeck H. Zavist': teoriya sotsial'nogo povedeniya [Envy: Theory of Social Behavior]. Moscow, IRISEN, 544 p.
16. Benda J. Predatel'stvo intellektualov [The Betrayal of Intellectuals]. Moscow, IRISEN, Socium, 2009, 310 p.
17. Fedotov G. P. Tragediya intelligentsii. V knige Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii [The Tragedy of the Intelligentsia. In the book Fedotov G. P. Fate and Sins of Russia]. St. Petersburg, Sophie, pp. 66–101.
18. Khaydegger, “Chernyye tetradi” i Rossiya pod red.M. Laryuyel' i E. Fayya [Heidegger, "Black Notebooks" and Russia. Edited by. M. Laruelle and E. Faye]. Moscow, Press “Delo RANHiGS”, 368 p.
19. Penee G. Aleksandr Dugin, otkrytoye i odnovremenno skrytoye khaydeggerianstvo. V knige Khaydegger Chernyye tetradi” i Rossiya. Pod red. M. Laryuyel' i E. Fayya [Alexander Dugin, an Open and Simultaneously Hidden Heideggerianism. In book Heidegger, "Black Notebooks" and Russia. Edited by. M. Laruelle and E. Faye]. Moscow, Press “Delo RANHiGS”, pp. 283–304.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 76–85.

УДК: 160.1+1(091)

ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «ФИЛОСОФИИ ИЗОБРЕТЕНИЯ И ИЗОБРЕТЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ» И. И. ЛАПШИНА)[1]

Попова В. С.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

E-mail: varyud@mail.ru

Дается определение логической культуры и обосновывается значимость систематического изучения логики для ее формирования. Выделяются уровни бытования логической культуры в составе интеллектуальной культуры личности. Дается отсылка к историческому опыту формирования и реализации логической культуры в России начала XX века на примере текста И. И. Лапшина.

Ключевые слова: логика, логическая культура, навык, философия в России начала XX века, И. И. Лапшин

> Самый первый урок, которого мы имеем право требовать от логики, состоит в том, чтобы она научила нас, как сделать наши идеи ясными; и этот урок является самым важным, поскольку он недооценивается только теми умами, которые как раз и нуждаются в нем.
>
> Ч. С. Пирс

Мысль о воспитании способности правильно логически мыслить, о выработке способности быть последовательным, непротиворечивым, основательным в рассуждениях своих далеко не нова в науке и образовании. Однако, разработка понятия «логическая культура» представляется в современном контексте новым научным горизонтом по ряду причин: его содержанию не уделялось достаточного внимания в научной литературе; мыслительная жизнь общества и существование структур рациональности в ней подвижно, динамично, новые условия жизни диктуют все новые ипостаси рациональности, ядром которой является логика и т. д.

[1]Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-03-00707а «Логическая культура в России: прошлое и современность»), а также из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Обращение к феномену логической культуры (далее – ЛК) требует формулировки определения, т. е. рассмотрения содержания данного понятия и обращения к его существенным признакам. Реализация ЛК в интеллектуальной деятельности требует примеров, а поскольку логика – философская наука, то, пожалуй, наилучшие примеры следует черпать из истории философской мысли. Поэтому данная статья содержит в себе две принципиальные задачи: дать определение ЛК и привести пример ее реализации и осмысления в отечественной философской традиции. Пример того, как логическая культура бытовала в философском тексте, я извлеку из произведения «Философия изобретения и изобретение в философии» (1922) крупного русского университетского философа Ивана Ивановича Лапшина, хотя, конечно же, не только русскому кантианцу был свойственен высокий уровень логической культуры. Следует отметить, что исторические примеры обращения к логике и с логикой в интеллектуальной деятельности, примеры почтительного и глубоко осмысленного отношения к логической дисциплине нужны нам для того, чтобы извлечь важные практические выводы для современности. Для того, чтобы осмыслить место и роль логики в современном образовании, в жизни общества. Мысль о том, что приумножение значимости логики для всякого человека и общества полезно и необходимо почти никогда не вызывает возражений (на обыденном уровне слово «логика» и ассоциируемые с ним понятия: последовательность, обоснованность, ясность, доказательность, надежность и т. п. оцениваются как позитивно значимые). Но эти положительные оценки часто совсем не связываются в обществе с наукой логикой, не возникает мысли о практической значимости логики как таковой. Связь логики как науки и учебной дисциплины с успешной мыслительной деятельностью, аргументацией, рациональностью действий не устанавливается в умах широкой публики. Это обусловлено, на мой взгляд, постепенным вытеснением логики на задворки образовательных программ, когда из необходимой и общезначимой дисциплины, традиционно воспитывавшей мышление в гимназии, школе, университете, входившей в языковую среду образованного человека, она делается предметом предпочтений, курсом по выбору или вовсе исключается. Наряду с этиv именно изучение логики повышает уровень рациональности мышления и действий. В современных условиях, оглядываясь на прошлые опыты отечественной интеллектуальной традиции, следует усилить тезис о необходимости логической компетентности (осведомленности, подготовленности, грамотности) и общеобязательности изучения логики. Мой тезис таков: *сегодня нам следует принять во внимание опыт формирования и присутствия логической культуры в научно-образовательной среде, который был реализован и имел явные плоды в университетской мысли конца XIX-начала XX века в России.*

Нужно определиться с тем, как понимать феномен логической культуры. В историческом ракурсе размышления о различных качествах «хорошего» мышления и о роли в этом логики, разного рода различения «хорошего» и «плохого» мышления с точки зрения логических критериев уводят глубоко в историко-философскую ретроспективу (логика Пор-Рояля, Дж. Локк, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Д. С. Милль, Ч. С. Пирс и др.). Анализ современного состояния исследований, так

или иначе затрагивающих понятие ЛК, проведен Л. С. Сироткиной (см.: [1]) и показывает, что в психолого-педагогических и логико-методологических научных контекстах нет четкой разработанности понятия, объем понятия размыт, нет устойчивого вхождения термина в научный дискурс, не установлены отношения со сравнимыми понятиями. При этом само присутствие феномена ЛК подразумевается исследователями различных отраслей знания, связанных с рассмотрением мыслительной деятельности.

Один из немногих источников, в котором присутствует рассуждение о сути феномена ЛК, –это учебник логики В. Н. Брюшинкина. В его университетском курсе логики ЛК устанавливалась как цель и желаемый практический результат, к которому приводит добросовестное и систематическое изучение логики. Определение дается такое: «Логическая культура – система навыков мышления, позволяющая выражать имеющиеся мысли в ясной и отчетливой форме и приобретать новые мысли на основе одной только этой формы» [2, С. 33].Это определение краткое и элегантное, годится для обоснования перед студентами пользы изучения логики. Понятно, что достигается в результате изучения курса. Но для более полного анализа феномена ЛК требуются уточнения.

В приведенном выше определении В. Н. Брюшинкина речь идет о ЛК личностной. Но понятие «культура» предполагает не только индивидуальный план рассмотрения проблемы, но и, конечно, социальный. В этом социальном контексте ЛК – это уже некая совокупность культурно-исторически обусловленных общественно значимых достижений в области логического знания и практики (собственно логическая наука, логическое образование, обыденные представления о логике, общественный «образ логики», логика в публичном дискурсе и пр.). Если же говорить о ЛК в личностном плане, то более подходящим будет понятие «логическая культура мышления» (далее – ЛКМ). И у В. Н. Брюшинкина как раз речь идет об ЛКМ.Отмечу важнейшие аспекты приведенного выше определения, которые необходимо обсудить и уточнить.

1. Родовое понятие – система навыков. Устоявшееся понимание навыка – это некое действие, реализуемое автоматически. Система навыков, укоренившихся в мышлении, которые сопровождают мышление и становиться частью стиля интеллектуальной деятельности. Понятие навыка довольно подробно разобрано в психолого-педагогической литературе. Общее современное понимание навыка отражено, например, в большом психологическом словаре под редакцией Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко. Навык определяется как «доведенное до автоматизма путем многократных повторений действие; … критерием достижения Н. служат временные показатели выполнения, а также тот факт, что выполнение не требует постоянного и интенсивного внимания (контроля)…» [3, С. 286–287]. Значит, навык представляет собой неосознаваемое действие. А неосознанность действия довольно плохо сочетается с представлением о чем-то рационально-логическом.

Более детальное рассмотрение понятия навыка, которое прояснило бы возможность его применения для определения логической культуры, встречается, например, у Сергея Леонидовича Рубинштейна. Он отмечает, что навык

распространяется не только на двигательные акты, но и на мыслительные действия: «навыки мышления образуются в самом процессе мыслительной деятельности и являются не только ее механизмами и предпосылками, но и ее результатом, вырабатываясь и закрепляясь в ходе ее» [4, С. 615]. Соответственно, есть основания подводить под понятие системы навыков понятие ЛКМ. Навык определяется Рубинштейном как формирующиеся в результате упражнения и выучки автоматически выполняемые компоненты сознательной деятельности человека [4, С. 613]. В этом ключе размышлял и В. Н. Брюшинкин, используя понятие навыка для раскрытия ЛКМ, пытаясь подчеркнуть для изучающих пользу логической практики, мотивировать на добросовестное выполнение заданий по логике. Действительно, роль изучения логики решающая в развитии ЛКМ Это очевидно для всех, кто имеет дело с преподаванием логики и наблюдает прогресс знания.

Виталий Иванович Свинцов, автор одной из немногих работ (вышедшей довольно давно), посвященных ЛК [5], полагал, что ЛК (он называет ее «индивидуальной логикой») первична по отношению к логике как дисциплине. Логика не помогает приобрести и усовершенствовать логическую культуру, а, напротив, разрабатывается благодаря имеющейся, «врожденной» логической культуре. И это абсурдно: логика не существенна для развития логической культуры. А что же тогда? Профессор Свинцов считал, что это социальная среда, которою он именовал «логосферой». Сошлюсь тут на авторитет Канта. Он писал о таком качестве как логический такт. Это понятие разъясняется в «Антопологии с прагматической точки зрения» и означает «действие души, приводящее к признанию истинности некоторого суждения, определяющие основания которого скрыты в глубине души» (определение реконструировано В. Н. Брюшинкиным из текста «Антропологии» [6, С. 8]). Здесь как раз речь идет о некой врожденной логике, срабатывающей автоматически. Но Кант ограничивает применимость этой прирожденной логики, ведь это некий минимум логики, «интуитивная логика», которая не вполне надежна для теоретико-научных исследований.

Поэтому я полагаю, что ЛК намеренно и систематически совершенствуется посредством логического образования. Только при таком воздействии формируется ЛКМ как совокупность развитых качеств мышления, применимых для теоретизирования, для решения сложных интеллектуальных задач. Но может ли ЛКМ быть сведена к системе навыков мышления? Очевидно, нет. Применение понятия навыка для раскрытия сути ЛК антиномично: навык – автоматизм, неосознаваемый компонент действия. И при этом невозможно мыслить владение логикой без ориентации на нормы, без сознательного критического отношения к собственным и чужим рассуждениям, без эвристических процедур, без вариативности, без осознанной необходимости совершенствовать логическое мышление. Совершенно ясно, что не все логические операции можно довести до автоматизма (поиск вывода, выявление ошибок, классификация и др.). И это означает, что понятие «системы навыков» создает слишком узкое определение логической культуры, ограничивая ее только выпестованными путем упражнений автоматизмами по применению логических форм и стандартных операций мышления. Можно сказать, что ЛКМ *отчасти* проявляется в виде навыков

совершения логических операций. Благодаря навыкам, по Рубинштейну, с мышления как вида деятельности снимается нагрузка постоянного регулирования и контроля элементарных операций. Высвобождаются интеллектуальные силы для решения творческих, системных, сложных задач с участием логического мышления. И Рубинштейн подчеркивает, что ни одна из форм высшей мыслительной деятельности (и логическое мышление в том числе) не может быть сведена к механической сумме навыков [4, С. 613]. Итак, культуру нельзя свети к системе навыков, к операциональному плану.

2) Способность выражать (представлять себе и сообщать другим) мысли ясно и отчетливо. Понятия ясности и отчетливости отсылают нас к Р. Декарту и его интеллектуальной интуиции, а значит к априорности этих принципов для всякого последующего мышления. Первое правило декартова метода требует включать в рассуждения только то, что представляется уму ясно и отчетливо, является несомненным [7, С. 22]. Для Декарта человеческое Я, душа легче поддается познанию, чем тело, поэтому определить ясность и отчетливость идеи, возникающей в этом мыслящем Я, при надлежащей интенции не представляет затруднений (но может потребовать времени – Декарт 9 лет шел к своему cogito ergo sum). Ясные и отчетливые простые идеи являются отправными в рассуждении, сами они усматриваются интуитивно (представляется уму). Поэтому, по крайней мере некоторые ясные и отчетливые идеи не выводимы, а раз нет вывода, значит здесь еще нет логики. В такой интерпретации мы имеем дологическое свойство ясности и отчетливости мыслей у логически культурной личности. Нельзя не признать у человеческих существ присутствия врожденной способности рассуждать логично (кантова логического такта), хотя она может быть развита в разной степени. Однако такая дологическая интерпретация ясности и отчетливости явно не достаточна. Итак, способность представлять себе мысли ясно и отчетливо – интуитивный компонент ЛКМ, также явно не достаточный для ее определения. Что такое ясность и отчетливость мыслится не очень отчетливо. Так, Ч. С. Пирс, упоминая о ясности и отчетливости в картезианском смысле заметил, что ясная идея опознается всякий раз, когда будет встречается и ее нельзя спутать ни с какой другой; что идея постигается отчетливо, когда мы способны дать ей точное определение в абстрактных терминах [8, С. 266–267]. Пирс, однако, считает эти «симпатичные» идеи о ясности и отчетливости устаревшими (на момент выхода цитируемой работы в 1878): «самое время отправить в лавку древностей все эти старинные безделушки и найти что-то более подходящее для современного употребления» [8, С. 270], нужно обратить свой взор на то, как именно делать мысли ясными и отчетливыми. Думаю, что именно это действие В. Н. Брюшинкин имеет в виду, когда упоминает о том, что ЛК составляет систему навыков, позволяющих выражать мысли ясно и отчетливо при помощи логических форм. Но помимо неосознаваемого до конца навыка ясность и отчетливость достигается путем осмысленного отбора идей и способов их выражения в речи (например, при классификации). Да и «рецепты» для достижения ясности и отчетливости могут быть разными. У Пирса это – достижение верования, т. е. «места покоя мышления», в таком случае «производство верования есть единственная функция мышления», избавление от беспокойства

неуверенности. Поэтому поиск ясных и отчетливых идей и применение к ним неких критериев подразумевает субъективный фактор. А само по себе качество ясности и отчетливости мышления можно учитывать, но не считать исчерпывающим для раскрытия ЛКМ.

Всякая культура – нечто ценностно нагруженное. И поэтому, на мой взгляд, определение Брюшинкина можно дополнить указанием на ценностный компонент ЛКМ. Носителя логической культуры отличает ценностное отношение к логике, уважение и соблюдение логических требований и рефлексия по поводу действия своего и чужого мышления. Поэтому следует выделить после *операционального* уровня формирования навыков мышления возвышающийся над ним *рефлексивный* уровень ЛКМ. А качество мыслеречевой деятельности в контексте комплекса ЛКМ – логической отрефлексированностью. Логическая отрефлексированность включает в себя:

- способность усматривать логические формы за естественными рассуждениями и их элементами;
- уважение к заранее заданным правилам;
- умение рационально описывать действия своего или чужого мышления;
- достижение целей мыслеречевой деятельности без ущерба логическим требованиям.

Рефлексивная составляющая ЛКМ сопровождается пониманием того, что собственное рассуждение субъекта помимо достижения цели (убеждение, решение задачи) должно соответствовать логическим требованиям. Причем, важным рефлексивным проявлением ЛКМ является восприятие интерсубъективных логических требований не как навязанных и обременяющих полет мысли, а как собственных внутренних установок, соответствующих позитивному индивидуальному опыту.

И, наконец, над рефлексивным уровнем ЛКМ надстраивается *профессионально-методологический* уровень ЛКМ. Сюда можно отнести разработки собственных логических концепций и их элементов, применение логики для развертывания мировоззренческой системы.

Итак, можно выделить три слоя (уровня) ЛКМ:

– Операциональный (навыки)
– Рефлексивный (образ логики)
– Методологический (логическая концепция)

С учетом указанных замечаний получено следующее определение: *ЛКМ – совокупность качеств мыслеречевой деятельности человека, приобретение и применение которых определяется формами, ценностями и нормами логического знания: ясностью, отчетливостью, непротиворечивостью, обоснованностью, последовательностью, определенностью*.

Связь ЛКМ и ЛК как части культуры общественной устанавливается через носителей логических знаний, умений, навыков и ценностей. Логическая культура формируется и оттачивается при изучении логики и других дисциплин, связанных с развитием абстрактного и формального мышления. А затем ЛК выводится на уровень рефлексивный. Носитель ЛК транслирует определенное отношения к

логике (можно назвать это «образом логики»), что проявляется в самой манере ведения дискуссий, обсуждения проблем, методологической последовательности в решении разнообразных задач и т. п. И так ЛК переходит на внешний план существования – как часть общечеловеческой культуры, как совокупность достижений в области логического.

В отечественной истории образования и науки можно выделить период начала XX века, дореволюционный период университетской науки, философии, когда ЛКМ стала частью эпистемологического стиля видных представителей научно-образовательной среды. Логическое образование, формировавшее логическую культуру, начиналось в обязательном порядке гимназии, затем в университете, на Высших женских курсах. А далее вопросы логики включались в круг вопросов, необходимых для полного научного исследования. Высокие образцы логической культуры и владение логикой проявлялись на страницах философских работ, в дискуссиях и научных диспутах. И так естественным для академической жизни образом становилось атрибутивным соблюдение логических требований. Это касалось как письменного, так и устного выражения мыслей.

Естественно, имея развитую рефлексивную ЛКМ, русские мыслители в философских текстах давали экстериоризацию существенных черт логической культуры (которые номинированы выше в определении), значимых для научного и философского творчества.

В этом плане наибольший интерес представляют «пограничные» для логики фигуры: философы, которые обращались к логике, но не были в полном смысле логиками, занимались решением других философских вопросов. Таковым был, например, И. И. Лапшин. Лапшин обратил внимание на логику с юношеских лет. В 18-19 лет был увлечен Миллем, в период обучения на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета на него повлиял видный русский философ и логик А. И. Введенский. Потом Лапшин преподавал логику в Александровском лицее. А в 1906 году вышла книга «Законы мышления и формы познания», обращенная к теоретическим вопросам логики и гносеологии. В 1907 году Лапшин защитил одноименную диссертацию. В 1911 году кантианец дал критическую рецензию на учебник логики И. С. Продана, защищая логическую концепцию своего учителя от его нападок. В 1917 году вышла «Логика отношений и силлогизм (по поводу книг С. И. Поварнина “Логика. Общее учение о доказательстве” и “Логика отношений”)». Следует сказать, что это была очень глубокая полемика с Поварниным по вопросам логики. В общем, И. И. Лапшин обращался к логике рефлексивно-методологически, серьезно уделяя внимание логическим вопросам. А. И. Бродский в статье «Русская этика: от онтологизма к логицизму» (2000) оценивает Лапшина как логициста наряду с А. И. Введенским и Н. А. Васильевым, поскольку логика является существенной частью их философских систем.

В книге «Философия изобретения и изобретение в философии» (1922, 1924) И. И. Лапшин фиксирует отличие философского творчества от религиозного, художественного и специально-научного, открытие и изобретение, природа

гениальности, творческие способности и т. п. Нужна ли ЛКМ для изобретения в философии?

Для роста философского знания нужен синтетический силлогизм и индукция. Философом-новатором будет такой мыслитель, который сможет составить такого рода умозаключения правильно и изобретательно. Но в этом процессе И. Лапшин делает ставку на врожденную, неосознаваемую часть ЛКМ: «Острота мысли, необходимая для создания точных и ясных определений, такой же великий творческий дар, как и комбинационная способность. Оба процесса – изобретение новых аналитических и синтетических суждений – взаимно предполагают друг друга» [9, С. 140]. Чтобы порождать синтетические суждения, нужны обширные знания, ясные и отчетливые понятия, а также комбинационная способность творческого воображения. Могут преобладать только какие-то из этих черт, например, у Канта, как полагает Лапшин, преобладала логическая острота мышления, а у Лейбница более всего была развита комбинационная способность. Остается упомянуть о том, какие высокие требования предъявляет Лапшин к изобретателю в философии: «…подлинно одаренным человеком будет тот, кто будет обладать и логической остротой, необходимой для установки отчетливых понятий…, и комбинационным даром» [9, С. 146].

И. Лапшин высоко ценит качество ясности мышления, о котором шла речь выше в связи с атрибутами ЛКМ. Мыслитель часто упоминает о ясности мысли в связи с успешным для развития философии проведением разного рода логических процедур. Он противопоставляет ясности спутанность мысли как явно вредное качество: «при спутанности мышления логические элементы мысли, образующие противоречащее понятие, не приведены сознанием в непосредственное соприкосновение друг с другом» [9, С. 161].

Пытаясь выделить специфику философского изобретения и демаркировать его от религиозного творчества, И. И. Лапшин различает сферы познавательного и эмоционального мышления, логику разума и логику чувств [9, С. 7–8]. Он прочерчивает линии сближения науки и философии, говоря о том, что даже в художественно окрашенных философских текстах содержится некая неизменная «научная значимость ядра» [9, С. 9], некое рационально-логическое ядро. Конечно, философия имеет дело с головоломками настолько сложными (например, идея бесконечного), что они ввергают в глубокомысленное отчаяние, безысходный скептицизм и мистические выходы (Лапшин приводит в пример А. Бергсона). И здесь Лапшин особенно высоко ставит философскую способность *рационального* выхода из таких мыслительных головоломок. А вот симптомы интеллектуальной «сдачи позиций», перечисляемые Лапшиным, говорят о том, насколько глубоко он понимал катастрофичность недостатка или утраты качеств ЛКМ. Так, Иван Лапшин пишет о губительности «расплывчатости и шаткости терминологии» (ошибки в оперировании понятиями, неясность и неотчетливость); о «пренебрежении к системному философскому строительству» (необоснованность, т. е. нарушение закона достаточного основания); о «подмене аргумента ярким образом или … ложной аналогией» (ошибки обоснования, использование ложных аргументов); об «апелляции к практическому смыслу читателя» (утрата или пренебрежение

объективностью логических критериев, подмазывание аргумента); о «стремлении застращать читателя грозными перспективами» (палочный аргумент, аргумент к городовому); о «назойливом повторении неубедительных аргументов в слегка измененной форме» (все это непозволительные приемы аргументации) и т. д. [9, С. 72–73].

Но не только философское творчество требует присутствия ЛКМ. Само постижение философии, история философии опирается на ЛКМ. И. Лапшин даже использует понятие «культура ума», полагая, что это качество проявляется в способности становиться на различные точки зрения, что в этом состоит подлинная историко-философская образованность [9, С. 172]. Постижение философского текста, по Лапшину, требует перевоплощаемости, т. е. «принятия чужого предметосозерцания». И вроде бы это эмоциональная, родственная художественному мировосприятию способность. Но в действительности постигая философию, ее следует понимать, каждый раз проходить мыслительный путь вместе с автором философской идеи, примеряя практикуемый им тип логики. Тем самым приобщаться к ЛКМ данного автора. Такое сомыслие оказывается возможным, если у историка философии есть интерсубъективные рациональные основания, которые лежат за текстом. Изобретательность или новаторство историка философии среди прочего состоит в раскрытии логической структуры изучаемой философской системы.

В завершение отмечу, что можно собрать очень богатый подтверждающий материал о распространенности ЛКМ на рефлексивном уровне в различных ее аспектах, проявлениях и высоких образцах во многих других текстах русских университетских философов начала XX века (Лосского, Введенского, Поварнина, Шпета и др.). Привлечение логических компонентов в самобытные философские учения порождало своеобразные «модусы логики» и было зачастую вызвано стремлением философов к тому, чтобы сделать субъективное интерсубъективным. Я думаю, что в контексте русской интеллектуальной культуры логика играла важную роль. Наиболее яркие образцы и примеры можно почерпнуть, обратившись к логико-методологическому опыту русских университетских философов, к их философским текстам. Конечно, в русской философии особое место занимает опыт интуитивных, мистическо-религиозных прозрений, без обращения к нему невозможно понять и выработать интерпретацию русской философии. Но при этом, как мне представляется, одной из объединяющих русскую философию тенденций является поиск эпистемологического синтеза и выработка самобытного типа рациональности. И особое место на этом пути занимала логика. Именно благодаря вхождению логики на разных уровнях в академическую среду формировались традиции высокой ЛКМ.

Список литературы

1. Сироткина Л. С. Феномен логической культуры – проблемное поле меж- и трансдисциплинарных исследований // Проблемы современного образования. Электронный журнал. – 2018. – № 5.– С. 22–37.
2. Брюшинкин В. Н. Логика: Учебник / В. Н. Брюшинкин. – М.: Гардарики, 2001. – 334 с.

3. Большой психологический словарь / Сост. и общ.ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
5. Свинцов В. И. Логическая культура личности и общество // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 114–124.
6. Брюшинкин В. Н. Антропологическое измерение логики // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 6. – С. 6–11.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями Диоптрика, Метеоры, Геометрия / Р. Декарт. – Ленинград: Академия наук СССР, 1953. – 657 с.
8. Пирс Ч. С. Как сделать наши идеи ясными // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс; пер. с англ. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
9. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии / И. И. Лапшин. – М: «Республика», 1999. – 399 с.

Popova V. S. Logical culture through the prism of the philosophical text (based on the "Philosophy of invention and the invention of philosophy" I. I. Lapshin) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 76–85.

The Definition of logical culture is given and the importance of systematic study of logic for its formation is substantiated. Stand out levels are the existence of logical culture in the composition of the intellectual culture of the individual. A reference is given to the historical experience of the formation and realization of a logical culture in Russia at the beginning of the XX century on the example of the text of I. I. Lapshin.

Keywords: logic, logical culture, skill, philosophy in Russia at the beginning of XX century, I. I. Lapshin

References

1. Sirotkina L. S. Fenomen logicheskoj kul'tury – problemnoe pole mezh- itransdisciplinarnyh issledovanij [The Fenomenon of the Logical Culture – Problem Field of Inter-and Transdisciplinary Research]. Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education], 2018, no. 5, pp. 22–37.
2. Bryushinkin V. N.Logika: uchebnik [Logic: Textbook]. Moscow, Gardariki, 2001, 334 p.
3. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Big Psychological Dictionary]. St. Petersburg, Prajm-Euroznak, 2003, 672 p.
4. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2002, 720 p.
5. Svincov V. I. Logicheskaja kul'tura lichnosti i obshchestvo [Logical Culture of a Person and Society]. Obshchestvennyje nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World], 1993, no. 4, pp. 114–124.
6. Bryushinkin V. N. Antropologicheskoe izmerenie logiki [Anthropological Dimension of Logic]. Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta [IKBSU's Vestnik], 2006, Vol. 6, pp. 6–11.
7. Dekart R. Rassuzhdenie o metode [Discourse on The Method]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1953, 657 p.
8. Pirs C. S. Kak sdelat' nashi idei jasnymi [How to Make Our Ideas Clear]. Moscow, Logos, 2000, 448 p.
9. Lapshin I. I. Filosofij aizobretenija I izobretenie v filosofii [Philosophy of Invention and The Invention of Philosophy]. Moscow, Republic, 1999, 399 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 86–99.

УДК: 304.2

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕТИ ИНТЕРНЕТ: БУНТ ПРОТИВ АНОНИМНОГО ИЗБЫТКА ИНФОРМАЦИИ[1]

Шкорубская Е. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: shkorubska@gmail.com

В статье анализируется процесс формирования у пользователей сети Интернет отношения к получаемой информации на основе рассмотрения и оценки того, как влияет способ или формат предоставления информации на ее восприятие пользователем. Проведенное в этих целях исследование позволило обнаружить следующую тенденцию: нынешний пользователь сопротивляется анонимности получаемых сведений и стихийно стремится выработать свои собственные основания для разграничения достоверной и недостоверной информации. Были выделены группы факторов, позволяющих, по мнению пользователей, оценить тот или иной (прежде всего, новостной) текст с точки зрения достоверности представленных в нем сведений. На основании комбинаций этих факторов реконструированы модели оценки пользователями информации в качестве максимально достоверной и максимально недостоверной. Также было обнаружено, что наиболее значимым элементом формата представленного в сети текста, является коммуникативная ситуация его порождения, а именно – его авторство, или специфическое его воплощение в интернет-пространстве – источник размещения. Несмотря на видимую эффективность таких фильтров, позволяющих пользователям ориентироваться в ситуации информационного перенасыщения, их активное применение чревато формированием «информационного пузыря», замыкающего пользователя в комфортной для него среде и ограничивающего возможности адекватной оценки получаемой информации.

Ключевые слова: информация, знания, формат, достоверность, онлайн-коммуникации, текст.

Возникновение и становление интернета в качестве средства массовой коммуникации существенно дополнило и преобразило те средства получения и передачи информации, к которым обращался человек в поисках новых знаний. История интернета насчитывает уже не одно десятилетие, однако возможности, которые нам предоставляет Сеть, и дальнейшие пути ее развития все еще не до конца ясны. Лицо интернета меняется, и меняется стремительно: пятнадцать лет назад это были чаты и интернет-форумы, десять лет назад начался бум социальных сетей, сейчас их постепенно вытесняют видеоблоги и мессенджеры. Неизменным остается тот избыток информации, ее принципиальная множественность, противоречивость, разнородность, в конце концов, разноформатность, с которой

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 16-03-00120-ОГН «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

сталкивается интернет-пользователь каждый день. В нашем исследовании мы постарались определить основные ориентиры пользователей в современном информационном мире, выявить источники достоверности информации, выяснить, в какой форме она должна быть представлена, чтобы не просто привлекать внимание, но и вызывать доверие, верно передавать смысл.

Исследование проводилось в рамках текстового подхода, и сосредоточено, прежде всего, на рассмотрении внетекстовых обстоятельств, влияющих на смысл размещённого в сети текста – на его формате, который представляет собой «обстоятельства появления (от вызвавших к жизни данный текст социальных событий до мотивов автора); форма (словарь, стиль, жанр, место и тип публикации); характер коммуникативной ситуации текста (от какого социального субъекта и с какими ожиданиями от разных Других социальных субъектов публикуется, каковы вероятные ожидаемые последствия “вброса” текста в публичную сферу и т. п.)» [1, С. 162]. Также нами было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого пользователям было предложено указать, какими признаками, по их мнению, обладает достоверная информация.

Не случайно речь идет именно о доверии к информации, а не об уверенности в знаниях. Во многом благодаря интернету слово «информация» стало привычным, повседневным и постепенно заменило слово «знания» в повседневном языке (в данной работе мы будем понимать информацию в общенаучном смысле, как сведения об объекте, явлении или событии). Пожалуй, именно попытки определения понятия «информации» и разведения информации и знания стали одним из первых предметов философской рефлексии в исследовании интернета в качестве нового культурного явления. Изящное и емкое разграничение информации и знания дает П. П. Гайденко: «Знание предполагает опыт, а информация – чаще всего нет. Информация, как правило, передает человеку вторичный опыт до того, как он вообще получил первичный; человеку что-то объясняется раньше, чем он успел это пережить» [2, С. 189–190]. Перед человеком возникает задача: определить истинность или хотя бы достоверность той или иной информации, не имея для этого соответствующего опыта. Подобная ситуация чревата ощущением растерянности, неуверенности, принципиального недоверия ко всему, с чем мы сталкиваемся на страницах *World Wide Web*. «Избыточная информация, ежедневно поступающая масса сведений, фактов, оценок, рекомендаций, которые нередко противоречат друг другу и которые человеческое сознание не успевает как следует переварить, порождает “интеллектуальную диспепсию”, сбивает человека с толку и не дает возможности самоопределиться» – пишет Пиама Павловна Гайденко [2, С. 189].

Но у избытка информации есть и другое следствие, диаметрально противоположное тотальной дезориентации в информационном поле. В силу того, что пространство интернета предлагает пользователю стремящееся к бесконечности множество интерпретаций тех или иных фактов, каждый может найти именно ту интерпретацию, которая будет наиболее близка его первичному опыту. Пользователю не составляет труда обрести «лагерь единомышленников», некоторый перечень информационных ресурсов, который будет обеспечивать человека подтверждением его позиции – общественной, познавательной,

мировоззренческой. Как отмечает О. В. Аронсон, информация «явно избыточна по отношению к потребности в ней. Именно этот избыток информации порождает особую ситуацию “новой образности”, когда желание всегда готово найти свое информационное обеспечение, пусть и предельно фальсифицированное. Характерным примером могут служить так называемые Интернет-форумы, где люди обсуждают конкретные, интересующие их темы. Здесь нет экспертных мнений и оценок. Здесь экспертом становится каждый» [3, С. 154]. Сейчас эту подтверждающую функцию выполняют уже не столько форумы, сколько социальные сети и даже поисковые системы. Причем эта функция встроена в алгоритмы работы информационных ресурсов (индивидуализированный поиск в поисковых системах, «умная» лента в социальных сетях, контекстная реклама, и многое другое), которые позволяют определить, какую именно информацию будет видеть пользователь у себя в ленте, что будет ему рекомендовано для просмотра на основании его предпочтений. Все это ведет к возникновению «информационного пузыря» (или «пузыря фильтров», *filter bubble*) – уникального информационного универсума, создаваемого для каждого из нас на основании некоторого индивидуального образа пользователя, который формируется исходя из его предыдущих действий (поисковых запросов, лайков, репостов) [4, С. 10]. Способствует этому и возможность самостоятельно избавить себя от неподходящей, неудобной информации: в социальных сетях удалить из списка друзей тех, с мнением которых пользователь не согласен, не заходить на сайты СМИ, транслирующих неприемлемую для пользователя интерпретацию тех или иных событий, и т. д.

Возникает парадоксальная ситуация: найти точку опоры в информационных потоках одновременно слишком сложно и слишком просто. Однако человеку свойственно адаптироваться к меняющейся культурной среде, и наше предположение заключается в том, что с развитием выразительных средств, предлагаемых online-коммуникацией, у пользователей вырабатываются если не навыки определения достоверности информации, то по крайней мере привычки, связанные с ее восприятием. В случае, когда мы не обладаем адекватным способом проверки содержания получаемого сообщения, единственное, от чего мы можем отталкиваться в своей оценке информации – это та форма, в которой она представлена.

Для прояснения отношения пользователей интернета к получаемой информации нами был проведен пробный опрос с участием 185 респондентов [5]. В качестве респондентов выступили пользователи сети Интернет, опросник распространялся посредством социальных сетей и таких коммуникативных площадок, как Pikabu.ru и Reddit. Данное исследование носило поисковый характер, в связи с чем выборка не является достаточно репрезентативной. Однако полученные результаты позволяют сформулировать гипотезу для дальнейшего теоретического исследования – так, удалось выявить, во-первых, основные источники получения информации, к которым обращаются активные пользователи интернета, а, во-вторых зависимость между формой репрезентации информации и уровнем доверия к ней пользователей. При этом обнаружилось некоторое несоответствие между рациональным

отношением к информации и фактическим восприятием предложенных для рассмотрения и оценки примеров.

Социальные сети в современном информационном пространстве действительно становятся полноценным источником новостей (см. Таблицу 1.) – большинство опрошенных отметило, что обычно узнают новости именно в социальных сетях. Это в целом согласуется с выводами, представленными агентством исследования социальных медиа *Brand Analytics*: «Классическая модель онлайн СМИ (медиа-издание как собственный сайт) – теряет значимость для социума. Смещение точек сборки аудитории в социальные сети и мессенджеры требует от медиа идти за людьми» [6]. Действительно, официальные сайты средств массовой информации и новостные агрегаторы уже проигрывают соцсетям в этом отношении. При этом наименее популярны газеты и радио. Телевидение также не пользуется успехом у активных пользователей интернета. Для сравнения доли онлайн и оффлайн коммуникации, немаловажно обратить внимание на то, что от друзей, знакомых и коллег новости узнают 45% опрошенных, что почти на 20% меньше, чем количество ответов для соцсетей.

	Официальные сайты СМИ и новостные агрегаторы	Социальные сети	Газеты	Телевидение	Радио	Друзья, знакомые, коллеги	Новостные блоги/видеоблоги
Источник новостей	55,7%	64,3%	4,3%	18,9%	5,9%	45%	36,2%
Скорее доверяют	40,5%	25,8%	10,8%	11,9%	15,1%	-	27%
Скорее не доверяют / не доверяют вообще	36,1%	33,5%	64,8%	74,2%	56,7%	-	36,8%

Таблица 1. Доверие к источникам новостей (см. [5])

Наибольшее доверие вызывают официальные сайты СМИ – 42,1% респондентов отметили, что скорее доверяют или доверяют этому виду источников, а к недоверию склоняются 36,1% пользователей. Хотя разброс мнений весьма незначителен, тем не менее, это наиболее положительный результат по вопросу о доверии к информационным ресурсам. Наименьшим доверием пользуется телевидение, следующими по недоверию оказались. Обнаруживается парадоксальная ситуация – оффлайн-СМИ вызывают наименьшее доверие, а стоит этим же СМИ перенестись в сеть Интернет, как степень доверия к ним резко возрастает. Возможно, это связано с ощущением свободы выбора источника информации – в отличие от газет и телевидения, пользователь интернета сам заходит на страницу того или иного интернет-СМИ, процесс потребления новостей

происходит куда более активно, возникает ощущение контроля над происходящим. Кроме того, интернет-СМИ зачастую представляют собой независимые (или условно независимые) сайты, не представленные на каких-либо материальных носителях, что также создает иллюзию того, что данные ресурсы не заинтересованы в искажении информации. При этом только около половины респондентов регулярно отслеживают новостные ресурсы.

Социальным сетям, которые чаще всего становятся источниками новостей, пользователи скорее не доверяют. Однако в другом опросе, посвященном именно социальным сетям, уже 13,6% пользователей отметили, что скорее доверяют социальным сетям, при этом ранее лидирующий вариант ответа – «скорее не доверяю» – также потерял в приоритете – 27,2% респондентов указали именно этот ответ. Наибольшее же количество респондентов отметило вариант «насколько доверяю, настолько же не доверяю» – 51,6%. Указанные данные позволяют сделать вывод, что в случае, если социальные сети не сравниваются с какими-либо другими ресурсами, уровень доверия к ним значительно падает, уровень же недоверия меняется не столь значительно и по большей части пользователи обнаруживают амбивалентное отношение к новостям, получаемым посредством социальных сетей.

Стоит отметить, что по всем источникам новостей достаточно низкий уровень доверия – вариант ответа «доверяю полностью» для телевидения, радио и газет не был выбран ни разу, а самый высокий показатель (для официальных сайтов средств массовой информации и новостных агрегаторов – 1,6%). И это неудивительно – ведь на вопрос «случалось ли вам поверить информации, которая позже оказалась ложной?» положительно ответило 88,6% респондентов (см. Таблицу 2). При этом, большинство респондентов полагают, что сами никогда не размещали недостоверную информацию.

	Да	Нет	Не знаю
Случаи доверия ложной информации	88,6%	11,4%	-
Случаи доверия ложной информации у знакомых	91,9%	9,1%	-
Размещение недостоверной информации	11,4%	65,8%	22,8%

Таблица 2. Случаи доверия ложной информации (см. [5])

Подобный опыт побуждает пользователей проверять ту информацию, которую они получают – большинство опрошенных достаточно часто специально проверяют информацию, встреченную ими в интернете (см. Рис. 1). Поводом для проверки информации преимущественно становится важность достоверности информации в конкретном случае, а также интерес, стремление разобраться в вопросе. Недоверие к источнику, наличие в тексте ссылок на сомнительные источники и замеченные ошибки или неточности в тексте побуждают проверять информацию куда реже, и еще меньше пользователей проверяют информацию принципиально, не задумываясь.

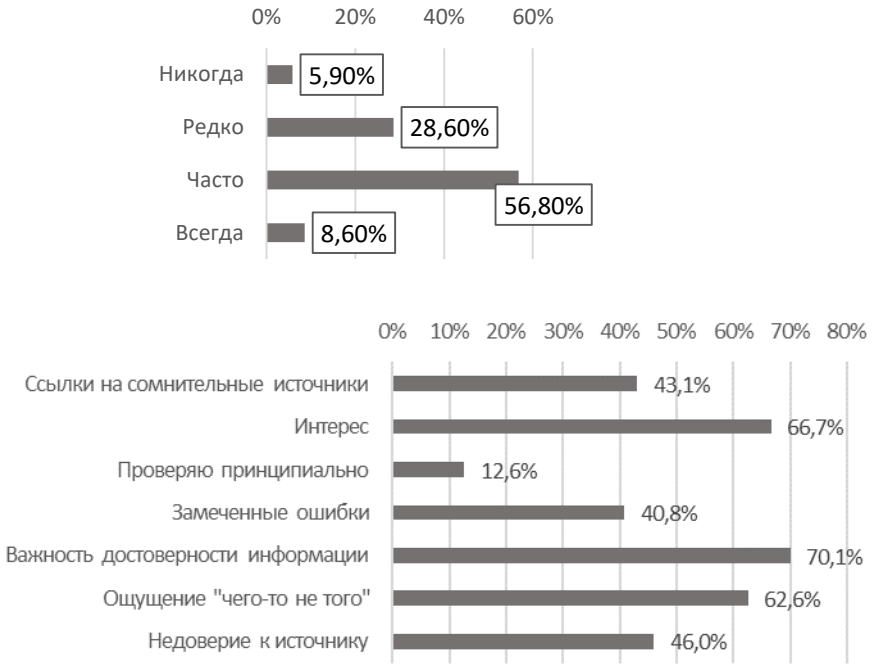


Рис. 1. Частота и причины проверки информации (см. [5])

Таким образом, можно отметить преимущественно положительную мотивацию при проверке информации. То, что не представляет для нас интереса или то, достоверность чего не так уж значима именно для нас, мы вряд ли будем проверять. Возможно, именно этим объясняется широкое распространение в соцсетях фейковых «интересных фактов» (в социальной сети ВКонтакте, например, существует целое сообщество по борьбе с этим видом фейков [7]). Чаще всего пользователи склонны проверять политические новости (73,3%) и научные данные (68,6%). Это позволяет сделать вывод, что или именно этот тип информации представляет наибольший интерес, или достоверность его крайне значима, либо же именно этот тип текстов чаще вызывает у читателя интуитивное ощущение некорректности излагаемой информации.

К чему же в первую очередь обращаются интернет-пользователи, когда ищут ту или иную информацию в интернете? За новой информацией по уже известной проблематике большинство пользователей (52,5%) обращается к специализированным сайтам и форумам (возможно, уже проверенным самими пользователями). Следующий по приоритетам источник такой информации – первые же источники, предложенные поисковой системой (17,5%). Как можно заметить, у специализированных сетевых источников здесь явное преимущество. Ситуация кардинально меняется, когда речь идет об абсолютно неизвестном вопросе. На первый план выходит Википедия (этот источник отметили 31,1% респондентов), однако разрыв между предпочитаемыми источниками уже не столь

значимый – специализированные сайты и форумы предпочитает даже в этом случае 25,7% респондентов, а первые же ссылки, предложенные поисковой системой – 19,7%.

Особое внимание было уделено зависимости между доверием к информации, размещенной в сети, и той формой, в которой она представлена. Респондентам было предложено указать, по каким признакам они определяют достоверность или недостоверность встреченной информации. Ответы на открытые вопросы позволили выделить несколько основных признаков, которыми руководствуются пользователи в оценке информации.

1. Ссылки и гиперссылки. К ним можно отнести те сторонние ресурсы, к которым обращается оцениваемый текст за подтверждением представленной информации. В качестве таких сторонних ресурсов пользователи выделяют первоисточники, научные исследования, «авторитетные источники», «достоверные источники», оригиналы документов и официальные сайты различных ведомств. Также ссылки оцениваются с точки зрения их корректности и проверяемости. Наличие ссылок на источники и первоисточники является наиболее часто упоминаемым респондентами условий достоверности информации. Соответственно, их отсутствие, или же ссылки на подозрительные и непроверяемые источники, указываются как признак недостоверности.

2. Источник информации. В данном случае оценивается качество самого источника, в котором размещена информация. В пользу достоверности информации говорит то, что она размещена в авторитетном источнике (без уточнения, что под этим понимается), также источник должен быть не сенсационным, не замеченным в публикации недостоверных сведений. Официальные сайты, как и в первом пункте, считаются достаточно достоверными источниками. Ложную информацию респонденты ожидают увидеть в сомнительных источниках (также, зачастую, без уточнения), на сайтах, ранее замеченных в размещении фейков, с большим количеством рекламы.

3. Форма подача информации. Это, с одной стороны, текстовое выражение информации, выбор той или иной лексики, а с другой стороны – перспектива рассмотрения фактов, предлагаемая в каждом конкретном случае. Так, респонденты указали среди признаков достоверной информации ее нейтральность, безэмоциональность, безоценочность, отсутствие идеологической нагруженности, объективность. Также в числе положительных признаков отмечались аккуратность и точность подачи. Признаки, заставляющие усомниться в информации, упоминаются гораздо чаще. Среди них, прежде всего, восторженность и эмоциональность со стороны автора, апелляция к эмоциям читателя, агрессивность, провокационность. Прямолинейность, субъективность, чрезмерная размытость, неточность, наличие оценочных суждений также отталкивают читателя. Отдельно стоит упомянуть большое количество грамматических ошибок, неоднократно указываемое как признак недостоверности. Можно заключить, что грамотность является необходимым, но не достаточным условием серьезного отношения к тексту.

4. Авторство. Эта группа признаков, на первый взгляд, пересекается с «источником», но все же следует ее выделить в отдельную группу, т. к. если в источниках речь идет о ресурсе, на котором размещается информация (страница в соцсети в данном случае будет также ресурсом), то в данном случае мы имеем дело именно с человеком, от которого получаем информацию. Достоверная информация у респондентов ассоциируется с авторами-профессионалами, очевидцами, экспертами. Неизвестность личности автора может стать поводом для недоверия к тексту.

5. Содержание информации. К этой группе признаков относятся те смысловые характеристики, которые не сводимы к формальным признакам и проявляются в процессе прочтения текста. В пользу достоверности, согласно ответам респондентов, служит подтверждение информации доказательствами (иногда упоминается фото, видео, но чаще этот критерий указан без дополнительных уточнений), разностороннее освещение вопроса, непротиворечивость информации, ее открытости для проверки. В числе признаков, свидетельствующих о недостоверности информации, указаны противоречивость, отсутствие подтверждающих фактов, ангажированность, наличие пропаганды, стремления навязать определенную точку зрения, однобокость, неправдоподобность, несоответствие предыдущим знаниям. Нередко респонденты ссылались на личное чутье.

Разумеется, это весьма нестрогая типология, и указанные группы признаков могут между собой пересекаться. Однако такое условное разделение позволяет определить основные факторы, на которые пользователи обращают внимание. Отмечается следующая закономерность: признаки недостоверности информации упоминаются, во-первых, в большем количестве, а во-вторых, в большем разнообразии. Это позволяет говорить о том, что пользователи скорее будут фильтровать информацию на основании того, какой она не должна быть, отбрасывать ту, что кажется недостоверной, и ориентироваться на ту, что не содержит таких признаков.

Еще один критерий оценки информации не был отнесен ни к одной группе, т. к. в нем наиболее явно просматривается специфика именно интернет-коммуникации. Многие респонденты в числе необходимых условий достоверности информации указали представленность информации в различных источниках, причем некоторые уточнили желательность различных позиций освещения информации. Именно этот фактор существенно отличает интернет как источник новостей от любого другого СМК. Столкнувшись с новыми сведениями, пользователь имеет возможность сверить эти сведения не только со своими знаниями (которых у него может и не быть), но и с информацией, расположенной на других ресурсах. Таким образом, истинность будет определяться распространенностью. Несмотря на кажущуюся эффективность, это ведет к двум отрицательным следствиям. Во-первых, не растиражированная информация будет игнорироваться. Во-вторых, даже фактически недостоверная информация, за счет своего распространения может обрести иллюзию достоверности.

С целью уточнения ответов на открытые вопросы, пользователям также было предложено выбрать дополнительные признаки, позволяющие считать информацию достоверной. При возможности множественного выбора большинство пользователей отметило в качестве таковых ссылки на научные исследования (77,6%), а также логичность и последовательность (78,1%). Кроме того, оказалось значимым соответствие информации уже имеющимся знаниям (этот пункт отметили 62,3% респондентов), репост информации от эксперта в рассматриваемой отрасли (52,5%) и ссылка на мнение авторитетов в этой области (51,4%).

В качестве признаков недостоверности информации были отмечены сомнительная репутация ресурса (или человека), разместившего новость (82,5%), отсутствие ссылок на источник (77,6%) и отсутствие аналогичной информации в других источниках (74,3%). Также респонденты отметили в качестве негативных признаков скрытую рекламу (68,3%), слишком большое количество экспрессивных элементов (64,5%), слишком положительную или слишком отрицательную оценку чего-либо (64,4%).

Показательно, что ни в открытых ответах, ни в закрытых, пользователи не уделили особого внимания коммуникативным составляющим информации (количество лайков, репостов и комментариев) и визуальному оформлению и сопровождению. На основании частоты упоминания тех или иных признаков в каждой отдельной группе, удалось выделить два идеальных типа репрезентации информации, вызывающих наибольшее и наименьшее доверие соответственно, по мнению пользователей.

Максимально достоверная информация:

- одна и та же в разных, независимых друг от друга источниках;
- внутренне непротиворечивая, доказательно обоснованная, разносторонняя
- содержит ссылки на источники и первоисточники;
- источник, размещающий информацию, авторитетен, не гонится за сенсациями;
- подача информации нейтральная, не эмоциональная;
- автор вызывает доверие, является профессионалом.

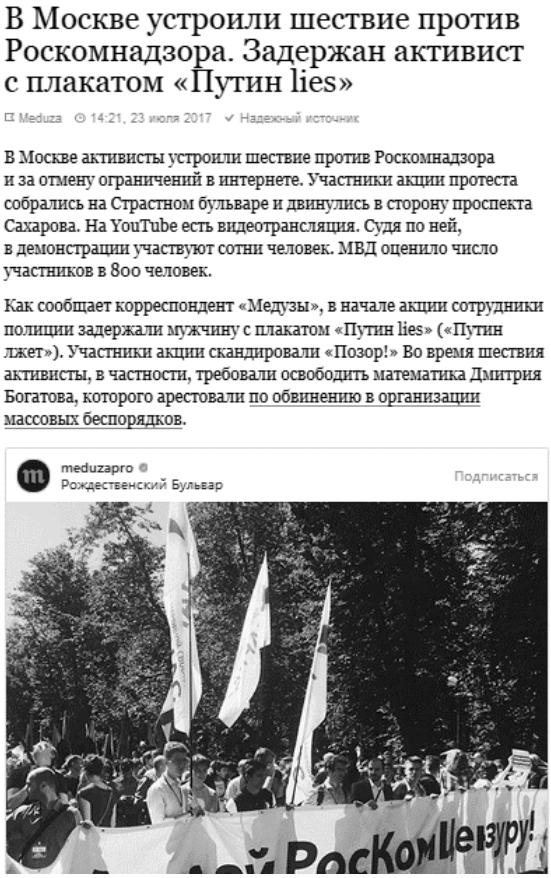
Максимально недостоверная информация:

- содержит противоречия, пропаганду, неправдоподобна, однобока, не соответствует имеющимся знаниям, что-то с ней не так;
- ссылки на источники отсутствуют;
- ресурс, на котором информация размещена, имеет сомнительную репутацию;
- подается чересчур эмоционально или агрессивно, в тексте множество грамматических ошибок;
- автор неизвестен или его репутация сомнительна;

Для того, чтобы проверить, насколько респонденты руководствуются перечисленными критериями на практике, мы предложили три кейс-вопроса, в которых необходимо было оценить текст с точки зрения достоверности. В первом из кейсов было предложено сравнить фрагменты двух научно-популярных текстов на одну и ту же тему, размещенных на разных ресурсах и выбрать наиболее достоверный, второй кейс представлял два текста, освещающих одну и ту же новость, а в третьем требовалось оценить достоверность информации,

представленной в виде схемы-картинки. В основном кейсы не выявили значимой корреляции между оценкой достоверности текста респондентами и теми признаками достоверности и недостоверности информации, которые они выделяли ранее. Однако вопрос с выбором более достоверной новости продемонстрировал интересную закономерность.

Респондентам для выбора были предложены два варианта освещения митинга против деятельности Роскомнадзора (прошедшего в июле 2017 года): на новостном портале Meduza.io (см. Рис. 2) и на новостной ленте «Интерфакс» (см. Рис. 3). Большая часть опрошенных – 45,1% – признали более достоверным текст «Медузы», 28% отметили, что ни один текст не вызывает доверия, и всего 26,9% посчитали сообщение «Интерфакса» более достоверным. При этом в открытом вопросе о том, какие новостные ресурсы пользователи регулярно отслеживают, именно «Медуза» была упомянута чаще всего в ряду других источников («Интерфакс», для сравнения, был указан всего два раза). И это оказалось достаточно значимым, так как регулярные читатели «Медузы» за редким исключением отметили в качестве достоверного именно текст, представленный на Рис. 2.



В Москве устроили шествие против Роскомнадзора. Задержан активист с плакатом «Путин lies»

Meduza · 14:21, 23 июля 2017 · Надежный источник

В Москве активисты устроили шествие против Роскомнадзора и за отмену ограничений в интернете. Участники акции протеста собрались на Страстном бульваре и двинулись в сторону проспекта Сахарова. На YouTube есть видеотрансляция. Судя по ней, в демонстрации участвуют сотни человек. МВД оценило число участников в 800 человек.

Как сообщает корреспондент «Медузы», в начале акции сотрудники полиции задержали мужчину с плакатом «Путин lies» («Путин лжет»). Участники акции скандировали «Позор!» Во время шествия активисты, в частности, требовали освободить математика Дмитрия Богатова, которого арестовали по обвинению в организации массовых беспорядков.

meduzapro
Рождественский Бульвар
Подписаться

Рис. 2. [8]

МОСКВА 14:45, 23 июля 2017

Около 800 выступающих за свободный интернет вышли на шествие в Москве

Москва. 23 июля. INTERFAX.RU - Менее тысячи человек принимают участие в шествии "За свободный интернет", начавшемся в центре Москвы, сообщили "Интерфаксу" в воскресенье в пресс-службе столичного главка полиции.

"На Страстном бульваре началось согласованное властями Москвы шествие. В мероприятии принимают участие около 800 человек", - сообщили в пресс-службе.

Полиция и Росгвардия обеспечивают охрану общественного порядка и безопасности, говорится в сообщении.

В заявке организаторов акции указывалось до 10 тыс. участников.

Теги: Москва

Рис. 3. [9]

Если мы рассмотрим два данных текста на предмет выделяемых ранее признаков достоверности и недостоверности информации, можно отметить, что текст, размещенный на Медузе, более явно оценочный и идеологически нагруженный, в нем присутствуют ссылки на социальные сети в качестве источника информации (*YouTube*). Кроме того, данный текст очевидно политизирован, в отличие от текста на Рис. 2, который представлен в гораздо более нейтральном фоне и в большей мере претендует на непредвзятость. Это позволяет говорить о том, что при выборе более достоверного текста пользователи скорее руководствуются тем, на каком ресурсе размещен тот или иной текст, нежели объективными свойствами самого текста. Если ресурс постоянно отслеживается и кажется проверенным, зарекомендовавшим себя, то информация, размещенная на нем, будет восприниматься как заслуживающая доверия уже одним своим фактом размещения на данном ресурсе.

Таким образом, требование «авторитетности», «достоверности», «проверенности» источника может обернуться некритичным восприятием любого текста, который будет на нем размещен. Кроме того, так как речь идет прежде всего об интерпретации информации конечным пользователем, определить такие параметры, как отсутствие ангажированности, также достаточно сложно, так как в случае совпадения идеологической и политической позиции источника и пользователя, последний может не увидеть ангажированности и однобокости там, где она фактически присутствует. Данный способ фильтрации информации, хотя и выглядит рабочим на первый взгляд, тем не менее, поддерживает и укрепляет «информационный пузырь».

Тенденция поддерживается и в социальных сетях, которые также являются значимым источником информации. Опрос показал, что большинство пользователей (80,9%) читают в основном своих родственников, коллег и друзей из реальной жизни, и примерно половина (53,6%) читают других пользователей, с которыми у них близкие увлечения, что также становится дополнительным фактором фильтрации входящей информации.

Это подтверждается проведенным нами экспериментом по ведению блогов. Были созданы четыре экспериментальных блога на социальных площадках: 1) *twitter.com*, формат текста в котором предполагает короткие сообщения длиной не более 140 символов; 2) *livejournal.com*, позволяющий размещать длинные тексты, никак не ограниченные по объему; 3) на *facebook.com* было создано два аккаунта, в силу разнообразия форматирования, предоставляемого данной социальной сетью. Первый аккаунт предполагал размещение коротких тестовых сообщений, сопровождаемых изображениями, или же только изображений, второй аккаунт – длинных текстов без какой-либо визуальной информации. Блоги создавались намеренно анонимными, с минимумом личной информации и под вымышленными именами.

Анализ коммуникативной ситуации в экспериментальных блогах показал, что пользователи интернета предпочитают не вступать в коммуникацию с анонимными авторами. Прежде всего, это проявилось в низкой степени (вплоть до отсутствия) отклика на публикации автора. Кроме того, анонимность автора может быть поводом для удаления комментариев, что является устранением из коммуникации. Социальные сети предоставляют не просто возможность публичности, а предъявляют требование публичности к участникам коммуникации. Невозможность точного установления личности автора или его неизвестность ведет к недоверию к той информации, которую он размещает. Несмотря на то, что интернет предполагает возможность абсолютно анонимного участия в коммуникации, интернет-сообщество крайне отрицательно относится к пользователям, которые предпочитают сохранять анонимность в том или ином виде. В Живом журнал это выражается предвзятым отношениям к новым журналам или же журналам, в которых крайне мало записей. Хотя у страниц в Фейсбуке было сравнительно много друзей, реакция на посты была минимальна. Кроме того, в различных обсуждениях неоднократно делались замечания в адрес «пустого профиля».

Так проявляется своего рода защитная реакция на переизбыток разнородной и противоречивой информации, производимой анонимными авторами: «блоги и форумы дают возможность каждому создавать персональное информационное пространство, подбирая, описывая и интерпретируя факты и события объективной реальности, жонглируя цитатами и выдержками по своему усмотрению и выступая в поддержку любой позиции. В результате создается непрерывно говорящая масса, продуцирующая и бесконечно репродуцирующая виртуальный контент» [10]. Тот беспрерывный поток информации, в который погружаются пользователи сети каждый день, требует выработки способов реагирования на относительно новое явление. Один из распространенных способов реагирования – возвращение к традиционным социальным связям, то есть к общению преимущественно с

друзьями и знакомыми. Наблюдается эффект социализации интернета, о котором пишет Тихонова С. В. как о процессе «экспансии норм и ценностей, характерных для социального пространства офлайна и регулирующих “традиционное” (в противовес “инновационному”, использующему информационно-коммуникационные технологии) социальное взаимодействие, в онлайн-пространство Интернета» [11, С. 147–148].

Возвращаясь к формату представления текста в современной онлайн-коммуникацию, можно отметить одну, наиболее явную тенденцию – на первый план выходит именно коммуникативная ситуация существования текста, и прежде всего, его адресант. Роль автора и/или источника информации принимает первостепенное значение, отодвигая на второй план как форму преподнесения, так и обстоятельства порождения текста. И хотя изначально такая позиция может казаться эффективным способом преодоления информационной перегрузки и достаточной точкой опоры для критической оценки информации, это приводит к кардинально противоположным результатам. Вместе с избавлением от информационного шума мы впадаем в другую крайность – окружаем себя только теми источниками, которые не вызывают у нас ощущение дискомфорта, вследствие чего попадаем в информационный пузырь. А чтение только «проверенных» авторов и источников приводит к превращению изначально кажущегося достоверным ресурса в некритически воспринимаемый авторитет. Таким образом, трансформация коммуникации, вызванная изначальной анонимностью интернет-пространства, порождает обратную реакцию в условиях роста социальной значимости Сети.

Список литературы

1. Рыскельдиева Л. Т. Коротченко Ю. М. Текстовый подход в социальной философии // Эпистемология и философия науки – 2017. – Т.51. – №1. – С. 153–170 – DOI: 10.5840/eps201751116
2. Гайденко П. П. Информация и знание // Философия науки. Вып. 3. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 185–192
3. Аронсон О. В. Образы информации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М.: ИФ РАН, 2004 – С. 131–161
4. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / Eli Pariser. – New York: Penguin Press, 2011. – 304 p.
5. Знания или информационный шум: что мы находим в Интернете? URL: https://docs.google.com/forms/d/1yqk-99B2yhFd8iO26YHiB4JfOqUPII5XRWL0M0LFBGw/viewanalytics (Дата обращения: 09.11.2018)
6. Рейтинг цитируемости медиаресурсов в социальных медиа за 2017 год. «Битва трансформеров» URL: http://blog.br-analytics.ru/rejting-tsitiruemosti-mediaresursov-2017/ (Дата обращения: 09.11.2018)
7. Ложь пабликов ВК | ЛПВК URL: https://vk.com/fakebusters (Дата обращения: 09.11.2018)
8. В Москве устроили шествие против Роскомнадзора. Задержан активист с плакатом «Путин lies» // Meduza.io. – 23 июля 2017. URL: https://meduza.io/news/2017/07/23/v-moskve-ustroili-shestvie-protiv-roskomnadzora (Дата обращения: 09.11.2018)
9. Около 800 выступающих за свободный интернет вышли на шествие в Москве // Интерфакс: новости. – 23 июля 2017. URL: https://www.interfax.ru/moscow/571723 (Дата обращения: 09.11.2018)
10. Шапиро О. А. Специфика аргументативного дискурса on-line коммуникации: нелогичное пространство социальных сетей // Логико-философские штудии. – 2016. – Т. 13. – № 4. URL: http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/497/488 (Дата обращения: 09.11.2018)
11. Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 138–152.

Shkorubskaya E. G. Communicative Space of Internet: Riot Against Anonymous Information Overflow // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 86–99.

The article analyzes the process of formation of the of the Internet-users attitude to the information received in World Wide Web. The main basis of study is consideration and assessment of how the method or format of providing information influences its perception by the user. Conducted for this purpose, the study revealed the following trend: the users resist the anonymity of the information received and spontaneously seek to develop their own reasons for distinguishing reliable and unreliable information. There were identified groups of factors that, in the users' opinion, allow evaluating one or another text (especially, news) from the point of view of the truth of the information presented in it. Based on combinations of these factors, models for evaluating information as reliable and as unreliable as possible. It was also found that the most significant element of the text format presented in the network is the communicative situation of its generation, namely, its authorship, or its specific embodiment in the Internet space – the source of placement. Despite the apparent effectiveness of such filters, allowing users to navigate in the situation of information oversaturation, their active use is fraught with the formation of an “information bubble” that closes the user in a comfortable environment and limits the possibility of an adequate assessment of the information received.

Keywords: information, knowledge, format, reliability, online communication, text.

References

1. Ryskel'dieva L. T. Korotchenko Yu. M. Tekstovyi podkhod v sotsial'noi filosofii [Text Approach in Social Philosophy]. Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science], 2017, Vol. 51, №1, pp. 153–170, DOI: 10.5840/eps201751116
2. Gaidenko P. P. Informatsiya i znanie [Information and Knowledge]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], Vol. 3, Moscow, IPh RAS, 1997, pp. 185–192
3. Aronson O. V. Obrazy informatsii [Images of Information]. Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya [The Influence of the Internet on the Consciousness and Structure of Knowledge]. Moscow, IPh RAS, 2004, pp. 131–161
4. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York, Penguin Press, 2011, 304 p.
5. Znaniya ili informatsionnyi shum: chto my nakhodim v Internete? [Knowledge or Information Noise: what do we Find on the Internet?]. URL: https://docs.google.com/forms/d/1yqk-99B2yhFd8iO26YHiB4JfOqUPII5XRWL0M0LFBGw/viewanalytics (Accessed: 09.11.2018)
6. Reiting tsitiruemosti mediaresursov v sotsial'nykh media za 2017 god. «Bitva transformerov» [The Citation Rating of Media Resources in Social Media for 2017. “Battle of Transformers”] URL: http://blog.br-analytics.ru/rejting-tsitiruemosti-mediaresursov-2017/ (Accessed: 09.11.2018)
7. Lozh' pablikov VK | LPVK [The False of VK Publics | LPVK]. URL: https://vk.com/fakebusters (Accessed: 09.11.2018)
8. V Moskve ustroili shestviye protiv Roskomnadzora. Zaderzhan aktivist s plakatom «Putin lies» [In Moscow, Staged a March against Roskomnadzor. Activist Detained with a Poster "Putin Lies"]. Novosti – Meduza [News – Meduza]. – 23 july 2017. URL: https://meduza.io/news/2017/07/23/v-moskve-ustroili-shestvie-protiv-roskomnadzora (Accessed: 09.11.2018)
9. Okolo 800 vystupayushchikh za svobodnyy internet vyshli na shestviye v Moskve [About 800 Speakers for Free Internet Took to March in Moscow]. Interfax: novosti [Interfax: news]. 23 july 2017. URL: https://www.interfax.ru/moscow/571723 (Accessed: 09.11.2018)
10. Shapiro O. A. Spetsifika argumentativnogo diskursa on-line kommunikatsii: nelogichnoe prostranstvo sotsial'nykh setei [Specific Features Of Argumentative Discourse Of On-Line Communicatios: A Non-Logical Space Of The Social Nets]. Logiko-filosofskie shtudii [Logical and Philosophical Studies], 2016, Vol. 13, № 4. URL: http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/497/488 (Accessed: 09.11.2018)
11. Tikhonova S. V. Sotsial'nye seti: problem sotsializatsii internet [Social Networks: Problems of Socialization of the Internet] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies], 2016, № 3, pp. 138–152.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 100–109.

УДК: 324

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВЫБОРАМИ

Антюшин Н. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: antushin93@mail.ru

Наблюдение за выборами способствует повышению открытости процесса и доверия к нему ввиду осуществления данной процедуры неангажированными профессионалами, специализирующимися на данной проблематике. Сторона, проводящая выборы и приглашающая наблюдателей, априори воспринимает мониторов как профессионалов своего дела. Оценки наблюдателей по итогам прошедшей кампании, часто имеют существенные различия и нередко отражают исключительно критичное видение электорального процесса. Это имеет тенденцию отражаться на внешнеполитическом имидже государства и избранных лиц вплоть до применения в отношении них санкций, а во внутриполитическом измерении – на доверии и количестве поддержки политической системы. Внимание к различиям инструментария наблюдателей и представляемым ими организациям может способствовать поиску консенсуса в используемом инструментарии в целях оперирования идентичными критериями оценки, индикаторами и факторами. Метод наблюдения, лежащий в основе мониторинговой деятельности, опирается на социологический инструментарий, ввиду чего автор видит целесообразным провести ревизию методики международного наблюдения выборов на предмет выявления сходств и различий с практикой социально-политических исследований. Акцент на особенностях будет способствовать проработке инструментария наблюдения за выборами как объекта политологического исследования, снижению остроты противоречий, что приведет к повышению доверия к выборам как политическому институту и международным наблюдателям как его элементу.

Ключевые слова: наблюдение, международные наблюдатели, выборы, электоральные процессы, измерение демократии.

Метод наблюдения значим при проведении социологического исследования ввиду получения информации от непосредственных участников социального процесса. Наблюдение выступает основным методом при проведении мониторингов в региональных исследованиях, в частности в электоральной проблематике. Мониторинг выборов и референдумов выступает частным случаем наблюдения, предполагающим свои особенности и накладывающим определенные ограничения на субъектов, в первую очередь в силу необходимости соответствия сформированному правовому полю. Наблюдение электоральных процессов не вызывает широкого интереса в качестве объекта политологического анализа, однако

отсутствие консенсуса по данному вопросу среди крупных субъектов мониторинговой деятельности сигнализирует о необходимости переосмысления используемого инструментария при выполнении ими своей работы. Актуальность исследования связана с перспективностью выработки академического подхода к формализации и экспликации инструментария экспертно-аналитической деятельности оценивания институтов демократизации.

Автор определил в качестве цели статьи характеризовать методику наблюдения электоральных процессов как совокупность мероприятий, ориентированных на отражение факта соблюдения стороной, проводящей избирательную кампанию, стандартов демократических выборов.

Логике достижения цели исследования подчинены две задачи. Обзор эволюции подходов к методу и его инструментарию в социальных науках приводит к характеристике современного состояния наблюдения, применяемого членами мониторинговых групп.

Концептуально наблюдение можно охарактеризовать как целенаправленное действие, предполагающее сбор и обобщение эмпирического материала о явлениях для восполнения недостатка научного знания. Объект наблюдения, специфика наблюдательского процесса и требования, предъявляемые к монитору, обнажают актуальные противоречия, приводящие к презентации подчас чрезвычайно различающихся позиций, от которых зависит признание выборов на международном уровне и формируется отношение к вопросам и лицам, политическая судьба которых определялась избирателями.

В статье метод наблюдения выступает объектом исследования. Предметом определяется специфика его применения в условиях электоральных кампаний.

Исследовательский инструментарий включал в себя общенаучные подходы (исторический, функциональный, системный, компаративистский). Исторический подход был применен для фиксации значимых точек эволюции метода, применяемого международными наблюдателями. Функциональный подход позволил отразить значение наблюдения для оценки выборов и указать на противоречия, возникающие в отношении роли наблюдателя, а также статуса самого наблюдателя. Системный подход применен в связи с неотъемлемым присутствием наблюдателей в ходе выборов в демократических странах. Компаративистский подход позволил отразить сходства и различия в инструментарии, применяемых крупными организациями, специализирующимися на наблюдении электоральных процессов. Наряду с ними был применен метод включенного наблюдения в целях изучения на практике специфики работы международных наблюдателей.

Наблюдение, разделяемое на научное и житейское, ориентировано на достижение одной цели. Вместе с тем эти виды опираются на различающуюся специфику, правила и последовательность действий. Житейское наблюдение более распространено и отличается от научного тем, что элемент целенаправленности присутствует не часто, а процедуры не предполагают логической подчиненности. Научное наблюдение, преследующее целью обнаружение ранее неизвестных элементов, объясняющих или дополняющих объяснение картины мира, было

концептуализировано примерно в XX веке, и наибольшее распространение метод получил в гуманитарных науках, в том числе для изучения объектов политической жизни. Важно отметить, что внедрение научного наблюдения как исследовательского метода осуществлялось и в России, в частности применительно к первым электоральным кампаниям.

В России наблюдение политических явлений, а именно выборов в Государственную Думу, практиковалось уже в 1905 году. Среди первых исследователей электоральных процессов в России, применявших метод наблюдения, фигурируют Р. Иванов-Разумник, А. Пешехонов, Б Щетинин, П. Тимофеев. Их исследования имели в значительной части региональный характер. Объектом наблюдения выступали средства массовой информации и агитационные материалы, соблюдение правопорядка и электорального законодательства. Этот этап также определяются как «физический очеркизм» в силу отсутствия четко определенных для оценивания качества выборов критериев и формализации результата деятельности наблюдателя. Стиль изложения полученного материала напоминал методику «физиологического очерка», распространенную в XIX веке у российских писателей, работавших в жанре социальной прозы [1].

Практика применения метода наблюдения для научного описания мира и его явлений имеет давнюю историю, в гуманитарных науках внедрение процесса контролируемого наблюдения связывают с Р. Бейлзом, который начал его использовать в области психологических исследований в 1950 году. Предложенная им схема стандартизованного наблюдения позволяла ответить на вопрос «что делается?» в социальных группах, объединенных для решения конкретной задачи, так называемых «дискуссионных группах». Внедрение способа восприятия увиденного посредством карточек получило широкое распространение для последующего обобщения полученных материалов, анализа и интерпретации результатов, а также минимизации субъективного фактора в данной деятельности. Однако теоретическое наполнение и специфика использования метода были осуществлены позднее [2, С. 114]. Отметим, что в России концептуализацией метода наблюдения занимались В. Я. Ядов, А. Г. Здравомыслов, П. М. Ершов.

Наблюдение используется для анализа уникальных, ограниченных во времени социальных процессов [3] и выступает в качестве вспомогательного метода когда другие не применимы или не позволяют собрать информацию в должном объеме для получения валидных результатов. Его логика подчинена необходимости отражения социального явления в режиме реального времени, часто за счет личного присутствия исследователя, а также верификации фактов и реализации полевого этапа проверки гипотез. Хотя перед исследователем остаются «черные ящики», обращение к наблюдению минимизирует их, позволяя рассматривать вопросы по релевантности категорий, отражая социальные практики в реальном времени [4, С. 28]. Наблюдение в социологическом исследовании не обязательно ведет к формированию предложений и рекомендаций, в большей степени оно ориентировано на объяснение явлений и ситуаций, деятельности индивидов и групп.

Рассматриваемый инструмент опирается на профессиональные компетенции, жизненный опыт и, в определенной степени, на искусство исследователя, имеющего «вкус к наблюдению», что Э. Дюркгейм расшифровывал как склонность к социологической деятельности [5]. Помимо них значимым требованием, предъявляемым к наблюдателю, является объективность монитора. Он также должен иметь представление о специфике поведения изучаемого объекта, контексте среды, а также критериях оценки нормальности ситуации и отклонениях от нормы. В целом наблюдение возможно характеризовать как социальный инструмент познания социальных явлений, основанный на знании общества и его поведения [6, С. 13].

Данный метод имеет подвиды, характеризующиеся ролью исследователя. Наиболее типичным представляется деление на включенное и невключенное наблюдение. Включенное также классифицируется в зависимости от положения наблюдателя к наблюдаемому объекту, где он может выступать участником ситуации, являться участником как наблюдатель, быть наблюдателем как участник или полностью дистанцироваться от участия. В первых трех случаях объект наблюдения может быть осведомлен о присутствии исследователя и позволяет себя наблюдать. Однако здесь возникает один из рисков наблюдения: насколько объект позволяет быть наблюдаемым и насколько полно он повторяет свои повседневные практики. Наблюдаемые буквально могут, как это определял Б. Латур, дать сдачи, хотя подобное сопротивление исследователю часто помогает детальнее изучить объект как динамичный элемент [7]. Наблюдатель ориентирован на выявление белых пятен в режиме реального времени, которые подлежат систематизации [7] и ответу, в конечном счете, на вопрос «как» жить и жить «вместе» с новыми фактами и явлениями, социальными группами [5, С. 38].

Иной вариант – невключенное наблюдение – повышает фактор объективности исследования, хотя предполагает увеличение количества «черных ящиков» [8, С. 206] и минимизирует фиксацию поведенческих и коммуникативных объектов, часто имеющих решающее значение для интерпретации результата. Проведение невключенного наблюдения часто базируется на кабинетном исследовании. В данном случае наблюдатель освобожден от «шумов» изучаемого явления, что дает ему возможность ранжировать наблюдаемые объекты, перераспределить временные затраты с целью лучшей фиксации и описания фактов. Помимо этого возможно привлечение группы наблюдателей как для получения результатов от каждого исследователя в отдельности, так и обсуждения наблюдаемого и выработки консолидированной позиции.

Метод наблюдения отличается гибкостью, предполагая использование как стандартизированных, так и нестандартизированных техник, часто дополняющих друг друга. Среди других его преимуществ отмечают широкий диапазон применения, отсутствие жестких условий проведения эксперимента и квалификационных требований к исследователю [9]. Вместе с тем дешевизна инструмента и метода также считается позитивным доводом в его пользу, хотя расширение исследуемого поля, количества наблюдателей, продолжительность

мероприятий и используемые техники не всегда позволяют говорить об этом утвердительно.

Применение наблюдения в качестве полевого этапа исследования требует заранее определенных маркеров и границ поля, которые дадут возможность получения релевантного результата. В данной связи важность имеет контекст явления или процесса, знание специфики социальной системы – психологические, культурные, политико-правовые особенности, а также представления о типичных ситуациях и аномалиях [10]. Особые условия – формализованные или неформализованные – предъявляются к исследователю, который должен иметь профессиональный опыт в области мониторинговой деятельности. Важным требованием является объективность монитора вне зависимости от выбранного вида наблюдения, хотя существует риск привнесения субъективного фактора или профессиональной деформации, подверженности стереотипным представлениям и слабая осведомленность о контексте поля исследования. Особую ценность имеет применение коллективного подхода, где среди исследователей распределены роли, а материал проходит коллегиальное обсуждение и проверку с разработкой заключительного документа [6]. Это позволяет его использовать при изучении более сложных систем, выходящих за пределы государственных границ.

Данный метод нашел распространение в вопросах международных отношений, измерении демократии и процессов демократизации. В рассматриваемом случае наблюдение трактуется в широком понимании (социологический подход), а также как организационно-институциональная составляющая процесса, формализованная в функциональные рамки политического (политологический подход) [11], что находит большее распространение в практической деятельности.

Как явление политической жизни международное наблюдение за выборами, практика которого насчитывает порядка 150 лет, испытало всплеск интереса к применению метода ввиду развития технологий, применяемых в процессе волеизъявления граждан, а также продолжающегося кризиса традиционных политических партий, выраженного в падении доверия к ним со стороны электората [12]. Наибольший интерес вызывают первые выборы или «транзитные» кампании [4] в силу их уникальности. Регулярные выборы и референдумы часто оказываются в центре внимания международных наблюдателей, выступающих в качестве посредников при оценивании легальности и легитимности избирательных процедур и обновления власти [4]. Цель международного наблюдения – обеспечение качества выборов и предоставление рекомендаций по реформированию избирательных процессов и администрации [13, С. 6], а также предоставление иной поддержки в виде материально-технической помощи, консультативного сопровождения, экспертизы.

Предметным полем наблюдателя являются сферы деятельности государственных и негосударственных институтов, принимающих участие в проведении или обеспечении избирательного процесса, а также активность институтов гражданского общества, связанная с актуальным электоральным циклом. К таким субъектам относятся органы администрирования выборов, органы правопорядка и юстиции, институты финансового учета (Центральный банк,

коммерческие банки, в которых законодательно разрешено открытие избирательных счетов), СМИ, общественные советы и прочие гражданские объединения, в том числе политические партии и движения.

Ввиду объединения наблюдателей в миссии и группы, представляющие международные организации, в предметное поле также включаются сами наблюдатели, с которыми поддерживается взаимодействие. На первый взгляд, представляется, что численность наблюдателей находится в прямой зависимости от объема предлагаемых ими оценок и рекомендаций, способствующих реформированию избирательного процесса. Однако здесь возникает «парадокс наблюдения», заключающийся в обострении конкуренции между мониторами, а нередко и конфликте интересов. Причиной явления выступают разные ресурсы, которыми располагают организации, различающаяся методическая и техническая база, а нередко и идеологическая конфронтация. Дж. Келли, специалист в области международного наблюдения за выборами, называет это «гонкой публикаций и выступлений» [13, С. 14], которая негативно сказывается на оценке прошедшей кампании, эффективности мониторинговой деятельности и репутации как организаций, так и отдельных мониторов.

Итог наблюдения за выборами всегда должен приводить к ответу «соответствовала ли кампания стандартам проведения демократических выборов?», с указанием на выявленные уязвимые области электорального процесса. Оценка качества выборов осуществляется по соответствию кампании критериям стандартов демократических выборов. Внимание наблюдателей сфокусировано на организационно-правовых характеристиках, качественных характеристиках конкуренции и качественных характеристиках избирателей, выраженных в уровне гражданско-политического образования [14, С. 52]. Наблюдатели соотносят увиденное с собственным опытом, делая акцент на позитивных моментах процесса, способствуя их популяризации и распространению в странах, в которых имеют мандат на участие в наблюдении. Неоднородный опыт, система подготовки и квалификация наблюдателей приводят к тому, что мониторинговая группа должна проходить корпоративные процедуры в целях сплочения коллектива, грамотного распределения ролей и назначения обязанностей для получения максимально возможного результата оценивания качества и демократичности кампании. Исходя из этого, ставится вопрос о профессиональных качествах наблюдателя.

Лица, имеющие статус наблюдателя, не всегда обладают внушительным опытом наблюдения избирательных процессов. Профессионализация – формирование устойчивых практик подготовки наблюдателей – данной области насчитывает примерно 25 лет. Данный процесс не завершен, и перспективным направлением в нем является развитие электоральной дипломатии [15] и формирование пула экспертов, на академическом уровне занимающихся вопросами международного наблюдения. Повышению уровня профессионализма наблюдателей способствует практика «шефства» более опытных мониторов над коллегами, еще не сформировавшими должный уровень компетентности. Вместе с тем привлечение к мониторингу представителей разных профессиональных сфер

позволяет детальнее наблюдать отдельные элементы кампании, впоследствии представляя коллегиальную позицию.

Наблюдатель опирается на стандартизированную технику наблюдения, заранее подготовленные справочно-экспертные документы, опросники, карты с формализованными критериями оценки. В своей деятельности он сочетает варианты «полное наблюдение» и «наблюдатель как участник» в зависимости от его роли в составе мониторинговой миссии. Мониторинговый процесс, обычно состоящий из фаз долгосрочного, краткосрочного и постэлекторального наблюдения, предполагает проведение кабинетного исследования и работу «в поле». Широкое использование цифровых технологий в области проведения выборов диктует необходимость обращать внимание на виртуальное измерение проводимой кампании. В Сети организаторы выборов и участники кампании также размещают собственные материалы, в связи с чем наблюдатели, используя разнообразные методы политического анализа (анализ политического документа, контент-анализ, дискурс-анализ, анализ видеоряда) оценивают доступность для субъектов электорального процесса данного коммуникативного канала и возможности посредством него осуществлять свою деятельность. Расширение поля исследования влияет на повышение издержек проводимых мероприятий.

Наблюдение электоральных процессов относится к затратным методам, однако издержки несет не принимающая сторона, которая выступает заказчиком исследования и заинтересована в получении позитивных результатов. Мониторинг для заказчика осуществляется на общественных началах, однако от его итогов зависит имидж государства и легитимация власти. Практика показывает, что внешнее признание итогов выборов значимо не только для позиционирования избранной власти, но и ее возможностей на мировой арене. Ярким примером данного утверждения является введение санкций США в отношении Никарагуа в 2016 году после признания прошедших президентских выборов не соответствующими демократическим стандартам. Это не является практикой текущего дня в силу того, что проблема необъективного наблюдения и формирования оценок, равно как и вмешательства в электоральные процессы, и ранее являлась спусковым крючком международной напряженности. Наглядным примером могут служить ухудшения и даже разрыв отношений по итогам выборов в странах Латинской Америки в 1980-е годы, а также первый случай привлечения наблюдателей к мониторингу избирательных кампаний в Европе еще в середине XIX века, когда возник риск новой Османской войны.

Итоговые документы о наблюдении не имеют стандартизации, поэтому наблюдатели и миссии имеют широкую свободу публикации результатов своей деятельности. Помимо риска «гонки публикаций» обнаруживается другое уязвимое место – количество и качество публикуемого материала, а также ранжирование объектов наблюдения и внимания к ним, что может привести к акценту на несущественных моментах или гиперболизации недостатков кампании, представляя ее как несовершенную. Как правило, наблюдатели отражают результаты своей работы в справках, информационных бюллетенях, аналитических и итоговых отчетах. Распространена практика презентации итогов в СМИ и научно-

аналитических изданиях, где объектом исследования выступают менее формализованные аспекты мониторинга. К ним относятся глубинные вопросы, обычно не затрагиваемые при наблюдении выборов (к примеру, политическое поведение, дискурс), но не менее значимые для объяснения предмета и предложения рекомендаций по совершенствованию электорального поля.

Наблюдение электоральных процессов допустимо характеризовать как узкую специализацию метода наблюдения в широком понимании, с сохранением основных методических принципов и вопросов для анализа. Его применение в отношении электоральных процессов целесообразно ввиду уникальности и быстротечности выборов как явления социально-политической жизни. Существующие проблемы, связанные с недоверием к заключениям наблюдателей, их значения для оценки и развития электоральных институтов, согласно позиции автора, заключены в персонализированном и методическом измерении. Совершенствование аспекта, связанного со статусом и функционалом наблюдателя, требует установление принципа открытости отбора мониторов исходя из их опыта и профессиональных качеств, а также применения определенной иерархии, в соответствии с которой субъектам с минимальным опытом или без отсутствия такого целесообразно поручать второстепенные задачи. Профессионализация данной отрасли должна предполагать как присутствие в составе миссий наблюдения лиц, избравших наблюдательную деятельность в качестве карьеры, так и проведение систематических обучающих мероприятий с «наблюдателями по случаю», в том числе с коллегами из других государств, не привязывая данную активность исключительно к избирательным кампаниям.

Автор также находит перспективной стандартизацию отдельных документов, процедур и протокола наблюдателей в целях минимизации риска презентации результатов мониторинга, имеющих существенные различия у мониторов, фиксировавших идентичные переменные. Поддержание регулярного диалога между наблюдательскими сообществами с приглашением сторон к обсуждению новаций, спорных аспектов и адекватности, полноты применяемого инструментария вне зависимости от их идеологических позиций будет обеспечивать сходство взглядов на основополагающие вопросы наблюдения «что наблюдать» и «как наблюдать». К таким вопросам следует отнести определение правового статуса социальных сетей и новых медиа в электоральных кампаниях, методах мониторинга сетевого пространства и критериях нарушения избирательного права в данном измерении. Немаловажно обеспечивать раскрытие информации – источников, авторов и собеседников, на которых опирались мониторы при подготовке документов об итогах наблюдения в целях соблюдения принципов объективности деятельности и достоверности представляемых фактов ввиду того, что случаи ссылки на анонимных комментаторов пока еще находят распространение. Реализация указанных положений способна придать институту наблюдения ценности в части совершенствования избирательной системы, а наблюдателям авторитет и значимость как субъектов электоральной дипломатии.

Список литературы

1. Кажанов О. А. Метод наблюдения в российских электоральных исследованиях начала XX века // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXI междунар.науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК. – 2013. URL: https://sibac.info/conf/social/xxi/31736 (Дата обращения: 29.08.2017).
2. Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование / О. В. Попова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.
3. Санжаревский И. Н. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии / И. Н. Санжаревский. – Тамбов: Пролетарский светоч, 2012. – 434 с.
4. Abedi S. Election Observation from the Perspective of National Security // Modern Diplomacy Platform. URL: https://moderndiplomacy.eu/2018/04/10/election-observation-from-the-perspective-of-national-security (Дата обращения: 14.06.2018).
5. Guevara E. Un Vote organisé par des Gangs? Observation d'une Mission d'Observation Internationale de l'Election Présidentielle de 2014 au Salvador // Critique Internationale. – 2018. – №1. – pp.126–146.
6. Peneff J. Le Goût de l'Observation. Comprendre et Pratiquer l'Observation Participante en Sciences Sociales. – Paris, 2009. – 254 p.
7. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Социология вещей. Сб. статей под ред. В. Вахштайна. – М., 2006. – С. 342–365.
8. Saussey M. Les Défis Méthodologiques de l'Observation Sociale // Multitudes. – 2017. – №2. – pp. 204–210.
9. Скубенко Д. В. Метод наблюдения в социологических исследованиях // Символ науки. – 2017.– №02–2. – С. 226–227.
10. Arborio A.-M. L'Observation Directe en Sociologie : quelques Réflexions méthodologiques à propos de Travaux de Recherches sur le Terrain Hospitalier // Recherche en Soins Infirmiers. – 2007. – №3. – pp. 26–34.
11. Круглашова (Вельч) В. Д. Теоретические подходы к исследованию института международного наблюдения за выборами // Studia Humanitatis. – 2014. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-instituta-mezhdunarodnogo-nablyudeniya-za-vyborami.
12. Гетман А. А. Актуальные проблемы современных электоральных исследований в странах Запада // Ойкумена. – 2013. – №1. – С. 122–131.
13. Kelly J. The Good, the Bad ant the Ugly: Rethinking Election Monitoring // International IDEA. – Stockholm, 2012. URL: https://www.idea.int/sites/default/files/publications/the-good-the-bad-and-the-ugly-rethinking-election-monitoring.pdf (Дата обращения: 13.06.2018).
14. Давыборец Е. Н. Выборы в России: институт демократии или атрибут автократии? // Социс. – 2015. – №10. – С. 49–56.
15. Лихачев В. И. Дипломатия России: традиции и новеллы // Международная жизнь. – 2017. – №6. – С. 18–24.

Antushin N. A. To the Question about the Methodology of International Election Observation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 100–109.

Observation in elections contributes to the openness and credibility of the process in the light of the implementation of the procedure by non-engaged professionals specialized in the subject. The party holding the elections and inviting observers, a priori perceives monitors as professionals. The observers assessments of the results of the past campaign often have significant differences and often reflect an extremely critical vision of the electoral process. This has a tendency to affect the foreign policy image of the state and the elected persons up to the application of sanctions against them, and in the domestic political dimension – the trust and support of the political system. Attention to the differences in the tools of observers and the organizations they represent can contribute to the search for consensus in the tools used to operate with identical evaluation criteria, indicators and factors. The method of observation, which is the basis of monitoring activity, is based on sociological tools, therefore, the author considers it appropriate to review the methods of international observation of elections in order to identify similarities and differences with the practice of socio-political

studies. The emphasis on the features will contribute to the development of election observation tools as an object of political research, reducing the severity of contradictions, which will lead to increased confidence in the elections as a political institution and international observers as its element.

Keywords: observation, international monitors, elections, electoral processes, measuring democracy.

References

1. Kazhanov O. A. Metod nablyudeniya v rossijskih ehlektoral'nyh issledovaniyah nachala XX veka [Method of Observation in the Russian Electoral Research of the Early XX Century]. Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya [Topical Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History]. Novosibirsk, SibAK, 2013. URL: https://sibac.info/conf/social/xxi/31736 (Accessed: 29 August 2017).
2. Popova O. V. Politicheskij analiz i prognozirovanie [Political Analysis and Prognosis]. Moscow, Aspekt Press, 2011, 464 p.
3. Sanzharevskij I. N. Istoriya, Metodologiya i Mekhanika Issledovaniya Problem Obshchestva i Lichnosti v Sociologii [History, Methodology and Mechanics of Research of Problems of Society and Personality in Sociology]. Tambov, Proletarskij svetoch, 2012, 434 p.
4. Abedi S. Election Observation from the Perspective of National Security. Modern Diplomacy Platform. URL: https://moderndiplomacy.eu/2018/04/10/election-observation-from-the-perspective-of-national-security (Accessed: 14 June 2018).
5. Guevara E. Un Vote organisé par des Gangs? Observation d'une Mission d'Observation Internationale de l'Election Présidentielle de 2014 au Salvador. Critique Internationale, 2018, №1, pp. 126–146.
6. Peneff J. Le Goût de l'Observation. Comprendre et Pratiquer l'Observation Participante en Sciences Sociales. Paris, 2009, 254 p.
7. Latur B. Kogda Veshchi Dayut Otpor: Vozmozhnyj Vklad «Issledovanij Nauki» v Obshchestvennye Nauki [When Things Strike Back: a Possible Contribution of 'Science Studies' to the Social Sciences]. Sociologiya Veshchej. Collection of articles ed. V. Vakhshtayn. Moscow, 2006, pp. 342–365.
8. Saussey M. Les Défis Méthodologiques de l'Observation Sociale. Multitudes, 2017, №2, pp. 204–210.
9. Skubenko D. V. Metod Nablyudeniya v Sociologicheskih Issledovaniyah [Method of Observation in Sociological Research]. Simvol Nauki [Symbol of The Science], 2017, №02–2, pp. 226–227.
10. Arborio A.-M. L'Observation Directe en Sociologie : quelques Réflexions méthodologiques à propos de Travaux de Recherches sur le Terrain Hospitalier. Recherche en Soins Infirmiers, 2007, № 3, pp. 26–34.
11. Kruglashova (Vel'ch) V. D. Teoreticheskie podhody k issledovaniyu instituta mezhdunarodnogo nablyudeniya za vyborami [Theoretical Approaches to the Research of the Institute of International Election Observation]. Studia Humanitatis, 2014, №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-instituta-mezhdunarodnogo-nablyudeniya-za-vyborami (Accessed: 17 August 2018).
12. Getman A. A. Aktual'nye problemy sovremennyh ehlektoral'nyh issledovanij v stranah Zapada [Actual Problems of Modern Electoral Research in the West]. Ojkumena, 2013, №1, pp. 122–131.
13. Kelly J. The Good, the Bad ant the Ugly: Rethinking Election Monitoring // International IDEA. Stockholm, 2012. URL: // https://www.idea.int/sites/default/files/publications/the-good-the-bad-and-the-ugly-rethinking-election-monitoring.pdf (Accessed: 13 June 2018).
14. Davyborec E. N. Vybory v Rossii: institut demokratii ili atribut avtokratii? [Elections in Russia: the Institute of Democracy or the Attribute of Autocracy?]. Socis, 2015, № 10, pp. 49–56.
15. Lihachev V. I. Diplomatiya Rossii: Tradicii i Novelly [The Diplomacy of Russia: Traditions and Innovations]. Mezhdunarodnaya Zhizn' [International Affairs], 2017, № 6, pp. 18–24.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 110–119.

УДК 323.1

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Гросфельд Е. В.[1], Ходосов Т. Н.[2]

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

[1]E-mail: alegros@mail.ru

[2]E-mail: belkasoad@mail.ru

Национально-культурное самоопределение переводит этнокультурные представления и интересы в конкретные организационные формы и позволяет включить их в общий процесс нациестроительства. Национально-культурное самоопределение отражает главное противоречие – противоречие между ассимиляцией и сохранением этнокультурной самобытности. С одной стороны, национально-культурное самоопределение обеспечивает сохранение этнокультурной самобытности, с другой стороны, предоставляет возможности для формирования позитивных этностереотипов, легализации и оптимизации этнических интересов. Таким образом, национально-культурное самоопределение актуализируется в повышении уровня интеграции, степени межкультурного взаимодействия и уровня взаимной терпимости этнических групп. В этой связи актуально изучение национально-культурного самоопределения как фактора упрочения гражданской идентичности российского общества. Такое изучение оправдано необходимостью нейтрализации конфликтогенных факторов этничности и реализации ресурсов национально-культурного самоопределения в сплочении россиян как многонационального этноса. В статье рассматриваются особенности функционирования конфессиональных структур, молодежных организаций, национально-культурных автономий и национально-культурных объединений тюркских народов (преимущественно крымских татар, поскольку их количество в значительной степени превалирует над иными тюркскими народами, проживающих в Крыму) [1, С. 81–93]. Содержание и динамика национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения крымских татар в Крыму отражают процессы постсоветской демократизации межэтнических отношений и современного понимания содержания национального вопроса и межнационального согласия. Позитивная динамика национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения этнических сообществ Крыма осуществляется в благоприятных условиях. На современном этапе в развитии сообществ Крыма есть ряд неоспоримых достижений: отсутствие сепаратистских настроений, стремление к безопасности, стабильности, законности, рост патриотизма, поддержка внешнеполитического курса Президента РФ. Осуществляется всемерная профилактика терроризма и национально-религиозного экстремизма, отмечается ослабление радикально-экстремистских идеологий, достигается баланс между силовым управлением и управлением через традиционные историко-культурные механизмы, в которых используется позитивный опыт добрососедства и взаимных симпатий между народами. В то же время сохраняются: противоречия в реализации реформы местного самоуправления в земельном аспекте; риски

распространения радикальных идеологий, а также участия молодых людей в запрещенных на территории России экстремистских и террористических организациях.

Ключевые слова: национально-культурное самоопределение, этнорелигиозное самоопределение, крымские татары, Крым, гражданская идентификация.

Национально-культурное самоопределение является составляющей общей гражданской культуры в системе общегражданской идентичности. Значение национально-культурного самоопределения заключается в институционализации этнокультурного фактора в общественно-политических отношениях. В этой связи повышается значение национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения в развитии межэтнического, межкультурного взаимодействия в Крыму, в реализации важнейшего политического проекта современности – упрочения гражданской идентичности россиян. Данный проект включает организацию новых сфер политического действия, формирование новых субъектов политики, появление новых политических акторов, внедрение новых принципов и приемов политико-административного управления.

Однако на современном этапе диапазон вопросов, связанных с национально-культурным и этнорелигиозным самоопределением народов расширяется за счет включения в него проблем социально-политического характера: профилактика межэтнических противоречий и разрешение этнических конфликтов; объединение представителей народов и этнических групп для защиты их прав в области культуры и языка; аккумуляция усилий в диалоге с органами власти и местного самоуправления; отстаивание этнотерриториальных и этноэкологических интересов в том числе. В данный процесс включаются также: участие в реализации программ упрочения российского патриотизма и российской гражданской идентичности, взаимодействие общественных организаций с органами власти в реализации направлений государственной национальной политики на федеральном, региональном и местном уровнях.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении специфики национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения крымских татар как взаимодействия национального и политического в системе гражданской идентификации.

Значимость национально-культурного самоопределения в упрочении гражданской идентичности определяется, тем, что оно позволяет гражданам удовлетворять свои этнокультурные интересы и достигнуть этнокультурного комфорта, благополучного этнокультурного самочувствия. Также национально-культурное самоопределение позволяет гражданам участвовать во внутригосударственном, международном и транснациональном взаимодействии. Национально-культурное самоопределение способствует внедрению новых форм и методов социального функционирования, что особенно важно в условиях демократического транзита социальных и политических процессов.

Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение народов и индивидов в институциональном смысле выражается в деятельности национальных общественных и религиозных организаций, этнических движений, центров, фондов, форумов, лагерей, съездов, которые образуются и действуют в целях

акцентирования и решения проблем этносов, прежде всего, в сфере культуры и религии. При этом тенденцией последнего времени является проецирование стратегий и тактик национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения в иные сферы функционирования народов и этнических групп как субъектов социально-экономических и общественно-политических отношений. Это такие сферы, как: экономические отношения и отношения собственности, территориальные проблемы, политика, принятие политико-значимых и управленческих решений. Иными словами, национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение народов и индивидов сближается (а часто и смыкается) с политическим, общесоциальным, а также, все в большей степени, и с геополитическим самоопределением, так как новации международной архитектуры мощно влияют на внутригосударственные и внутрирегиональные процессы, обостряя проблемы меньшинства и большинства [2].

Сочетание общенациональных, этнокультурных и этнорелигиозных интересов в групповых и индивидуальных проекциях ярко выражено в Республике Крым. Этнические сообщества Крыма существенно дифференцированы по факторам этногенеза, по этнодемографическому, этноконфессиональному и социокультурному портрету, а также по историческому пути и по трактовкам отдельных сюжетов общей и этноперсонифицированной истории.

Традиционными целями национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения остаются: возрождение и развитие народных традиций и обрядов, сбережение культурного комплекса народов – материального и духовного, приобщение молодежи к культуре и вере предков. Состоявшийся опыт национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения составлен оправдавшими себя формами и методами. Среди эффективных форм и методов деятельности национально-культурных организаций крымских татар выделяются: организация курсов языка, центров народной истории и культуры, проведение праздников и памятных дат, празднование юбилеев выдающихся деятелей, организация конференций, форумов, круглых столов соответствующей тематики.

Также эффективными формами национально-культурного самоопределения крымских татар, которые можно назвать эмоциональным «видовым рядом этнической культуры», являются: проведение музыкальных и песенных конкурсов и фестивалей, организация национальных подворий и дней национальной кухни, проведение праздников и мастер-классов народных промыслов и ремесел, а также праздников народного костюма, издание книг, журналов, газет, проведение спортивных соревнований, шествий, митингов, пробегов, кроссов.

Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение на современном этапе тесно переплетено и взаимообусловлено, так как этнокультурная традиция и практика все больше отождествляется с этнорелигиозной традицией и практикой. Принципиальной основой этнорелигиозного самоопределения крымских татар выступает ислам, значение которого возрастает, как на уровне мировоззрения, так и на уровне обыденного социального поведения тюркских народов Крыма. Фактор религии, веры, а также внешней конфессиональной атрибутики становится все более выраженным и все более привлекающим внимание этнических сообществ, в

том числе, молодежи. При этом такие личностные черты, как честность, порядочность, нравственность все чаще в общественном и даже в управленческом и политическом дискурсе увязываются с религиозностью. Важным в контексте упрочения единства российской гражданской нации является то, что представители тюркских народов подчеркивают значимую компоненту этноконфессиональной идентичности – следование вере своих предков, религиозным верованиям своего народа, традиционным религиозным обычаям и традициям.

На территории Республики Крым действует единственный официально зарегистрированный, легитимный и традиционный духовный институт, это Духовное Управление Мусульман Крыма (ДУМК), которое объединяет и представляет всех мусульман Республики Крым и г. Севастополя, а также Муфтий, который избирается Курултаем Мусульман Крыма сроком на пять лет.

Религиозная элита во главе с крымским муфтием довольно быстро адаптировалась к новым реалиям и успешно интегрировалась в российское общество. В ходе конференции «Организация хаджа российских мусульман: прошлое и настоящее», муфтий Крыма хаджи Эмирали Аблаев обратился к членам делегации Хадж-миссии России с предложением официально закрепить за Духовным управлением мусульман Крыма и г. Севастополь организацию хаджа для крымчан на территории Крыма. По мнению муфтия, это позволит избежать обмана верующих недобросовестными людьми. Он также обратился к делегации поддержать предложение, чтобы вся печатная продукция исламского характера, распространяемая на территории Крыма, была согласована с Духовным управлением мусульман республики. Также муфтий Крыма обратил внимание членов делегации на невозможность осуществления деятельности на территории Крыма параллельных ДУМКу структур, так как их деятельность приводит к расколу и розни между мусульманами Крыма, что влияет на общую обстановку в республике в целом [3].

Руководство ДУМК принимает активное участие как в местных, региональных, так и в международных мероприятиях. Так, заместитель муфтия Крыма Айдер Исмаилов в заседании очередной сессии ежегодной конференции «Бюро демократических институтов ОБСЕ» выступил с докладом о ситуации в Крыму, в котором отметил, что в республике продолжают функционировать национальные институты, – духовные, культурные и образовательные; зарегистрировано более двухсот мусульманских религиозных общин; разработаны и согласованы механизмы восстановления прежней топонимики в населенных пунктах Крыма. Он также напомнил, что именно на украинский период приходится повальное создание на территории полуострова альтернативных духовных структур, в частности, автономных мусульманских общин, которые были представлены сторонниками различных мусульманских радикальных сект [4].

ДУМК активно сотрудничает с Централизованной религиозной организацией «Международная исламская миссия», с Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования, Всемирной организацией по изучению Корана в рамках различных культурных, религиозных, образовательных проектов (День Крыма в «Шатре Рамадана-2017», семинар «Формирование межконфессиональной и

межнациональной гармонии на территории Республики Крым», круглый стол «Экстремистские секты как угроза крымскотатарскому народу» и др.).

Более 25 лет ведет свою деятельность Межконфессиональный совет Крыма «Мир-дар Божий», членами которого являются Духовное управление мусульман Крыма и Духовное управление религиозных общин караимов Украины.

Около сотни мусульман Крыма на сегодняшний день получают высшее духовное образование в исламских ВУЗах РФ. У Духовного управления мусульман Крыма существуют договоренности с рядом ВУЗов России о принятии на второй-третий курсы абитуриентов из Крыма, получивших среднее специальное духовное образование в медресе Республики. Так, например, в Казанском исламском университете обучается более ста человек из Крыма. Большинство – на заочной форме обучения, некоторые учатся дистанционно. Заместитель главы ДУМК отметил, что крымский муфтият продолжает практику делегирования студентов в зарубежные исламские университеты.

С целью оказания поддержки религиозным служителям в вопросах работы с местными религиозными организациями и населением по инициативе Духовного управления мусульман Крыма и г. Севастополь в республике состоялся тренинг для имамов «Социальная деятельность местного имама».

По инициативе Общественного объединения мусульманок Крыма «Буллюр» («Хрусталь») Духовного управления мусульман Крыма и Севастополя состоялся трехдневный форум «Школа лидерства для мусульманок». В форуме приняли участие более 30 активных молодых мусульманок из разных регионов Крыма. В течение трех дней участницы посетили различные тренинги, семинары и лекции, приняли участие в религиозных квестах и сухбетах (беседах).

Куратор просветительского проекта «Файдалы илим» («Полезные знания») Зейнеб Баирова и член Общественного объединения мусульманок Крыма «Буллюр» Нияра Джанбазова приняли участие в V Всероссийском съезде женских мусульманских организаций «Этнические традиции в мусульманской семье». В ходе работы съезда участницы обсудили этнические традиции в современной мусульманской семье, поделились предложениями в вопросах сплетения коранической традиции и не противоречащих ей этнических традиций, выработанных историей. В числе различных обсуждений тем, участницами также были предложены способы адаптации супругов при вступлении в межнациональный брак.

Представители духовенства активно участвуют во всех светских мероприятиях, связанных с воспитанием молодежи, направленных против религиозного и этнического экстремизма и терроризма. Это тем более актуально, что международные экстремистские организации стремятся влиять на религиозное самоопределение народов, демагогически и провокационно используя религиозную догматику [5, С. 55–64].

В рамках исследования молодежных инициатив представителей тюркских народов необходимо отметить ряд проектов, которые за небольшое время своего существования уже успели получить поддержку среди молодого поколения. Одна из инициатив – молодежная организация «Медений Къырым» («Культурный Крым»),

появившаяся в апреле 2016 года. Данный проект работает под патронатом Духовного управления мусульман Крыма и Севастополя и позиционирует себя как неполитический и некоммерческий, созданный группой молодых инициативников. За относительно небольшой период организация сумела воплотить несколько интересных проектов. К примеру, по инициативе членов организации был создан первый крымскотатарский словарь для iOS и Android смартфонов – Canlı Luğat. Уникальность в том, что его автором может стать каждый желающий. Для этого необходимо добавить новое слово или поделиться диалектным звучанием. В приложении Canlı Luğat также присутствует функция оповещения о предстоящих мероприятиях для крымскотатарской молодежи. Еще один проект «Джанлы тиль» – видеоуроки, направленные на изучение крымскотатарского языка. В рамках проекта известные деятели культуры, искусства, фотографы, педагоги и другие представители крымскотатарского народа в игровой форме обучают словам.

Кроме того, «Медений Къырым» организовывает экскурсии и походы по Крыму с целью знакомства с историческими достопримечательностями и интересными объектами полуострова. В 2016 и 2017 гг. представители «Медений Къырым» выступили организаторами восхождения крымскотатарской молодежи на гору Чатыр Даг, чтобы почтить память людей, погибших в результате депортации 1944 года. На вопрос «Что сейчас может служить объединяющим фактором для крымских татар и молодежи, в частности?» исполнительный директор «Медений Къырым» Эмир Керимов отвечает: «Религия, культура, язык, патриотизм. Я думаю, не нужно делать ставку на что-то одно». По мнению Керимова, объединяться нужно вокруг своей идентичности, но при этом «не забывать, что мы – тоже граждане мира и только на себе замыкаться нельзя» [6].

Региональная общественная организация «Комитет Крымскотатарской Молодежи» (ККТМ) создана в 2015 г., председатель – Смирнов Аслан Заурович (сын экс-председателя Госкомитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Заура Смирнова). Целью организации является объединение молодых граждан крымскотатарской национальности для возрождения культуры, религии, традиций, истории народа, межличностного общения граждан, а также социальной поддержки и защиты крымских татар, проживающих на территории Крыма.

Представители молодежных организаций принимают активное участие в мероприятиях, направленных на модернизацию образования, духовно-нравственное развитие и воспитание, а также подготовку подрастающего поколения к межкультурному взаимодействию, что в свою очередь будет способствовать сохранению межэтнического согласия и национально-культурной идентичности народов Крыма (круглый стол «Роль молодежи в укреплении национального единства народов Республики Крым. Общественная дипломатия – эффективный механизм укрепления мира, межнационального согласия и предотвращения межэтнических конфликтов», Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие образования в полиэтническом регионе», круглый стол «Голос крымскотатарской молодежи», «Крымско-татарская молодежь против терроризма», Региональный молодежный форум «Вместе», Форум крымско-татарской молодежи,

социальная акция «Крымчане едины», Республиканский фестиваль «Соцветие культур Крыма», VII Региональный фестиваль крымскотатарской культуры «Ички нагъмелери», III Литературный фестиваль «КрымБукФест–2017» и др.).

С целью оптимизации взаимодействия молодежных организаций с органами власти, главой региональной общественной организации «Общество крымских татар» Эксендером Биляловым в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям было инициировано создание при главах местного самоуправления Крыма молодежных межнациональных советов. Он также озвучил предложение совместно с телевизионными компаниями разработать и реализовать концепцию молодежного телевизионного проекта, направленного на гармонизацию межнациональных отношений в Крыму [7].

Также выступая на Всероссийской богословской конференции с докладом на тему: «Паломничество к святыням – путь к нравственному оздоровлению общества. Мусульмане России против экстремизма», посвященной 15-летию Хадж-миссии России, заместитель Муфтия Крыма Эсадуллах Баиров отметил, что «крайне важно воспитывать молодежь в свете традиционных религиозных ценностей. И если мы сами не научим их элементарным понятиям, о Боге, о религии, то этот пробел восполнят другие, и таким образом наше молодое поколение может стать объектом влияния чуждых идеологий [8]». По итогам конференции участниками было принято решение, в котором говорится о необходимости укрепления единства народов России, осуждаются любые формы проявления насилия, терроризма и экстремизма.

Исследование национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения тюркских народов, проживающих на территории Крыма показало, что за последние четыре года сложился ряд положительных тенденций, позволяющих говорить о развитии и упрочении гражданского единства российской нации. Регулирование этнокультурных и этнорелигиозных отношений в Крыму основано на принципах толерантности, равенства всех, независимо от национальной и религиозной принадлежности, свободной национальной самоидентификации, всестороннего развития национального самосознания, языка и культуры.

В настоящее время крымскотатарская светская национальная элита в российском обществе еще окончательно не сформирована, а претенденты в нее не пользуются достаточной популярностью в народе, в отличие от религиозной, мягко интегрировавшейся в новое государственное пространство. Небывалый потенциал открывшихся возможностей ДУМК (отправка паломников в хадж, начало строительства соборной мечети, реставрация и реконструкция старых мечетей и др.), и все это при содействии государства, способствует формированию положительных взглядов у верующих на религиозную политику властей.

В условиях упрочения гражданского единства российской нации национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение крымских татар в Крыму является стабильно положительным и расширяющимся в плане направлений и векторов, техник и технологий. Его содержание предусматривает соотнесение гражданской идентичности с этнической и религиозной. Их баланс важен для достижения социального комфорта этнических сообществ и индивидов, для обеспечения

взаимной этнокультурной и этнополитической безопасности народов, а также и для национальной безопасности России.

Знаковой проблемой, которая соотносится с общими тенденциями национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения, является проблема представленности тюркских народов в органах государственной власти и местного самоуправления РФ на всех уровнях и во всех регионах и территориях их проживания. В рамках национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения тюркских народов Крыма с учетом проблем, противоречий и конфликтов – бытовых, экономических, политических, управленческих и ценностных, – систематически актуализируется национальный вопрос: «крымско-татарский», который, в свою очередь, является многосоставным, «блоковым», так как включает множество переплетенных проблем – ценностных, социокультурных, религиозных, земельных, территориальных, а также политико-правовых и политико-управленческих. Это делает их не только трудноразрешимыми, но и трудно поддающимися осмыслению и операциональному воздействию.

Список литературы

1. Гросфельд Е. В. Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение адыго-абхазских и тюркских народов Республики Крым в условиях упрочения гражданского единства российской нации // «Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение адыго-абхазских и тюркских народов Северного Кавказа и Крыма в условиях упрочения гражданского единства российской нации». Экспертный доклад. Монографическое издание. Ч. 1 / Науч. ред. В. А. Тишков, отв. ред. М. А. Аствацатурова. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – С. 81–93.
2. Европа меньшинств. Меньшинства в Европе / Отв. ред. и сост. М. Е. Кавицкий, М. Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2016. – 302 с.
3. В Крыму прошло заседание Хадж-миссии России // Ислам в СНГ. URL: http://www.islamsng.com/sng/news/10796 (Дата обращения: 21.11.2018)
4. Не будет удивительным, если ДУМК явится кузницей кадров современного крымскотатарского истеблишмента // Голос Крыма. URL: http://goloskrimanew.ru/ne-budet-udivitelnyim-esli-dumk-yavitsya-kuznitsey-kadrov-sovremennogo-kryimskotatarskogo-isteblishmenta.html (Дата обращения: 21.11.2018).
5. Гросфельд Е. В., Харабуга В. В. Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Том 3 (69). – 2017. – № 2. – С. 55–64.
6. Акадыров З. Крымскотатарская инициатива. Как молодежь возрождает культуру // Эхо Москвы. URL: https://echo.msk.ru/blog/zair_akadyrov/2002672-echo/ (Дата обращения: 21.11.2018).
7. Крымские татары предлагают создать межнациональные советы в Крыму // РИА Новости. URL: https://ria.ru/society/20161031/1480394660.html (Дата обращения: 21.11.2018).
8. Баиров Э. Защищенность прав не даст взрастить экстремизм в молодежной среде // ЦРО ДУМК. URL: http://qmdi.org/zashhishhyonnost-prav-ne-dast-vzrastit-ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-esadullah-bairov/ (Дата обращения: 21.11.2018).

Grosfeld E. V., Khodosov T. N. National Cultural and Ethnic and Religious Self-Determination of the Crimean Tatars as a National and Political Interaction in the System of Civil Identification // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 110–119.

National-cultural self-determination translates ethno-cultural ideas and interests into specific organizational forms and allows them to be included in the overall process of nation-building. National and cultural self-

determination reflects the main contradiction-the contradiction between assimilation and preservation of ethnic and cultural identity. On the one hand, national and cultural self-determination ensures the preservation of ethnic and cultural identity, on the other hand, provides opportunities for the formation of positive ethnic stereotypes, legalization and optimization of ethnic interests. Thus, national-cultural self-determination is actualized in increasing the level of integration, the degree of intercultural interaction, the level of mutual tolerance of ethnic groups. In this regard, it is important to study national and cultural self-determination as a factor of strengthening the civil identity of Russian society. This study is justified by the need to neutralize the conflict-generating factors of ethnicity and the realization of the resources of national and cultural self-determination in the unity of Russians as a multi-ethnic people. The article deals with the peculiarities of functioning of confessional structures, youth organizations, national-cultural autonomies and national-cultural associations of Turkic peoples (mainly Crimean Tatars, as their number largely prevails over other Turkic peoples living in the Crimea). The content and dynamics of national-cultural and ethno-religious self-determination of Crimean Tatars in Crimea reflect the processes of post-Soviet democratization of interethnic relations and modern understanding of the content of the national issue and interethnic harmony. Positive dynamics of national-cultural and ethno-religious self-determination of ethnic communities of Crimea is carried out in favorable conditions. At the present stage in the development of the Crimean communities there are a number of undeniable achievements: the lack of separatist sentiments, the desire for security, stability, legality, the growth of patriotism, and support for the foreign policy of the President of the Russian Federation. All-round prevention of terrorism and national and religious extremism is being carried out, radical extremist ideologies are being weakened, a balance is being achieved between power management and governance through traditional historical and cultural mechanisms, which use the positive experience of good-neighborliness and mutual sympathy between peoples. At the same time, contradictions in the implementation of the reform of local self-government in the land aspect remain; the risks of the spread of radical ideologies, as well as the participation of young people in extremist and terrorist organizations banned in Russia.

Keywords: National-Cultural Self-Determination, Ethnoreligious Self-Determination, Crimean Tatars, Crimea, Civil Identification.

References:

1. Grosfel'd E. V. Nacional'no-kul'turnoe i ehtnoreligioznoe samoopredelenie adygo-abhazskih i tyurkskih narodov Respubliki Krym v usloviyah uprocheniya grazhdanskogo edinstva rossijskoj nacii [National-Cultural and Ethno-religious Self-determination of the Adyghe-Abkhaz and Turkic Peoples of the Republic of Crimea in the Conditions of Strengthening the Civil Unity of the Russian Nation]. In: «Nacional'no-kul'turnoe i ehtnoreligioznoe samoopredelenie adygo-abhazskih i tyurkskih narodov Severnogo Kavkaza i Kryma v usloviyah uprocheniya grazhdanskogo edinstva rossijskoj nacii» [National-cultural and Ethno-religious Self-determination of the Adyghe-Abkhaz and Turkic Peoples of the Republic of Crimea in the Conditions of Strengthening the Civil Unity of the Russian Nation]. Ekspertnyj doklad. Monograficheskoe izdanie. Ch. 1, ed. by V. A. Tishkov, M. A. Astvacaturova. Pyatigorsk, PSU, 2017, pp. 81–93.
2. Evropa men'shinstv. Men'shinstva v Evrope [Europe of Minorities. Minorities in Europe]. Red. by. M.E. Kavickij, M. U. Martynov. Moscow, IEHA RAN, 2016, 302 p.
3. V Krymu proshlo zasedanie Hadzh-missii Rossii [The Meeting of the Russian Hajj Mission Took Place in Crimea]. URL: http://www.islamsng.com/sng/news/10796 (Accessed: 21 November 2018)
4. Ne budet udivitel'nym, esli DUMK yavitsya kuznicej kadrov sovremennogo krymskotatarskogo isteblishmenta [It will not be Surprising if DUMK Becomes a Forge of Personnel of the Modern Crimean Establishment]. URL: http://goloskrimanew.ru/ne-budet-udivitelnyim-esli-dumk-yavitsya-kuznitsey-kadrov-sovremennogo-kryimskotatarskogo-isteblishmenta.html (Accessed: 21 November 2018)
5. Grosfel'd E. V., Harabuga V. V. Deyatel'nost' Medzhlisa krymsko-tatarskogo naroda po sozdaniyu v Krymu nacional'noj gosudarstvennosti krymskih tatar (2017 g.) [The Activity of the Mejlis of the Crimean Tatar People to Create in the Crimea the National Statehood of the Crimean Tatars (2017 year)]. Scientific notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology, 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 55–64.

6. Akadyrov Z. Krymskotatarskaya iniciativa. Kak molodezh' vozrozhdaet kul'turu [Crimean Tatar Initiative. How Youth Revives Culture]. URL: https://echo.msk.ru/blog/zair_akadyrov/2002672-echo/ (Accessed: 21 November 2018)
7. Krymskie tatary predlagayut sozdat' mezhnacional'nye sovety v Krymu [Crimean Tatars Propose to Create Interethnic Councils in Crimea]. URL: https://ria.ru/society/20161031/1480394660.html (Accessed: 21 November 2018)
8. Bairov E. Zashchishchyonnost' prav ne dast vzrastit' ehkstremizm v molodezhnoj srede [Protection of Rights will not Allow Extremism to Grow in the Youth Environment]. URL: http://qmdi.org/zashhishhyonnost-prav-ne-dast-vzrastit-ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-esadullah-bairov/ (Accessed: 21 November 2018)

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 120–132.

УДК 323.2

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПОЛИТИКА КАК КОНЦЕПТ И ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ

Кузьмин П. В.[1], Халанская Л. Г.[2]

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

[1]E-mail: pv.kuzmin@mail.ru

[2]E-mail: larazbritskaya@gmail.com

В статье рассматривается понятие «профессионализма политика», определяются его концептуальные истоки и понимание, формировавшиеся философами и политологами на протяжении всей истории политической науки, а также определяется, как профессионализм современных крымских политиков влияет на социальные отношения на полуострове. Проблему политической деятельности, в том числе различные аспекты профессионализма политика, рассматривают в своих работах мыслители прошедших эпох: Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, К. Маркс и Ф. Энгельс, М. Вебер, Дж. Локк, Т. Гоббс, А. Гольбах, В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, М. Острогорский, В. Ленин, Н. Бердяев, П. Сорокин, а также многочисленные авторы современности. Анализ работ по этой проблеме позволяет говорить следующее о свойствах профессионализма политика: профессионализм, как качество отдельного субъекта политической деятельности, обусловливается потребностями общества и носит конкретно-исторический характер; профессионализм – это интегральное качество субъекта политической деятельности; профессионализм политика моделируется содержанием и требованиями конкретного вида политической деятельности, объемом возложенных на политика задач; профессионализм политика тесно связан с духовными ценностями и ориентациями индивида; профессионализм политика не может быть статичным, раз и навсегда установленным состоянием. Он изменяется, обогащается с учетом решаемых обществом и государством задач. Процесс профессионализации политиков в Республике Крым протекает противоречиво, что связано с рядом факторов, в том числе, с влиянием недостатков прежней практики профессионального отбора политиков; с индивидуальным ресурсом социально-нравственного и профессионального развития лиц, занимающих политические должности; с отсутствием пока устойчивых традиций эффективной политической деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: профессионализм политика, концепт, Республика Крым.

Политическая деятельность относится к числу актуальных проблем на протяжении многих столетий. В современных условиях данная проблема актуализируется потребностью дальнейшего обеспечения и укрепления суверенитета страны, социальной и государственной стабильности, достойного уровня жизни людей. Одним из условий достижения этих целей является выработка и реализация политического курса, учитывающего интересы российского государства и общества в условиях тотальной глобализации мира. Это является важнейшей функцией политического руководства страны, сообщества политиков

национального и регионального уровней и требует от них высокого профессионализма, подлинного служения своему народу.

Для политиков Республики Крым проблема обеспечения профессионализма их деятельности вытекает из необходимости оптимально решать и решить сложные, нестандартные задачи во всех сферах жизни крымского общества. На первый взгляд, это обычные задачи – обеспечение населения водой, качественной медицинской помощью, строительство дорог, развитие промышленности и сельского хозяйства, превращение Крыма в привлекательный регион туризма и отдыха миллионов людей и т. д. На самом деле – такие задачи будут решаться впервые за несколько последних десятилетий развития Крыма. Их выполнение потребует не только значительных финансовых ресурсов, но и высокого профессионализма политиков, как на уровне руководства и членов правительства Крыма, депутатов Государственного Совета Крыма, так и на уровне местного самоуправления. Всестороннее рассмотрение этой проблемы и является **целью** этого небольшого исследования.

Базовые **задачи**, которые определяются для ее решения – это, во-первых, осуществление теоретического анализа понятия профессионализма политика, так как, несмотря на свою популярность в публицистическом дискурсе, говорить о концептуальной определенности этого термина достаточно сложно. Второй важной задачей, нам представляется прикладной анализ деятельности крымских политиков, осуществляемый на основе оценки рейтингов и вторичных данных социологических опросов и т. д. По нашему мнению, именно такой анализ позволит перевести абстрактно-теоретическое исследование в практическое русло и наполнить категорию профессионализма политика содержательным смыслом.

Таким образом, **объектом** исследования мы можем назвать концептуальные и прикладные аспекты политического профессионализма, а **предметом** их реализацию в крымской политической деятельности.

Начиная решение первой поставленной задачи, отметим, что проблема профессионализма в политической деятельности волновала не одно поколение мыслителей, философов и политологов разных стран. Так, Платон в диалоге «Политик», рассуждая о сущности политики, отмечал, что это искусство, требующее глубоких знаний и умений управлять людьми. «Это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы» [1, С. 57].

Другой древнегреческий мыслитель, Аристотель, в своих произведениях «Никомахова этика», «Большая этика», «Политика» освещает различные стороны деятельности и профессионализма политика. Он пишет, что основополагающим признаком этой деятельности является политичность, выражающаяся в том, что политик имеет дело с общественными интересами, властью, управлением. Его предназначение – служение обществу, поддержание в нем законности, правового порядка, социального мира [2, С. 585–586].

Особое значение Аристотель придавал моральному облику политика. В «Большой этике» он подчеркивал, что «…совершенно невозможно действовать в

общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно человеком достойным. Быть достойным человеком – значит обладать добродетелями. И тому, кто думает действовать в общественной и политической жизни, надо быть добродетельного нрава» [2, С. 296]. Нравственность политика позволяет проявиться другим значимым в политической деятельности качествам, например, способности поступать справедливо, служить общей пользе [2, С. 467].

Неотъемлемыми качествами политика, писал Аристотель, являются организованность и ответственность, способность сознательно выполнять указы, постановления, распоряжения вышестоящей власти и свои собственные [2, С. 452]. Таким образом, представления о достойном (для нас – профессиональном) политике были неразрывны с понятием высоких личных, этических качеств, которыми он должен был обладать.

Политическая тематика была главной и для Н. Макиавелли, известного, прежде всего такими трудами, как «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «О военном искусстве», «История Флоренции». К интегральным качествам государя Н. Макиавелли относил: мудрость, способность разрешать противоречия и конфликты, объединять общество, обеспечивать порядок, защищать страну. Он предлагал правителю уподобляться льву и лисе. Речь идет о сочетании баланса силы, насилия, хитрости и изворотливости. Подлинный правитель – это тот, кто умеет сочетать силу льва с изворотливостью лисы, то есть быть одновременно и сильным, и хитрым. Только в этом случае правителю удается избежать политических «капканов», «отпугнуть волков» и, в конечном счете, расправиться с врагами [4, С. 109].

Похожую логику используют и основоположники марксизма, К. Маркс и Ф. Энгельс, неоднократно обращались к проблеме качеств политика, вождя, руководителя политической партии, подчеркивали значение предрасположенности, психологической готовности к политической деятельности. Ф. Энгельс, рассматривая профессиональную партийную, идеологическую деятельность, отмечал, что идеолог и публицист партии должен обладать всесторонней образованностью, широкой эрудицией, гибким умом, твердой идейной убежденностью, партийной принципиальностью, острым политическим зрением, мужеством и стойкостью в борьбе за партийные идеалы. Лидеру должны быть присущи решительность, энергичность, готовность к риску и компромиссам [6, С. 268–285]. Рассуждая о гибкости, хитрости в политике, умении заключать выгодные соглашения, К. Маркс писал: «В политике ради известной цели можно заключать союз даже с самим чертом, – нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя» [7, С. 410–411].

Известный немецкий социолог, историк, экономист М. Вебер в своих работах проводит мысль, что политическую деятельность профессионального уровня осуществляют не рядовые граждане, для которых политика лишь одна из областей их интересов, а те, для которых политика является главным занятием, источником существования, а подчас и смыслом жизни, так как позволяет наиболее полно развить свойства личности и реализовать свои интересы. К качествам политика-профессионала М. Вебер относил страсть, чувство ответственности, глазомер.

Ученый был убежден, что важнейшим стимулом занятия политикой является страсть, «самоотдача политике … должна быть рождена и вскормлена только страстью». Однако это «нормальное» для политика качество приобретает патологический характер в случае отношения к власти как к самоцели вне его содержательного смысла, суть которого – служение делу. Именно в этой ситуации конечный результат политической деятельности может стать диаметрально противоположным желаемому [8, С. 690]. Глазомер (качество, по М. Веберу, является решающим) – это способность с внутренней собранностью и спокойствием реагировать на окружающее, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям. Политика «делается» головой. Дистанцию политик должен соблюдать не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своим собственным, чисто человеческим способностям. Политика есть мощное, медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Но холодный глазомер М. Вебер при этом ставит на первое место.

Заслуживают внимания по заявленной проблеме и взгляды на рассматриваемую проблему Ивана Александровича Ильина, с точки зрения которого, политика «есть, прежде всего, **служение**, – не “карьера”, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия». «**Истинное Политическое** служение имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но **весь народ в целом**» [9, С. 357]. И. А. Ильин отмечал, кто этого не понимает или не приемлет, тот не способен к истинной политике, тот может только извратить ее, опошлить и сделать из нее карикатуру или преступление.

Помимо названных авторов, проблему политической деятельности, в том числе различные аспекты профессионализма политика, рассматривают в своих работах мыслителей прошедших эпох – Дж. Локк, Т. Гоббс, А. Гольбах, В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, М. Острогорский, В. Ленин, Н. Бердяев, П. Сорокин и др. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть их взгляды.

В современных условиях о профессионализме политика немало написал А. С. Панарин, пишут Г. Ашин, О. Гаман-Голутвина, Е. Егорова-Гантман, В. Игнатов, Б. Капустин, С. Кара-Мурза, О. Крыштановская, Л. Никовская, В. Понеделков, А. Соловьев, А. Старостин, С. Сулакшин, Я. Пляйс, О. Шабров, Е. Шестопал и др.

Анализ литературы по рассматриваемой проблеме позволяет говорить о следующих обобщающих свойствах, раскрывающих сущность и признаки профессионализма политика:

– профессионализм, как качество отдельного субъекта политической деятельности (профессиональной группы), обусловливается потребностями общества и носит конкретно-исторический характер;

– профессионализм политика вряд ли оправдано рассматривать как одно из качеств в ряду многих других, таких как самостоятельность, целеустремленность, политическая компетентность, коммуникабельность. Профессионализм – это интегральное качество субъекта политической деятельности;

– профессионализм политика моделируется содержанием и требованиями конкретного вида политической деятельности, объемом возложенных на политика задач;

– профессионализм политика тесно связан с духовными ценностями и ориентациями индивида (что влечет человека в профессиональную политическую деятельность, ради чего он решил ею заниматься). Духовность, нравственный потенциал являются внутренними движителями устремленности к профессии политика, развития и реализации профессионализма на практике, т. е. профессионализм выступает как своеобразный социокультурный феномен;

– профессионализм политика (профессиональной группы) не может быть статичным, раз и навсегда установленным состоянием. Он изменяется, обогащается с учетом решаемых обществом и государством задач.

Таким образом, профессионализм политика – это высокая степень совершенства индивида в политической деятельности, обусловленная совокупностью личностных и деловых качеств, позволяющая выполнять свои функции на уровне высоких образцов, сложившихся в политике к настоящему времени. В нем можно выделить две стороны: праксиологическую и ментальную. Первая характеризует степень готовности субъекта к политической деятельности, а также способ взаимодействия субъекта с объектом и предметом труда. Это совокупность знаний, навыков, умений, а также стиль профессионального мышления и компетентность в своей деятельности. Ментальная сторона выступает обобщающей характеристикой сознания и самосознания субъекта политики, нравственно-мировоззренческих и волевых качеств политика. Выделяя в профессионализме политика ментальную сторону, можно исходить из тезиса, что обеспечение эффективной политической деятельности зависит не только от знаний, умений, способностей политика, но и от степени ответственности политика к выполнению своих профессиональных обязанностей. Только взаимосвязь указанных двух сторон профессионализма может обеспечить успех деятельности политика.

Анализ проблемы применительно к Крыму требует подчеркнуть, что перед политиками стоят масштабные и одновременно новые задачи в развитии агропромышленного и животноводческого комплекса, курортов и туризма, здравоохранения, образования, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, земельных отношений. Важно сохранить социальный мир и общественное спокойствие, развитие культуры всех этносов Крыма, толерантность конфессий. Необходимо завершить реальную интеграцию крымского общества в правовое, экономическое, социокультурное поле Российской Федерации, исключить коррупцию. Предстоит освоить значительные финансовые ресурсы, отпускаемые федеральным бюджетом на развитие всех сфер Крыма. Так, на период до 2020 года в федеральном бюджете заложено 708 млрд. рублей [11].

Анализ содержания этих задач позволяет говорить, что их решение требует от политиков, с одной стороны, незаурядных управленческих способностей, а с другой – высокого социально-нравственного развития, готовности работать на благо крымского общества. Ответственность, инициатива, новаторство, трудолюбие –

сегодня как никогда должны быть свойственны участникам политической жизни. Следует отметить такое качество как способность к проектированию долгосрочных задач и конкретных профессиональных действий по решению этих задач. Правомерен тезис, что политики, не способные на проектирование, обречены на неэффективную деятельность.

Все большее значение приобретает нравственность политика, его совесть. Изучение проблемы показывает, что в общественном сознании крымчан присутствует представление о том, что текущие трудности в здравоохранении, земельных отношениях, жилищно-коммунальном хозяйстве, дорожном строительстве, а также в деятельности правоохранительных органов и налоговой службы связаны не только с профессионализмом, но и с нравственным обликом политиков и подчиненных им чиновников. Речь идет о нечестности, склонности к обману, воровству, мошенничеству, коррупции. Значительная часть населения поддерживает идею нравственности, честности политиков и чиновников как единственно возможного средства подлинного обновления общества и наведения в нем достойного порядка.

Доказательством этого служат результаты различных социологических опросов, проводившихся в Крыму с момента «крымской весны». Например, опрос содружества «Открытое мнение», реализованный в июне 2016 года показал, что в первую десятку социальных проблем, которые крымчане считали важными для себя и своей семьи в тот период, вошли такие пункты как «плохая работа и произвол чиновников», а также «коррупция» [12]. Каждый из этих пунктов набрал по 51% и 49% процентов соответственно, заняв 7-ю и 8-ю строчки этого рейтинга. Эти результаты показали, что порядка половины крымских жителей считали эти проблемы действительно важными, и ставили их в один ряд с проблемами, которые можно считать на порядок более близкими и насущными, такими как «низкие пенсии», «низкий уровень медицинских услуг» и т. п. [12].

На момент 2018 года отношение крымчан не изменилось. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), основными проблемами, которые волновали крымчан в начале года, являлись отсутствие повышения зарплат и пенсий (13%), сокращения и уменьшение количества рабочих мест (12%), а также здравоохранение (7%) и многие другие. Кроме того, 32% крымчан ответили, что уровень коррупции в регионе повысился или как был, так и остался высоким. Хотя при этом 47% заявили, что С. Аксенов принимает реальные меры для борьбы с ней, 32%, сказали, что эти меры точечные, и только 7% считали, что республиканская власть не борется с коррупцией вообще [13].

Проводившиеся социологические опросы показали, что, несмотря на отмеченные выше проблемы, подавляющее большинство крымчан поддерживали и поддерживают своих политиков и процессы, протекающие в Крыму. Так, согласно данным, полученным ВЦИОМ, число крымчан «вполне» и «скорее довольных» положением дел в Республике Крым варьировалась с 81% в июне 2014 года до 82% в январе 2018-го. Более того, 88% опрошенных, в целом, довольны своей жизнью. Эта цифра является максимальной за последние три года [13].

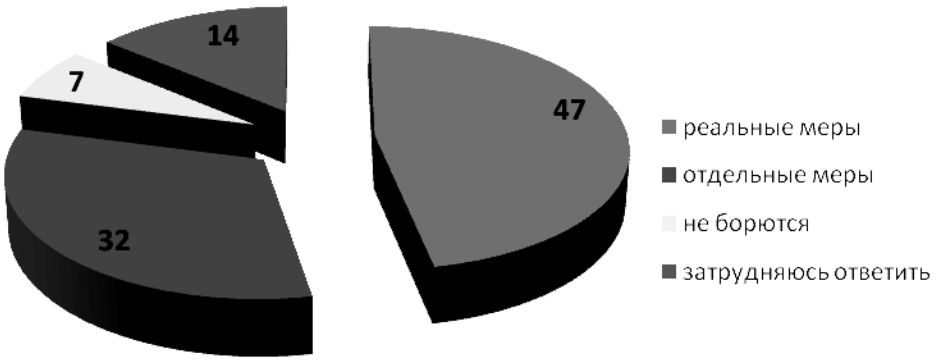


Рис. 1. Ответ на вопрос: «Как Вы считаете, глава Республики СергейАксенов, органы власти Республики борются с коррупцией или нет?»

Очевидно, что выявленные показатели отличаются устойчивостью и подавляющим доминированием над другими оценками. Подтверждаются они и оценкой со стороны крымчан работы главы Республики С. Аксенова. О том, что глава республики должен остаться на своей должности заявили в январе 2018 года 76% опрошенных, и 73% крымчан отметили, что он хорошо справляется со своими обязанностями [13].

Рис.2. Ответ на вопрос «Сергей Аксенов работает главой Республики уже почти 4 года. Если оценивать все направления его деятельности, то, как Вы считаете, как он работает, справляется со своими обязанностями: хорошо или плохо?»

Интересно, что этот показатель всего на один процент уступает такому же в 2016 году. А согласно данным Регионального института политических коммуникаций (РИПК) в завершении 2016 года С. Аксенов шестой раз занял первое место в рейтинге влиятельности крымских политиков, набрав 93 балла и обойдя таким образом В. Константинова, В. Устинова, С. Цекова, Д. Полонского и многих других [14].

При этом, значительный разрыв между занявшими первые и последние позиции рейтинга РИПК позволяет говорить о том, что отношение к различным персоналиям крымского политикума очень разное, так как идеальный образ политика и его современное воплощение также имеют различия. Кроме того, требования к политикам республиканского и муниципального уровней и реальная деятельность политиков – расходятся, причем как в реальной деятельности, так и в оценках людей. Еще один опрос ВЦИОМ 2016 года показал, что крымчане разделяли деятельность республиканской и своей местной власти, 60% из них ответили, что республиканская власть скорее помогает властям города/района решать местные проблемы [15]. А среди проблем, выделявшихся опрошенными в 2018 году, была и «ситуация в городе/регионе: нет борьбы с бюрократией и сложное оформление документов» [13].

При этом, как показывают события последних лет, ряд политиков ориентируются в профессиональной деятельности на личный и корпоративный интерес. В достижении успеха – опираются на финансовый и административный, а не на личностный ресурс. Стоит отметить, что корни такого отношения уходят еще в «украинское прошлое» крымского политикума, в котором часто было нормой реализовывать свои коммерческие интересы через управленческие ресурсы. В итоге, сейчас люди видят рассогласование между задачами, которые призваны решать политики и их управленческими способностями. Некоторые из них, оказавшись на политических должностях, проявили недостаточные, а в отдельных случаях, низкие управленческие способности, извращенный нравственный облик и, в конечном счете, не смогли эффективно работать в новых условиях.

Изучение рассматриваемой проблематики свидетельствует также о том, что ряду политиков представительной и исполнительной ветвей власти не хватает инициативности, новаторства и элементарного профессионализма. Не случайно Председатель Правительства России Д. Медведев, находясь в Крыму, отметил, что задача федерального правительства не просто «заливать» Крым деньгами, а в том, чтобы развивать собственные источники роста. Ведь строить можно по-разному. Можно применять старые, убитые технологии, создавать видимость изменений, заниматься, в конечном счете, самообогащением и т. п. Представляется, что такое отношение к делу крымчане не простят политику [16].

Анализ рассматриваемой проблемы позволяет говорить, что на возникновение проблем и противоречий в политической деятельности в Крыму влияют разные факторы. Во-первых, процесс рекрутирования в политику происходит в обществе, которое почти четверть века находилось в иной социально-экономической и политической системе и переживало деградацию ценностного поля во всех сферах жизнедеятельности. В том числе, в политико-управленческой, главной целью

которой долгий период было вхождение в «партию власти» и нахождение связей в киевском «центре», а не отстаивание своих, и, тем более, социальных интересов. В итоге, сложилась традиция – путь человека в политику определялся богатством, хитростью, удачей, личной преданностью вышестоящему политику, родственными связями. Эта традиция не могла способствовать селекции подлинных политиков, отбору на политические должности лучших. К сожалению, эта традиция сохраняется в известной степени и сегодня. Она способствует тому, что процесс профессионализации, вошедших в политику людей, проходит противоречиво, ограниченно.

Как известно, спецификой профессии политика является то, что это – вторая профессия, к ней не готовят в ВУЗах, она начинается с назначения или избрания человека на политическую должность. До этого человек проходит подготовку по определенному профессиональному направлению, приобретает как профессиональный, так и жизненный опыт, «впитывает» господствующие в общественной среде ценности и нормы. Как показывает сегодняшняя практика, полученный опыт, в особенности его нравственный аспект, содержит серьезные изъяны. С ними человек входит в профессию политика, для которой эти изъяны в идеале недопустимы. Возникает противоречие между требованиями профессии политика к социально-нравственным и деловым качествам и реальной сформированностью этих качеств у вступающего в новую для себя профессию человека.

Во-вторых, контроль политических партий за процессом отбора кандидатов в выборные политические институты или на должности в системе исполнительной власти несовершенен. Требования со стороны партии сводятся преимущественно к тому, умеет ли кандидат публично выступать, доказал ли он свою лояльность партии и ее лидеру. Морально-нравственная составляющая личности будущего политика (которую, конечно, изучить сложнее), управленческие способности нередко остаются вне внимания руководства партии.

В-третьих, влияние гражданского общества на процесс рекрутирования и профессионализации политиков в настоящее время является малоэффективным, механизм такого влияния пока не выработан. Во многом, это приводит к ограниченной ротации политических кадров, которые, даже в результате таких радикальных преобразований политической системы как смена государственности, обновились не более чем наполовину. Легко проследить, что многие из тех, кто представлял украинские партии в органах крымской власти, теперь работают там же, но в рамках российских политических сил.

В-пятых, роль политической науки как средства исследования политической деятельности и «врачевания» политиков принижена, рекомендации ученых игнорируются. Зачастую политические лидеры считают себя выше мнения ученых. Это выражается во многих аспектах политической деятельности, начиная от разграничения мероприятий политических и научно-экспертных, и заканчивая спецификой проведения экспертных опросов и рейтингов, значительную часть которых составляют мнения не ученых, а политиков, которые таким образом оценивают сами себя.

Указанные причины, на наш взгляд, способствуют тому, что в профессиональной группе политиков Крыма оказываются люди, не предрасположенные к политической деятельности, имеющие, как показывает практика, явное рассогласование социально-нравственных, с одной стороны, и профессиональных (деловых) качеств, с другой. Процесс профессионализации этой части политиков протекает болезненно, его временные рамки увеличиваются. Общественная польза таких политиков не велика. Напротив, порой они наносят ущерб обществу и делу, которому призваны служить. Немалая часть вошедших во власть – и политиков, и чиновников – рассматривают занимаемые должности как источник обогащения, а не служения обществу; отдают предпочтение имитации функциональных обязанностей; публично демонстрируют аморальное поведение.

Некоторые политики и чиновники были уличены во взяточничестве и коррупции. Так, за период 2014–2017 гг. в Крыму было возбуждено более 300 уголовных дел с коррупционной составляющей, 200 чиновников находилось под следствием. От занимаемых постов были освобождены 79 чиновников, в том числе, из высших эшелонов власти [17]. За этот же период по различным мотивам и основаниям ушли в отставку подавляющее большинство мэров городов и поселков Крыма, некоторые из них были осуждены. К сожалению, тенденция низкой ответственности ряда политиков, управленческой бюрократии республиканского и муниципального уровней, предрасположенность их к коррупционным действиям, неготовность честно служить крымскому обществу сохраняется. Примерно каждые полгода в печати и электронных СМИ появляется информация, подтверждающая этот вывод [18].

Изложенное позволяет говорить о том, что в Крыму имеет место дефицит кадров политиков, что общественная система Крыма испытывает потребность в управленцах нового поколения, сочетающих профессиональную компетентность и политическую культуру, культуру гражданскую и культуру нравственную.

Таким образом, профессионализм, как в прошлом, так и сегодня, является одним из интегральных свойств субъекта политической деятельности. Это – сложная система профессиональных умений, навыков и обслуживающих их знаний, органично связанная с профессиональным самосознанием политика и позволяющая ему систематически эффективно осуществлять возложенные на него должностные обязанности. Процесс профессионализации политиков в Республике Крым протекает противоречиво, что связано с рядом факторов, в том числе, с влиянием недостатков прежней практики профессионального отбора политиков; с индивидуальным ресурсом социально-нравственного и профессионального развития лиц, занимающих политические должности; с отсутствием пока устойчивых традиций эффективной политической деятельности в современных условиях.

Разрешению противоречий процесса профессионализации политиков может способствовать: учет в ходе избирательного процесса, а также при назначении на политическую должность как профессиональной предрасположенности, так и социально-нравственного развития личности; совершенствование пропорциональной избирательной системы – применение усиление влияния структур гражданского общества на процесс выдвижения индивидов на

политические должности; освобождение от занимаемых должностей политиков, скомпрометировавших себя и законодательное запрещение таким лицам занимать в последующем политические должности; создание Крымского центра по подготовке, переподготовке и повышению квалификации политико-управленческих кадров, акцентируя внимание в учебном процессе на правовую и государственно-управленческую подготовку, а также ценностно-смысловой аспект политической деятельности. Важно, чтобы система повышения квалификации руководителей и специалистов носила перспективный характер.

Список литературы

1. Платон. Политик // Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1972. – С. 9–82.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 375–644.
3. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С.295–374.
4. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 576 с.
5. 106 философов. Жизнь. Судьба. Учение. В 2 т. Т. 2. / Сост. П. С. Таранов. – Симферополь: Таврия, 1995. – 512 с.
6. Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения: в 50 т. Т. 4. / 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – С. 268–285.
7. Маркс К. Кошут, Мадзини, и Луи Наполеон // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения: в 50 т. Т. 8. / 2-е изд. – М.: Политиздат, 1957. – С. 410– 411.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
9. Ильин И. А. О политическом успехе // И. А. Ильин. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 354–362.
10. Ильин И. А. О государстве // И. А. Ильин. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 257–270.
11. За 5 лет Россия потратит на развитие Крыма более 708 миллиардов рублей. URL: http://www.chelnyltd.ru/pro_dengi/za_5_let_rossiya_potratit_na_razvitie_krima_bolee_708_milliardov_rubley?lang=ru%3E (Дата обращения: 07.08.2015)
12. Авдеенко Н. Вошли в Россию, но не слились с ней. URL: http://primechaniya.ru/home/news/iyul_2016/opros_krymchan/ (Дата обращения: 25.07.2017)
13. Крым: общественно-политическая ситуация накануне выборов президента [Социологический опрос]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8950 (Дата обращения: 21.05.2018)
14. Сергей Аксенов – самый влиятельный политик Крыма по итогам 2016 года. URL: http://crimeapress.info/sergey-aksyonov-samyiy-vliyatelnyiy-politik-kryima-po-itogam-2016-goda/#hcq=lmtsOrq (Дата обращения: 25.07.2017)
15. Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией [Социологический опрос]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782 (Дата обращения: 25.04.2018)
16. Каратаева И. Дмитрий Медведев: задача федерального правительства не просто «заливать» Крым деньгами. URL: https://slavasev.ru/2015/04/29/dmitriy-medvedev-zadacha-pravitelstva-ne-prosto-zalivat-krym-federalnymi-dengami/ (Дата обращения: 29.04.2017)
17. Крым. Коррупционный сезон круглый год. URL: https://pasmi.ru/archive/183142/ (Дата обращения: 21.05.2018)
18. Крымским чиновникам пора забыть об «украинских» методах: мнение. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/20/krymskim-chinovnikam-pora-zabyt-ob-ukrainskih-metodah-mnenie (Дата обращения: 20.02.2018)

Kuzmin P. V., Khalanskaya L. G. Professionalism of the Politician as the Theoretical Concept and Factor of Social Transformations in the Modern Crimea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 120–132.

The article considers the concept of "professionalism of a politician", defines its conceptual origins and understanding, formed by philosophers and political scientists throughout the history of political science, and also determines how the professionalism of contemporary Crimean politicians affects social relations on the peninsula. The problem of political activity, including various aspects of the professionalism of politics, is considered in his works by thinkers of the past epochs: Plato, Aristotle, N. Machiavelli, K. Marx and F. Engels, M. Weber, J. Locke, T. Hobbes, A. Holbach, V. Pareto, G. Mosca, R. Michels, M. Ostrogorsky, V. Lenin, N. Berdyaev, P. Sorokin, as well as numerous contemporary authors. The analysis of works on this problem allows us to talk about the characteristics of professionalism of the politician: professionalism as the quality of an individual subject of political activity is conditioned by the needs of society and has a concrete historical character; professionalism is the integral quality of the subject of political activity; the professionalism of politics is modeled by the content and requirements of a particular type of political activity, the volume of tasks assigned to politics; professionalism of politics is closely connected with the spiritual values and orientations of the individual; the professionalism of politics can not be static, once and for all established by the state. It changes, is enriched taking into account the tasks to be solved by society and the state. In general, professionalism is a complex system of professional skills, skills and knowledge that serves them, organically connected with the professional self-awareness of politics and allowing it to systematically perform the duties assigned to it. The process of professionalization of politicians in the Republic of Crimea is contradictory, which is connected with a number of factors, including the influence of shortcomings in the former practice of professional selection of politicians; with an individual resource for the social, moral and professional development of persons holding political office; with the absence for the time being of stable traditions of effective political activity in modern conditions.

Keywords: Professionalism of the Politician, the Concept, Republic of Crimea.

References:

1. Platon. Politik [Politician]. Platon. Sochineniya [Works] in 3 vol. Vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1972, pp. 9–82.
2. Aristotel'. Politika [Politics]. Aristotel'. Sochineniya [Works] in 4 vol. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 375–644.
3. Aristotel'. Bol'shaya ehtika [Big ethics]. Aristotel'. Sochineniya [Works] in 4 vol. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 295–374.
4. Makiavelli N. Gosudar' [Sovereign]. Rassuzhdeniya o pervoj dekade Tita Liviya [Discourses on the First Decade of Titus Livya]. Rostov-on Don, Feniks, 1998, 576 p.
5. 106 filosofov. Zhizn'. Sud'ba. Uchenie [106 Philosophers. A Life. A Fate. A Teaching]. In 2 vol. Vol. 2. Simferopol', Tavriya, 1995, 512 p.
6. Ehngel's F. Kommunisty i Karl Gejncen [The Communists and Karl Heinzen], K. Marks, F. Ehngel's Sochineniya [Works] in 50 vol. Vol. 4, 2-nd ed. Moscow, Politizdat, 1955, pp. 268–285.
7. Marks K. Koshut, Madzini, i Lui Napoleon. K. Marks, F. Ehngel's Sochineniya [Works] in 50 vol. Vol. 8, 2-nd ed. Moscow, Politizdat, 1957, pp. 410– 411.
8. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation and Profession]. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 644–706.
9. Il'in I. A. O politicheskom uspekhe [On Political Success]. Put' k ochevidnosti [The Path to the Obvious]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 354–362.
10. Il'in I. A. O gosudarstve [About the State]. Put' k ochevidnosti [The Path to the Obvious]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 257–270.
11. Za 5 let Rossiya potratit na razvitie Kryma bolee 708 milliardov rublei [For 5 Years, Russia will Spend More Than 708 Billion Rubles on the Development of the Crimea]. URL: http://www.chelnyltd.ru/pro_dengi/za_5_let_rossiya_potratit_na_razvitie_krima_bolee_708_milliardov_rubley?lang=en%3E (Accessed: 07 August 2015)

12. Avdeenko N. Voshli v Rossiyu, no ne slilis' s nei [We Entered Russia, but did not Merge with It]. URL: http://primechaniya.ru/home/news/iyul_2016/opros_krymchan/ (Accessed: 25 July 2017)
13. Krym: obshchestvenno-politicheskaya situatsiya nakanune vyborov prezidenta [Crimea: Socio-Political Situation on the Eve of Presidential Elections] [Sociologicheskii opros]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8950 (Accessed: 21 May 2018)
14. Sergei Aksenov – samyi vliyatel'nyi politik Kryma po itogam 2016 goda [Sergei Aksyonov – the Most Influential Politician in Crimea in 2016]. URL: http://crimeapress.info/sergey-aksyonov-samyiy-vliyatelnyiy-politik-kryima-po-itogam-2016-goda/#hcq=lmtsOrq (Accessed: 25 July 2017)
15. Krym i Sevastopol': o zhizni posle vossoedineniya s Rossiei [Crimea and Sevastopol: About Life After Reunification with Russia] [Sociologicheskii opros]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782 (Accessed: 25 April 2018)
16. Karataeva I. Dmitrii Medvedev: zadacha federal'nogo pravitel'stva ne prosto «zalivat'» Krym den'gami [Dmitry Medvedev: the Task of the Federal Government is not Just to "Flood" the Crimea with Money]. URL: https://slavasev.ru/2015/04/29/dmitriy-medvedev-zadacha-pravitelstva-ne-prosto-zalivat-krym-federalnymi-dengami/ (Accessed: 29 April 2017)
17. Krym. Korruptsionnyi sezon kruglyi god [The Crimea. Corruption Season All Year Round]. URL: https://pasmi.ru/archive/183142/ (Accessed: 21 May 2018)
18. Krymskim chinovnikam pora zabyt' ob «ukrainskikh» metodakh: mnenie [Crimean Officials should Forget about "Ukrainian" Methods: Opinion]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/20/krymskim-chinovnikam-pora-zabyt-ob-ukrainskih-metodah-mnenie (Accessed: 20 February 2018).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 133–143.

УДК 327

ИМИДЖ УКРАИНЫ В НОВЫХ МЕДИА США: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ 2008-2015 ГГ.

Марецкая Н. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: maretska.n@gmail.com

В статье рассматривается процесс формирования имиджа Украины посредством новых медиа США. Определены 6 основных факторов, которые оказывают влияние на имидж исследуемой страны, а именно: политический, экономический, культурный, спортивный, социальный и экологический. Выявлено, что за весь исследуемый период большинство упомянутых факторов оказывают негативное воздействие на имидж Украины (54% из всех исследованных материалов). Так Украина предстает как страна неполных реформ и нереализованных потенциалов, с коррумпированной государственной системой. Военный конфликт, рост уровня национализма также усугубляет имидж исследуемой страны. Анализируя факторы, которые оказывают положительное воздействие на имидж Украины можно отметить культурный и политический, в меньшей степени оказывают влияние экономический и спортивный факторы. Чемпионат Европы по футболу «Евро-12» имеет долгоиграющий эффект и оказывает существенное влияние на процесс формирования внешнеполитического имиджа Украины. Полученные результаты свидетельствуют о том, что США проявляют достаточный интерес к внутри и внешнеполитическим процессам, происходящими на Украине. В случае Украины, стоит отметить, что она является ретранслятором «мягкой силы» Соединенных Штатов Америки, поскольку ретранслирует западные смыслы и ценности.

Ключевые слова: имидж Украины, новые медиа, США, Евро-12.

С развитием информационных технологий вопрос о формировании аттрактивного имиджа государства становится все более актуальным и в то же время более сложным в свете предоставления новых возможностей по его конструированию. Теперь не только государство формирует собственный имидж, но и другие субъекты международных отношений оказывают на данный процесс существенное влияние не только с помощью «жесткой силы», но и «мягкой». «Мягкая сила» и новые медиа взаимосвязаны, не только из-за того, что оба феномена являются продуктом либерально-демократической концепции и информационной революции, но и потому, что новые медиа являются средством для реализации «мягкой силы». К. С. Гаджиев утверждает, что одним из инструментов реализации «мягкой силы» во внешней политике является имидж государства. В отношении целей имиджа государства он говорит следующее: «Для внутреннего пользования имидж служит средством политической мобилизации, идейного, психологического единения и сплочения нации, укрепления или смены

базовых социальных ценностей и т. д. Вовне главное его предназначение состоит в обеспечении легитимности внешней политики государства в глазах как своих граждан, так и мирового сообщества» [1, С. 39].

Изучение имиджа государства является достаточно важным, в частности, политолог-модернист Розенау Дж. считал важным изучение имиджа для того, чтобы понять и объяснить внешнеполитические действия государства [2]. Приверженцы конструктивистского подхода Киселев И. Ю. и Смирнова А. Г. полагают, что имидж государства это инструмент, посредством которого политические акторы познают других участников международных отношений проводя сравнение национальных идентичностей, статусных и ролевых компонентов своего государства и другого [3]. Так, конструирование имиджа государства сводится к понятию «образа врага». И. Ю. Киселев и А. Г. Смирнова, являясь представителями концепции «Я-государство», считают, что идентичность играет немаловажную роль в процессе формирования образа государства.

В свою очередь, К. О. Перцовская дает следующее определение образа страны с точки зрения психологии: «это совокупность установок и стереотипов в отношении политической системы страны, психологических черт и обычаев проживающего в ней народа, а также положения государства как полноправного участника международного взаимодействия. Отдельным компонентом образа страны является характеристика субъекта представления – его система ценностей, через призму которой он формирует образ другой страны» [4, С. 195].

Очевидно, что сильные субъекты международной политики способны оказывать набольшее воздействие на процесс формирования имиджа государства. В контексте данного исследования, Соединенные Штаты Америки являются одними из самых влиятельных игроков на международной политической арене и, соответственно, способны оказывать наибольшую степень воздействия на имидж государства. В случае Украины, как страны, ретранслирующей демократические западные смыслы (в частности, конструируемые США), ее имидж отражает и формирует США, Россия и страны ЕС. Однако, в данной статье мы остановимся на рассмотрении имиджа Украины, в отраженного в период 2008-2015 гг. В новых медиа США.

Целью статьи является анализ новых медиа США на предмет выявления факторов, которые оказывают влияние на имидж Украины.

Объектом исследования выступает новые медиа США, а предметом – отражение имиджа Украины в новых медиа США.

Контент-анализ упоминания имиджа Украины в Интернет-пространстве США проведен при помощи поисковой системы «Google». Выбор обусловлен тем, что данная система была создана в США, и является наиболее популярной для западных стран в отличии от поисковой системы Яндекс (которая является более популярной в Российской Федерации). Однако, для того, чтобы данные были сопоставимы, используется поисковая система «Google» для всех исследуемых стран.

Выбор США обусловлен тем, что после распада СССР они долгое время были сверхдержавой и оказывали существенное влияние на восточноевропейские страны

с целью разделения и создания геополитического барьера между данными странами и Россией.

Кратко описывая процедуру исследования стоит сказать, что при помощи расширенного поиска в системе Google проведен конетент-анализ упоминания ключевых слов на английском: «Ukraine», «Image of Ukraine». Временной промежуток исследования составляет с 01.01.2008 по 31.12.2015 годы включительно. Сгруппированы 6 факторов, которые оказывают влияние на имидж Украины: социальный, политический, экономический, спортивный, культурный и экологический. Оценка внешнеполитического имиджа Украины была разделена на 3 группы исходя из риторики: положительная, нейтральная и отрицательная.

В ходе описания результатов исследования англоязычных материалов был осуществлен авторский перевод найденных цитат.

Всего за исследуемый период с 2008 по 2015 гг. по запросу «Image of Ukraine» было найдено 114 материалов, из них в 2015 г. – 31, 2014 г. – 19, 2013 г. – 13, 2012 г. – 20, 2011 г. – 13, 2010 г. – 5, 2009 г. – 10, 2008 г. – 4.

В это же время, упоминание Украины в каждый исследуемый год составляет ориентировочно следующее количество: в 2015 г. – 21900000, 2014 г. – 14300000, 2013 г. – 6880000, 2012 г. – 4810000, 2011 г. – 4820000, 2010 г. – 3380000, 2009 г. – 2500000, 2008 г. – 2090000.

За 2008 г. было найдено 4 материала, из них 3 отрицательных и 1 положительный.

Положительные упоминания касались экономических показателей в контексте проведения Евро-12, в частности о том, что возможность проведения футбольного чемпионата в Украине будет способствовать изменениям в бизнес-среде страны путем снижения административных барьеров и улучшения инвестиционного климата.

В негативном контексте упоминаются политические и социальные проблемы: акции «Femen», секс-туризм: «Сегодня в Майдане (самом центре Киева) произошел очень трогательный протест, в котором собрались члены FEMEN (организация студенческих девушек), чтобы продемонстрировать свой гнев против широко распространенного имиджа Украины как публичного дома и невесты Европы» [5]. Внутренние политические споры не способствовали формированию положительного имиджа Украины в ЕС.

Помимо этого, спортивные скандалы также оказывают негативное влияние на имидж Украины: «Олимпийская чемпионка Стелла Захарова рассказала свою позицию в отношении конфликта с Федерацией гимнастики Украины» [6].

За 2009 г. всего было найдено 10 материалов, из них: 6 положительных и 4 отрицательных.

Так, положительное влияние на имидж Украины оказал политический фактор связанный с тем, что образ Тимошенко Ю. В. усовершенствовал очень женственный, изысканный, стильный, и уверенный образ женщин Украины во всем мире. Кроме этого, в положительном контексте упоминаются основные задачи, которые ставит перед собой организация «Femen»: «Реагировать и влиять на острые социальные проблемы украинского общества, особенно те, которые напрямую

затрагивают интересы украинских женщин. Активно противодействовать негативным тенденциям, угрожающим физическому и психическому здоровью украинского женского сообщества. Информировать общество о проблемах украинских женщин. Развивать лидерские, интеллектуальные и моральные качества молодых женщин в Украине. Построить имидж Украины, страны с большими возможностями для женщин» [7].

Культурные факторы сводились к тому, что UFA спонсирует и организует мероприятия, популяризирующие украинское искусство и способствующие культурному обмену между украинцами и мировым сообществом.

Отрицательно на имидж Украины, по мнению интернет-пользователей, влияют следующие политические события: политический кризис, информационная война Украины с Российской Федерацией: «Образ Украины как врага, находящегося в глубоком кризисе и хуже, чем Россия, побуждают российские СМИ убеждать граждан в том, что нет лучшей альтернативы их собственному режиму» [8]. Экономические негативные факторы сводились к незаконным поставкам оружия.

За 2010 год было найдено 5 материалов, из них 4 положительных и 1 отрицательный.

Положительные упоминания политического фактора сводились к развитию украинской судебной системы. Культурный фактор оказал положительное влияние посредством возведения памятника жертвам голодомора и форума, посвящённого привлекательности украинских женщин.

В негативном контексте упоминаются только политические проблемы, в частности коррупция и отсутствие реформ: «Мы должны уничтожить имидж Украины как страны неполных реформ и нереализованных потенциалов» [9].

За 2011 г. было найдено 13 материалов, из них 10 положительных, 2 нейтральных и 1 отрицательный.

Большинство положительных упоминаний связаны с культурным фактором, суть которого сводится к популяризации украинской культуры посредством музыки, выпуска журнала про украинскую культуру на английском языке, украинскому кинофестивалю «Говерла», образованию за рубежом, прошедшему официальному заседанию консульства со студентами, которое укрепит имидж Украины в Чикаго.

Экономический фактор в положительном ключе упоминается в контексте развития туризма и улучшения инвестиционного климата. Причем, положительные экономические тенденции упоминается в связке с проведением чемпионата Европы по футболу.

Евро-12 является основным упоминаемым спортивным фактором: «Это дает больше, чем места, отели и аэропорты. Это помогает поддерживать во всем мире образ Украины как страны, которая готова принять спортивные соревнования высокого класса» [10].

Нейтрально упоминаются экономические и политические факторы, которые сводятся к созданию благоприятных условий для расширения иностранных инвестиций в украинскую экономику. МИД должен активизировать свои усилия, направленные на формирование привлекательного инвестиционного имиджа

Украины и ее регионов. Констатируется незначительное влияние кинофестиваля на имидж исследуемого государства.

Негативное воздействие на имидж Украины оказывают акции, проводимые организацией «Femen».

За 2012 г. найдено 20 материалов, из них: 7 положительных, 1 нейтральное, 12 отрицательных.

В 2012 г. среди основных политических событий положительное влияние на имидж Украины оказывает деятельность «Femen», одной из задач которой является борьба с секс-туризмом. Помимо этого упоминаются украино-американские отношения, которые находят свое выражение в совместных мероприятиях. Из спортивных мероприятий упоминается марафон, цель которого «продвигать атлетику, для популяризации здорового образа жизни, развивать выносливость и бег и улучшать имидж Украины как спортивного государства» [11].

Нейтральное высказывание касалось культуры, в исследуемом материале идет речь о том, что цель творчества Шевченко Т. Г. состояла в том, чтобы донести свои идеи до российской общественности и дать им образ Украины, отличный от России.

Отрицательное влияние оказывает экономический фактор. Найдены следующие ключевые слова, имеющие негативную коннотацию: туризм, газовый конфликт, сельское хозяйство: «Со временем возможности сельского хозяйства Украины, скорее всего, восстановятся. Но восстановится ли легендарный сельскохозяйственный имидж Украины вместе с ним?» [12]. Из социальных проблем, которые оказывают негативное влияния перечисляются: проведение экспериментов на собаках и других животных, ужасные условия содержание животных, секс-туризм. Политика и спорт тесно переплетаются в преддверии Евро-12 и оказывают негативное влияние на имидж Украины: акции «Femen» против секс-туризма, Евро-12. Политическая нестабильность также вносит свой вклад в формирование негативного имиджа Украины.

За 2013 г. найдено 13 материалов, из них 6 – положительных, 1 нейтральный, 6 отрицательных.

В 2013 г. тезис о желании Украины быть политически независимой от России подается американскими новыми медиа как положительный политический фактор. Экономические показатели сводятся к развитию туризма и сельского хозяйства. А культурные факторы нашли положительное выражение в разработкам украинских ученых в сфере технологий и проведении культурных мероприятий, в частности Дней украинской культуры в Лондоне. Из спортивных мероприятий положительное эффект как обычно оказал прошедший Чемпионат Европы по футболу.

Из найденных материалов, нейтрально констатируется информация о том, что член группы «Femen» Ханова И. отправилась топлес в Музей Нойса в Берлине.

Из факторов, которые оказывают отрицательное влияние на имидж Украины найдены политический, социальный и спортивный. Политические проблемы касаются дела Тимошенко Ю. В., роста национализма и акций проводимых Femen, также Украина обвиняется в шпионской деятельности. Социальные проблемы касаются секс-туризма в Украине.

Спортивный фактор упоминается в негативном ключе в привязке к акциям, проводимым организацией «Femen», когда активистки пытались украсть трофей Евро-2012 и заявили, что данной акцией хотят привлечь внимание к проституции.

За 2014 г. найдено 19 материалов, из них: 10 положительных, 1 нейтральный, 8 отрицательных.

Из политических факторов, оказывающих положительное влияние на имидж Украины упоминаются деятельность организации «United Help Ukraine» из США, а также деятельность некоммерческой организации «European Youth Parliament – Ukrain» в оказании помощи протестным действиям в Украине против якобы российского вторжения.

Из культурных событий упоминаются такие мероприятия как Ukrainian Fashion Week, Евровидение, вручение премии «Динь», ведутся разработки в сфере IT. Помимо этого, украинское радио начинает вещание на русском языке в Украине и России.

Положительное влияние экономического фактора находит свое выражение в положительной характеристике сельского хозяйства, основанного на плодородности украинской земли.

Нейтрально упоминается выставка украинских художников, посвященная постсоветской социальной среде.

Отрицательное влияние на имидж Украины оказывают следующие политические факты: политический кризис, отсутствие реформ, идеологический раскол страны, и конечно же рост русофобии и национализма, который находит свое выражение в упоминаниях Бандеры С. А., СС «Галичина», ОУН-УПА.

Из негативно повлиявших на имидж Украины экономических факторов упоминается прекращение авиасообщения между Крымом и Киевом.

За 2015 г. найдено 31 материал, из них: 13 положительных, 2 нейтральных, 16 отрицательных.

Положительное влияние оказывает экономический фактор посредством показателей в сфере туризма и сельского хозяйства.

Кроме этого, формированию атрактивного имиджа способствует культурный фактор, который находит свое выражение в деятельности дизайнерского арт-центра «Globus Fashion Ukraine», благотворительного фонда «Глубины искусства», некоммерческой организации «Разом».

Как и стоило предположить, в положительном контексте американские новые медиа упоминают следующие политические индикаторы Евромайдан и инициативу Министерства иностранных дел Украины по разработке культурного имиджа Украины. Также положительно оценивается и спортивная акция «Беги», призванная популяризировать здоровый образ жизни.

Отрицательное воздействие на имидж Украины среди политических факторов оказывают следующие события: коррупция, война, ЛГБТ, сепаратизм, национализм, Бандера С., несистематический мозаичный характер работы органов государственной власти в развитии и совершенствовании правовой базы сектора военной безопасности, в частности в процессе военного строительства; несоответствие законодательной и исполнительной ветвей власти в Контекст

всеобъемлющего устойчивого развития «Мы не хотим показывать Украину только как территорию конфликта между Западом и Россией - без имиджа Украины как сильной успешной страны здесь не будет инвестиций, нет иностранных специалистов, нет туристов, нет развития. Мы не хотим, чтобы нас считали страной вечной войны» [13]. Также, в 2015 г. на имидж Украины оказал негативное влияние культурный фактор, суть которого заключалась в том, что пропавшие в Голландии картины были найдены на территории Украины. Из экономических показателей негативное влияние на формирование имиджа исследуемого государства оказывают показатели в сфере туризма и сельскохозяйственные разработки в сфере биотехнологий.

Можно заключить, что имидж государства многогранен, поскольку не может состоять только из отрицательных или положительных представлений.

За весь исследуемый период большинство упомянутых факторов оказывают негативное воздействие на имидж Украины и составляют 54%, положительные встречаются в 40% материалов и нейтральные в 6%.

Положительные факторы	Отрицательные факторы
Политика Политический образ Тимошенко Ю. В.; Деятельность «Femen»; Развитие судебной системы; Организация помощи United Help Ukraine; МИД разрабатывает имиджа Украины; Евромайдан	**Политика** Акции «Femen»; Политический кризис; Информационная война с РФ; Коррупция; Страна неполных реформ и нереализованных потенциалов; Национализм, антисемитизм, Правый сектор, русофобия; Шпионаж; Аннексия Крыма; Сепаратизм;
Экономика Улучшение инвестиционного климата; Туризм; Сельское хозяйство	**Экономика** Поставки оружия в Грузию; Газовый конфликт; Сельское хозяйство; Прекращение авиасообщения между Киевом и Крымом
Спорт Евро-12; Популяризация здорового образа жизни, акция «Беги»; Легкая атлетика	**Спорт** Конфликт с украинской гимнасткой Евро-12
	Социальные проблемы Проституция; Жестокое обращение с животными

Культура Популяризация украинской культуры; Памятник жертвам Голодомора; Привлекательность украинок; Выпуск журнала про украинскую культуру на английском языке; Украинская музыка; Образование за рубежом; Дни украинской культуры в Лондоне; Разработки в сфере технологий; Ukrainian Fashion Week; The Design Art Center «Globus Fashion Ukraine»; Благотворительный фонд «Глубины искусства» Евровидение; Украинское радио; Конкурс мисс вселенная украина 2015; выставка «Украинская душа»; НКО «Разом»	**Культура** Пропавшие голландские картины

Таблица 1. Факторы, которые оказывают влияние на имидж Украины

В новых медиа США за исследуемый период ни разу не упоминается экологический фактор. Из негативных факторов, наиболее часто упоминающимися являются экономический и политический.

Факторы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Политический	+	+	+	+	+	+	+	+
Экономический				+		+	+	+
Социальный								
Культурный		+	+	+		+	+	+
Спортивный	+			+	+	+		+
экологический								

Таблица 2. Факторы, которые положительно повиляли на имидж Украины

Для США очень важен политический фактор, поскольку в каждый исследуемый период были найдены упоминания данного фактора как в положительном, так и в отрицательном контексте. Популяризация украинской культуры посредством проведения различных мероприятий за рубежом, проведение спортивных мероприятий, а также ряд политических событий на Украине, включая Евромайдан, по мнению американского сообщества оказывают наибольший положительный эффект на имидж Украины.

Факторы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Политический	+	+	+	+	+	+	+	+
Экономический		+			+		+	+
Социальный	+				+	+		
Культурный								+
Спортивный	+				+	+		
экологический								

Таблица 3. Факторы, которые отрицательно повиляли на имидж Украины

Анализируя факторы, которые оказывают наибольшее положительное воздействие на имидж Украины можно отметить культурный и политический, в меньшей степени оказывают влияние экономический и спортивный факторы.

В негативном контексте имидж Украины предстает как страны неполных реформ и нереализованных потенциалов, с коррумпированной государственной системой. Военный конфликт, рост уровня национализма также усугубляет имидж исследуемой страны. Данные события способствуют росту уровня русофобии и переходу в активную фазу информационной войны с Российской Федерацией. В материалах отмечается, что сельское хозяйство находится в упадочном состоянии. По отношению к Украине в текстах употребляются следующие эпитеты «мафиозное государство», «страна вечной войны».

Наибольший скачек внимания к имиджу Украины связаны с проведением чемпионатом Европы по футболу «Евро-12» в 2012 г., а также с Евромайданом и последующими военно-политическими событиями начиная с 2014 г.

Чемпионат Европы по футболу «Евро-12» несмотря на неоднозначное отношение к нему в Интернет-пространстве, имеет долгоиграющий эффект и оказывает существенное влияние на процесс формирования внешнеполитического имиджа Украины.

Полученные цифры свидетельствуют о высокой степени заинтересованности США как внутри, так и внешнеполитическими процессами, происходящими на Украине. Более того, упомянутые инициативы, реализуемые США по оказанию финансовой помощи некоммерческим организациям расположенным на Украине, являются свидетельством реализации их «мягкой силы» по отношению к Украине. Говоря об Украине, стоит отметить, что она является ретранслятором «мягкой силы» Соединенных Штатов Америки, поскольку ретранслирует западные смыслы и ценности.

Список литературы

1. Гаджиев К. С. Имидж государства в конфликте идеологий / К. С. Гаджиев. – М.: Андалус, 2007. – 128 с.
2. Розенау Дж. Турбулентность в мировой политике. URL: www.narod.ru/rozenau-turbulentnost.doc. (Дата обращения: 03.06.2018).
3. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 116–125. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.09 (Дата обращения: 03.06.2018).

4. Шестопал Е. Б. Образ государства, нации и лидеров / Под ред. Е Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
5. What Ukraine isn't… URL: http://dincarslan.blogspot.com/2008/07/what-ukraine-isnt.html (Дата обращения: 02.12.2018).
6. Interview: Stella Zakharova (UKR). URL: http://www.intlgymnast.com/index.php?option=com_content&view=article&id=702:interview-stella-zakharova-ukr&catid=3:interviews&Itemid=56 (Дата обращения: 02.12.2018).
7. Femen – Ukraine Women Movement React: "Ukraine is not a Brothel". URL: https://www.democraticunderground.com/discuss/duboard.php?az=view_all&address=389x6197201 (Дата обращения: 02.12.2018).
8. Pastukhova A. Kyiv Post: Russian Attitudes not as Icy Towards Ukraine. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjIlYPNreXUAhVBCpoKHQ2hBrsQFgg0MAI&url=https%3A%2F%2Fwikileaks.org%2Fgifiles%2Fattach%2F59%2F59327_Russia%2520091016.doc&usg=AFQjCNFmm0v220Iqjj0D0XBUdYPcfJsftA (Дата обращения: 02.12.2018).
9. Aslundand A., Paskhaver A. Proposals for Ukraine 2010. – Time for Reforms, Kyiv. – 2010. – 79 p. URL: https://piie.com/publications/papers/aslund0210.pdf (Дата обращения: 02.12.2018).
10. Yelena Isinbayeva supports Doha 2017 bid, by Alfons Juck, note by Larry Eder. URL: http://www.runblogrun.com/2011/10/yelena-isinbayeva-supports-doha-2017-bid-by-alfons-juck-note-by-larry-eder.html (Дата обращения: 02.12.2018).
11. Bila Tserkva Marathon. URL: http://runinfinity.com/race/bila-tserkva-marathon
12. Fertile Ukraine. URL: http://russiasperiphery.blogs.wm.edu/western-borderlands/ukraine/general/fertile-ukraine/ (Дата обращения: 02.12.2018).
13. Andriy Tymofiyuk Ukraine's Information War: Strategy (Part II). URL: https://voxukraine.org/en/ukraines-information-war-tactics-and-strategy-part-ii/ (Дата обращения: 02.12.2018).

Maretskaya N. A. Image of Ukraine in the New Media of USA: content analysis 2008-2015 // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 133–143.

The article considers the process of forming the image of Ukraine through the United States new media. Identified 6 main factors that influence of the image of Ukraine: political, economic, cultural, sports, social and environmental. It was revealed that over the entire study period, most of the factors mentioned had a negative impact on the image of Ukraine (54% of all materials studied). So Ukraine appears as a country of incomplete reforms and unrealized potentials, with a corrupt state system. The military conflict, the growth of the level of nationalism also aggravates the image of the country studied. Analyzing the factors that have a positive impact on the image of Ukraine can be noted cultural and political, to a lesser extent, are influenced by economic and sports factors. The European Football Championship "Euro-12" has a long-lasting effect and has a significant impact on the process of the formation of the foreign political image of Ukraine. The results indicate that the United States is showing sufficient interest in the internal and external political processes taking place in Ukraine.In the case of Ukraine, it can be noted that it is the "soft power" repeater of the United States of America, since it repeats western meanings and values.

Keywords: image of Ukraine, new media, United States, Euro-12.

References

1. Gadzhiev K. S. Imidzh gosudarstva v konflikte ideologiy [The Image of the State in the Conflict of Ideologies]. Moscow, Andalus, 2007. – 128 p.
2. Rozenau Dzh. Turbulentnost v mirovoj politike [Turbulence in World Politics]. URL: www.narod.ru/rozenau-turbulentnost.doc. (Accessed: 03 June 2018).
3. Kiselev I. Yu., Smirnova A. G. Obraz gosudarstva kak faktor prinyatiya vneshnepoliticheskih resheniy [The Image of the State as a Factor in Foreign Policy Decisions]. Polis. Politicheskie issledovaniya

[Policy. Political studies], 2004, №4, pp. 116–125. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.09 (Accessed: 03 June 2018).
4. Shestopal E. B. Obraz gosudarstva, natsii i liderov [The Image of the State, Nation and Leaders]. Moscow, Aspect Press, 2008, 288 p.
5. What Ukraine isn't… URL: http://dincarslan.blogspot.com/2008/07/what-ukraine-isnt.html (Accessed: 02.12.2018).
6. Interview: Stella Zakharova (UKR). URL: http://www.intlgymnast.com/index.php?option=com_content&view=article&id=702:interview-stella-zakharova-ukr&catid=3:interviews&Itemid=56 (Accessed: 02 December 2018).
7. Femen – Ukraine Women Movement React: "Ukraine is not a Brothel". URL: https://www.democraticunderground.com/discuss/duboard.php?az=view_all&address=389x6197201 (Accessed: 02 December 2018).
8. Pastukhova A. Kyiv Post: Russian Attitudes not as Icy Towards Ukraine. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjIlYPNreXUAhVBCpoKHQ2hBrsQFgg0MAI&url=https%3A%2F%2Fwikileaks.org%2Fgifiles%2Fattach%2F59%2F59327_Russia%2520091016.doc&usg=AFQjCNFmm0v220Iqjj0D0XBUdYPcfJsftA (Accessed: 02 December 2018).
9. Aslundand A., Paskhaver A. Proposals for Ukraine 2010. Time for Reforms, Kyiv, 2010, 79 p. URL: https://piie.com/publications/papers/aslund0210.pdf (Accessed: 02 December 2018).
10. Yelena Isinbayeva supports Doha 2017 bid, by Alfons Juck, note by Larry Eder. URL: http://www.runblogrun.com/2011/10/yelena-isinbayeva-supports-doha-2017-bid-by-alfons-juck-note-by-larry-eder.html (Accessed: 02 December 2018).
11. Bila Tserkva Marathon. URL: http://runinfinity.com/race/bila-tserkva-marathon (Accessed: 02 December 2018).
12. Fertile Ukraine. URL: http://russiasperiphery.blogs.wm.edu/western-borderlands/ukraine/general/fertile-ukraine/ (Accessed: 02 December 2018).
13. Andriy Tymofiyuk Ukraine's Information War: Strategy (Part II). URL: https://voxukraine.org/en/ukraines-information-war-tactics-and-strategy-part-ii/ (Accessed: 02 December 2018).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 144–153.

УДК 1:3 + 172.1

ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В МОРАЛЬНОМ ВЫБОРЕ ГРАЖДАНИНА

Миронов А. В.

Гуманитарно-педагогический институт Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

В статье рассматриваются обоснования государственного контроля в области морали. Проводится анализ философских концепций Платона и Т. Гоббса, в которых представлены схемы вмешательства власти в нравственный выбор гражданина. Данные теории исследуются в контексте социальной ситуации, определяющей особенности поведения гражданина, его обязанности и право на моральный выбор. Формируется схема соотношения политических причин и следствий, детерминирующих становление механизма воздействия на нравственные отношения в обществе. Выделяется соотношение гражданской позиции и властных интересов в поисках компромисса, отвечающего эффективному социальному взаимодействию.

Ключевые слова: государственное регулирование в морали, обязанности, общественный договор, чувство страха, своеволие, естественное состояние.

Социальные противоречия, возникающие в обществе, вносят коррективы в принятые обществом моральные стандарты и отражают конфликт интересов между личностью и социумом, гражданином и государством, группой и оформившимся социальным объединением. В процессе коллективного взаимодействия раскрываются тенденции, представляющие угрозу общезначимым ценностям, которые консолидируют граждан и направляют на реализацию общих целей – в них выражается заинтересованность в результатах совместной деятельности. Моральная деформация в таких условиях становится сдерживающим фактором развития общественной системы, так как негативно влияет на установление атмосферы доверия и согласия, на мотивацию индивидов к эффективному сотрудничеству. Вмешательство и попытки регулирования нравственной сферы со стороны государства встречают различную реакцию гражданского сообщества, и это актуализирует обращение к историческому опыту философской рефлексии этого вопроса, так как она способна затронуть фундаментальные принципы социальной коммуникации и мировоззрения личности. Рассмотрение проблемы морального выбора в контексте задачи согласования индивидуальных притязаний и государственных требований обнаруживает такую специфику взаимоотношений между гражданином и государством, которая способна трансформироваться в устойчивые идеологемы общественной жизни.

Задачи статьи: 1) анализ исторических причин государственного регулирования в области моральных отношений, 2) выявление особенностей влияния социально-политической ситуации на формирование нравственного стандарта гражданина, 3) установление закономерностей взаимодействия между властью и индивидом, которое трансформируется в моральный консенсус, тождественный взаимным интересам. Сравнительный обзор положений философии Платона и Т. Гоббса, совпадающих в авторитарной тенденции, но имеющих различные обоснования, позволяет выделить универсальную парадигму государственной монополии в пространстве нравственных связей. Историко-сравнительный метод, используемый в статье, способствует структурированию основных положений с учетом конкретной социальной ситуации и, тем самым, предоставляет возможность определить генезис смысловых составляющих механизма воздействия на социальную сущность человека. Междисциплинарный подход допускает привлечение политологической и религиоведческой литературы, что расширяет диапазон рассмотрения данного феномена.

Проблематика государственного контроля в моральной сфере получила широкое рассмотрение в англоязычной литературе как исключительный феномен, противоречащий основным положениям о правах личности на индивидуальную реализацию. Данная тема анализировалась в сравнении с концепцией Д. Локка о неотъемлемом праве гражданина выбирать свой собственный образ жизни, включая моральные приоритеты [1; 2; 3]. Ряд авторов в своих исследованиях стремились определить особенности моральной философии в контексте исторических и философских исканий XVII века [4; 5; 6; 7]. Интересный подход в интерпретации морального выбора представлен В. Ф. Сейновым и А. Б. Рукавишниковым [8]. В контексте информационной безопасности тема получила новый ракурс рассмотрения [9]. Данная проблематика во многом послужила основанием для формирования этики солидарности, предложенной П. А. Кропоткиным [10].

Отличительной чертой социальной нестабильности, обусловленной сложностями общественно-политических изменений, является принципиальная переоценка ценностных установок гражданина, связанная с трансформацией моральных векторов в новых условиях. Нарушение гармонии личных и общественных интересов, падение престижа государства, церкви, института семьи, умаление значения человеческой жизни разрушают привычный уклад существования и вместе с ним устойчивые эталоны поведения, что формирует социальный запрос на регулирование межличностных отношений силой, освященной непререкаемым авторитетом. Представления о долге, об обязанностях гражданина перед социальной системой, о добродетелях и пороках, о справедливости в такой ситуации нуждались не только в теоретическом обосновании, но и в практическом воплощении с помощью государственного принуждения.

Распад традиционной системы государственных институтов сопровождается мучительными нравственными исканиями личности. Моральные учения прошлого (поздний стоицизм, эпикурейство) предлагали различные пути ценностной эмансипации человека от задач, стоящих перед социальной общностью, переноса

целей самореализации из общественной сферы в частное пространство, в поиски достижения личного счастья. Гражданские приоритеты – патриотизм, мужество, бескорыстное служение Отечеству – подменяются эгоизмом, космополитизмом, социальной пассивностью, которые располагают человека к эскапизму, отрешенности от мира и индивидуальному выбору смысла жизни. Другой путь предлагали теории, направленные на усиление государственной власти, которая должна была утвердить единый стандарт в понимании добра и зла и, тем самым, создать условия для дальнейшего процветания социума и всех его членов. Основным мотивом авторов данных философских концепций служило, надо думать, желание помочь согражданам в преодолении нарастающего или уже состоявшегося кризиса, охватывающего все области социального участия индивида.

В эпоху расцвета античного общества мораль выступала средством духовного единения. Могущество государства в условиях постоянных войн, угрозы внешнего вторжения недружественных народов становилось фактором, определяющим направленность действий гражданина, так как взаимозависимость между ним и властью раскрывалась в парных понятиях: жизнь – смерть, свобода – рабство, достаток – нищета. Социальные добродетели составляли основу поведенческого каркаса. При этом содержание понятия «благо» – одно из наиболее важных в определении статуса действий индивида – расширяется за счет наполнения идеями всеобщих политических, экономических, культурных интересов, а личность признается моральной в том случае, когда она служит этим целям. Идеальное государство Платона являло пример такого соединения человека и власти, осуществление которого возможно при единственном условии: гражданин воспринимает себя подчиненной единицей системы универсального регулирования и не пытается конструировать свой собственный способ жизни, восприятия, оценки социальной реальности согласно природной сущности. По мнению Платона, это лишило бы человека преимуществ общественной жизни: солидарности, взаимопомощи, содержательной коммуникации.

Совокупность нравственных ориентиров, одобренных таким идеальным государством, должна была стать демаркационной линией между эгоистической предрасположенностью индивида, представляющей угрозу для большинства граждан своей непредсказуемостью, иррациональностью, корыстной направленностью и социально выверенными обязанностями, соответствующими благу всех и каждого. Переход этой черты оборачивался для полиса мятежами, народными волнениями, периодами внутренней нестабильности, что обуславливало возможность социальной катастрофы. Исходя из потенциальной опасности всеобщего кризиса, государство ограждает человека от самого себя, возлагая надзор за формированием и реализацией моральных ценностей на властные структуры, и, таким образом, контролирует не только внешние проявления, но и внутреннюю сущность, раскрывающуюся в нравственном творчестве личности. Основным понятием социального взаимодействия в таком полисе являлась справедливость, с помощью которой граждане определяют баланс индивидуальных и общезначимых интересов. Ее претворение, по Платону, возможно только в упорядоченной системе с абсолютными критериями оценки поступка. « … дадим полную волю любому

человеку, как справедливому, так и не справедливому, творить все, что ему угодно … Мы поймаем справедливого человека с поличным: он готов пойти на то же самое, что и несправедливый, – причина тут в корысти, к которой, как к благу стремится любая природа и только с помощью закона, насильственно, ее заставляют соблюдать надлежащую меру» – пишет он [11, С. 132].

Всякое государство должно выступать гарантом законности. Однако стремление к подчинению морали прагматическим интересам политической доминанты оборачивается утверждением жесткой парадигмы, в рамках которой человек должен признать свою личностную несостоятельность в вопросах, касающихся установления отношений с согражданами, выборе приоритетов в направленности социально ориентированных действий, определении точек соприкосновения с другими (национальность, взгляды, убеждения). Понижая самооценку, в силу декларируемой неспособности разобраться в нравственных коллизиях, индивид может попасть в духовную зависимость от тотальной опеки со стороны государства, не позволяющей ему вернуться в природное состояние, ассоциирующееся с дикостью и варварством. Тогда мораль отчуждается от гражданина и становится чем-то внешним по отношению к нему, так как лишенный выбора при принятии решений индивид утрачивает эмоциональную и рациональную связь с регулирующими правилами поведения. Поддержание закрытости территорий от контактов с иноземцами, контроль за проведением досуга, вмешательство в частную сферу отношений между полами может стать средством утверждения единственной преференции морального выбора – долга перед государством.

Построение философской конструкции, в которой государство становится высшей инстанцией в вопросах морали, осуществлялось не один раз, и всегда было связано с переломными периодами истории. Чувство неуверенности, бессилия, растерянности инициирует потребность в появлении нового вектора социальной направленности, отвечающего условиям переустройства общества и предлагающего устойчивые стандарты в межличностных коммуникациях. В XVII веке Англия переживала внутренние потрясения (гражданская война, казнь Карла I, диктатура Кромвеля), что порождало дух сомнения в незыблемости моральных устоев. «Тут редко проходит день, о котором нельзя было бы сказать, что он не состряпал или смастерил новое мнение. Некоторые доходят даже до такого утонченного непостоянства в этом отношении, что считают мнение чем-то однодневным, что едва ли стоит сохранять по прошествию одного, двух дней» – пишет по этому поводу Г. Т. Бокль [12, С. 145]. В своей политической философии Гоббс пытается совместить апологию монархии с рационально выверенной нравственной схемой, в которой, по его мнению, устраняются противоречия между личной свободой и интересами социума путем подмены моральных принципов положениями властного утилитаризма и целесообразности.

Т. Гоббс использует в качестве обоснования государственного регулирования морали чувство страха, превращая его в универсальный манипулятор общественным мнением. Описывая картины «естественного состояния», в котором индивид руководствуется эгоизмом, страхом, жаждой наслаждения и корыстью,

Т. Гоббс опирается на предпосылку о невозможности человека решить проблемы всеобщего доверия и согласия собственными силами. «Война всех против всех» есть опасность, как для отдельного гражданина, так и для всей системы в целом. Вражда свойственна, по мнению автора «Левиафана», каждому и выступает причиной взаимного соперничества. Моральные проявления в таких обстоятельствах невозможны: подчиняясь страстям, человек оправдывает любые свои действия и входит в противостояние с желаниями другого, что переводит конфликт в непримиримую фазу, исключающую взаимные обязательства. Как точно подметил Х. Уоррендер, «царство природы – моральный вакуум» [13, С. 5].

Страх, как известно, представлен в двух проекциях: как постоянная угроза жизни и как стимул искать выход из создавшегося положения. По силе воздействия это эмоциональное состояние не может сравниться ни с каким другим, свойственным человеку, поэтому угроза неизбежно ведет к поиску возможного компромисса между естественным и искусственным. Государство не является природным образованием, а компромисс между ним и природой естественно предполагает гармонию личных и общественных интересов. Человеческая способность видеть в Другом самого себя и распространять восприятие своей негативной сущности (человек – существо, обладающее разумом и способное предвидеть последствия своих поступков) на всех окружающих содействует согласию субъекта на ограничение собственного своеволия внешней силой, представляющей значимость для всех участников общественного процесса.

Договор между согражданами должен был защитить жизнь, частную собственность, личностное пространство индивида от враждебных посягательств. Определяющей платформой Т. Гоббс предлагает считать мирное существование как абсолютное добро, опирающееся на естественное право самосохранения. Состояние мира предоставляет возможность гражданину руководствоваться правилами морали, так как нейтрализуется постоянная угроза смерти и расширяется спектр личностного выбора. Данная точка зрения связана с англосаксонской традицией, в которой власть короля вытекает из его статуса «высшего охранителя мира». Со времен феодальной раздробленности в актах об уголовном наказании были предусмотрены статьи, направленные против «возмутителей и нарушителей спокойствия». Способность утвердить мир и поддерживать его для англичан ассоциировалась с прочной государственной властью, вызывающей уважение подданных. Т. Гоббс определял мирное сосуществование центральным положением гражданской жизни, тождественным общезначимому благу, которое определяет все моральные аспекты поведения индивида. «Атомарные» индивиды, не объединенные в общественную систему, являют взаимную опасность и только в государственном состоянии получают ряд фундаментальных преимуществ. «1) Защита от внешних врагов, 2) сохранение внутреннего мира, 3) обогащение, поскольку оно совместимо с общественной безопасностью, 4) наслаждение свободой, не приносящей вреда» - пишет о них Т. Гоббс [14, С. 376]. Привлекательность этого состояния заставляла выполнить условие: гражданин должен принять в качестве доминанты поступков волю власти, так как, в противном случае, может нарушиться равновесие интересов между участниками договора о гражданском взаимодействии. Происходит

потенциальный взаимообмен правом распоряжаться собственной личностью в полном диапазоне возможностей на обещание мира и спокойствия со стороны государства.

В логике социальных контактов, предложенной Т. Гоббсом, суверен символизирует деятельное добро, связанное с всеобщим устремлением к процветанию. Установление моральных прерогатив в данном контексте охватывает интересы большинства граждан, испытывающих потребность в эталонах и стандартах самореализации, чтобы, таким образом, иметь возможность получить выгоду от нахождения в социуме. Тотальная регламентация, исходящая от лица, наделенного авторитетом власти (что является определяющей предпосылкой всей причинно-следственной связи, положенной в основу рассуждений английского мыслителя) формирует взаимоприемлемые отношения между согражданами в дозволенных границах. Коль скоро мораль подразумевает свободу личностно определяемого выбора линии поведения, то опасаясь своеволия человека, Т. Гоббс подкрепляет ее законами, имеющими нравственный смысл, что усиливает позиции государства, с одной стороны, и в тоже время обеспечивает благополучием весь народ. Социальная нагрузка нравственности и законов совпадает в целях, поэтому они выступают как единое целое. «Только в государстве существует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков. И таким масштабом могут поэтому служить лишь законы каждого государства» – пишет Т. Гоббс [14, С. 261]. Такая ситуация предполагает жесткий ригоризм в истолковании мотивации, исключая иные факторы морального процесса: совесть, общественное мнение, гражданское чувство.

Объединение естественных и моральных правил получает у Гоббса название «гражданских» законов, тождественных воле суверена. Они контролируются государственными институтами, наделенными карательными функциями и силой авторитета. Гражданские законы должны стать единственным регулятором, определяющим жизнь индивида в социуме, поглощая при этом остальные формы общественной ориентации личности. Но Т. Гоббс допускает возможность противоречия между двумя формами поведенческой регламентации, исходящего из потенциального конфликта объективного и субъективного в восприятии законов. В качестве решения проблемы предлагается посылка о непогрешимости верховной власти, тогда все моральные установки будут освящены в сознании подданных ее авторитетом. Подобная ситуация имеет последствием трансформацию морали из самостоятельной формы общественного сознания в зависимую от политической целесообразности, интересов монархии, честолюбия правителей и разрушает внутреннюю мотивацию морального поступка. Монополия государственной власти на нравственную жизнь человека сводит индивидуальное начало исключительно к самосохранению в виде естественного страха за существование.

Понимание и различение добродетелей и пороков гражданами обычно определяет тенденции морального совершенствования, задает цели личностного роста, культивирует ценности, направленные к всеобщему благу. Они предписывают баланс интересов между частным и общественным, формируя или атмосферу эффективной коммуникации, или разобщенности и радикального

индивидуализма. В них концентрируется основная гражданская мотивация, раскрывающаяся в солидарности с государственными структурами и, в силу этого, придающая им характер стабильности. Приоритеты социального мироощущения признаются большинством граждан полезными в том случае, если их реализация совпадает с практической значимостью, выраженной в удовлетворении от полученных результатов, а политическая конъюнктура способна оказывать влияние на выбор индивидом моральных качеств. Тогда как поведенческие императивы, предлагаемые Т. Гоббсом, должны были быть направлены на служение существующему политическому строю, к тому же Англия к этому времени имела печальный опыт социальных потрясений, связанных со сменой форм правления. Абсолютизация власти в общественном сознании должна была благотворно сказаться на устойчивости закрепленных моральных паттернов, отвечающих взаимным интересам. Гражданин ограничивался в своих проявлениях жесткими рамками государственных потребностей и расчетов. «Добрыми нравами, т. е. моральными добродетелями являются такие нравы, благодаря которым однажды возникшая государственная организация лучше всего может сохраниться» – пишет автор «Левиафана» [14, С. 262]. Отказывая единичному разуму, коллективному мнению в формировании обязанностей и противопоставляя им волю суверена как единственный фактор, определяющий моральные ориентиры подданных, Т. Гоббс руководствуется идеей преодоления разобщенности, содержащей латентную угрозу всеобщего конфликта. Долг перед социумом перестал быть правом личности, несущей ответственность за выбранные решения в процессе поиска нравственных форм поведения, соответствующих духовным ценностям индивида. Он истолковывается в духе строгого исполнения обязанностей, от которого зависит прочность общественного договора. Государство может вносить коррективы в устоявшееся, традиционное представление о долге, руководствуясь своей заинтересованностью в том, чтобы направить действия индивида в сторону служения существующей власти. В ситуации заговоров, опасностей иностранной интервенции, борьбы за престолонаследие истинное и ложное понимание своего долга и обязанностей перед согражданами всегда выступало средством самоидентификации личности в политическом противостоянии. Государственная позиция в выборе критериев участия в потенциальном или реальном конфликте служила основой для национального объединения и, тем самым, гарантировала покой и порядок в социуме, что в условиях буржуазного стремления к благополучию считалось первостепенной задачей.

Морально должное в теории Т. Гоббса включает априорное признание приказания суверена как нерушимое правило поведения, совпадающее с религиозным принципом подчинения Высшему, что требуется государственной идеологией, определяемой договором между подданными и монархом. Смирение, как моральное качество, интерпретируется в двух плоскостях: служение сверхъестественному началу и земному властелину. Эти отношения носят характер императивности, исключая фактор поощрения или наказания, обоснованный корыстными ожиданиями. «Оно (действие – А. М.) становится справедливым или несправедливым в результате осуществления права повелителя» – пишет Т. Гоббс

[15, С. 370]. В условиях переустройства английской модели общественных отношений (прежде всего между индивидом и государством) форма политической диктатуры максимально соответствовала предложенной концепции социальной коммуникации, так как моральная автономия гражданина содержала потенциальный импульс несогласия с действующими законами и могла быть реализован в противоправных действиях. Личность, руководствующаяся собственной мотивацией в выборе приемлемых или неприемлемых для нее обязанностей, являлась неблагонадежной с точки зрения властных структур. Неслучайно роялисты подозревали Т. Гоббса в симпатиях к установленному О. Кромвелем протекторату, характерной чертой которого была демонстрация сильной власти и нетерпимость к любому инакомыслию. Единственной посылкой, оправдывающей данный формат гражданских связей, служило положение о непогрешимости верховной власти в лице суверена, который выводится за рамки законов, установленных для всех остальных благодаря наделению исключительным статусом, носящим как религиозный, так и светский характер – гаранта мира в государстве. Переход человека из status naturalis в status civilis раскрывается в ограничении своеволия всех и каждого, тем самым утверждая общественную мораль, но с условием концентрации всех прав в руках суверена, что позволяет ему регулировать моральные отношения, исходя из личных представлений.

Рассмотренные концепции Платона и Т. Гоббса о праве государства на тотальный контроль в моральном пространстве объединяют следующие положения: 1) учет опасности внутренних социальных потрясений, представляющих угрозу общественной безопасности, 2) поиск универсальной платформы сотрудничества, включающей взаимные интересы между гражданами и властью, 3) утверждение рационально обоснованной теории обязанностей гражданина. Обоснованием ограничения индивида в моральном выборе служит использование чувства страха перед соотечественниками, выступающими угрозой стабильности существования. В традиции античного патриотизма оно выступает как препятствие возвращению человека в животное состояние, что влечет утрату гражданского статуса индивида, воспринимаемого как высшее достижения полисного устройства. Только государство, представляющее структуру, в которой реализуется ценностная коммуникация гражданина, способно, исходя из принципов общего блага, предотвратить регресс человеческой природы и предложить консенсус интересов социального и естественного. Предложенная Т. Гоббсом схема регулирования государством моральных отношений граждан возникает как ответ на политические и социальные перемены, происходящие в Англии в первой половине XVII века. Манипулирование чувством страха и превращение его в основной стимул мотивации граждан к выполнению моральных правил предполагал право власти использовать его для формирования нравственных требований, включающих утилитарные принципы взаимодействия участников общественного договора. Основные желания индивида (жизнь, защита частной собственности, материальное благополучие, комфортное существование) становились факторами обмена между гражданином и государством: свобода погашалась социальной стабильностью. В такой ситуации вмешательство государства в нравственную сферу становится

естественным и на его основе выстраивается система выгодных для него (в лице правителя) моральных обязанностей, тем самым индивид лишается возможности выбора ценностных ориентиров. Доминирование апологии власти в нравственных отношениях превращает гражданина в исполнителя чужой воли, но не снимает личностную ответственность за принятые решения и способствует сохранению причин социального конфликта в латентном состоянии. Разрешение подобной ситуации предполагает диалог общества и властных структур, результатом которого должно стать установление баланса интересов взаимодействующих сторон в моральном выборе гражданина.

Список литературы

1. Bowle J. Minos and Minotaur? The dilemma of political power / J. Bowle. – Lnd: Cape, 1956. – 209 p.
2. Eisenach E. J. Two worlds of liberalism: religion and politics in Hobbes, Locke, Mill / E. J. Eisenach. – Chicago, Lnd: Univercity of Chicago, 1981. – 262 p.
3. Leiden W. Hobbes and Locke: politica of freedom and obligation / W. Leiden. – N.Y.: St. Martin's press, 1982. – 253 p.
4. Bertman M. Hobbes. The natural and artifacted good / M. Bertman. – Bern, Frankfurt: M, Las Vegas: Lang, 1981. – 158 p.
5. Oakeshott M. Rationalism in politics / M. Oakeshott. – N.Y. and Lnd: Methuen, 1981. – 333 p.
6. Hampton J. Hobbes and social contract tradition / J. Hampton. – Cambridge university press, 1986. – 299 p.
7. Lemos R. M. Hobbes and Locke. Power and consent / R. Lemos. – Athens: Univesity of Georgia press, 1978. – 185 p.
8. Сейнов В. Ф., Рукавишников А. Б. Диалектика натурализма и историзма в социальной философии Нового времени // Вестник Ленинградского университета. – 1987. – Серия 6. – Вып. 4. – № 27.
9. Гарас Л. Н. Информационный суверенитет в контексте национальной безопасности России // Российская государственность в XXI веке: модели и перспективы социально-политического развития. Материалы научно-практической конференции. Издательство: Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». г. Владимир, 13 октября2017. – С. 47–50.
10. Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды / П. А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
11. Платон. Сочинения / Платон. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. Ч. 1. – 483 с.
12. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. – С-Пб.: Павленков, 1895. – 628 с.
13. Warrender H. The political philosophy of Hobbes, his theory of obligation / H. Warrender. – Oxford: Clarendon press, 1957. – 347 p.
14. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – 743 с.
15. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. – Т.1. – 583 с.

Mironov A. V. Philosophical Interpretations of State Regulation in Moral Space // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 144–153.

The article discusses the rationale of state control in the field of morality. The analysis of the philosophical concepts of Plato and T. Hobbes, which presents the scheme of government intervention in the moral choice of the citizen. These theories are studied in the context of the social situation that determines the behavior of a citizen, his duties and the right to moral choice. A scheme of correlation of political causes and consequences determining the formation of the mechanism of influence on moral relations in society is formed. The correlation of civil position and power interests in search of a compromise that meets the effective social interaction is highlighted.

Keywords: state regulation in morality, duties, social contract, feeling of fear, self-will, natural state.

References

1. Bowle J. Minos and Minotaur? The Dilemma of Political Power. London, Cape, 1956, 209 p.
2. Eisenach E. J. Two Worlds of Liberalism: Religion and Politics in Hobbes, Locke, Mill. Chicago, London, University of Chicago, 1981, 262 p.
3. Leiden W. Hobbes and Locke: Politica of Freedom and Obligation. N.Y., St. Martin's press, 1982, 253 p.
4. Bertman M. Hobbes. The Natural and Artifacted Good. Bern, Frankfurt, M, Las Vegas, Lang, 1981, 158 p.
5. Oakeshott M. Rationalism in Politics. N.Y. and London, Methuen, 1981, 333 p.
6. Hampton J. Hobbes and Social Contract Tradition. Cambridge university press, 1986, 299 p.
7. Lemos R. M. Hobbes and Locke. Power and Consent. Athens, Univesity of Georgia press, 1978, 185 p.
8. Seynov V. F., Rukavishnikov A. B. Dialektika naturalizma i istorizma v sotsialnoy philosophii [The Dialectic of Naturalism and Historicism in the Social Philosophy of the New Time]. Vestnik Leningradskogo universiteta [Bulletin of Leningrad University], 1987, Ser. 6, Issue 4, No. 27.
9. Garas L. N. Informatsionnyy suverenitet v kontekste natsionalnoy bezopasnosti Rossii [Information Sovereignty in the Context of Russia's National Security]. Rossiyskaya gosudarstvennost v XXI veke: modeli i perspektivy sotsialno-politicheskogo razvitiya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Russian Statehood in the Twenty-first Century: Patterns and Prospects of Socio-political Development. Materials of Scientific and Practical Conference].Vladimir: Vladimir branch of the "Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation», 13 October 2017, p. 47–50.
10. Kropotkin P. A. Etika: Izbrannyye trudy [Ethics: Selected Works]. Moscow, Politizdat Publ.,1991, 496 p.
11. Platon. Sochineniya [Works]. Moscow, Mysl publ., 1971,Vol. 3, Ch. 1, 483 p.
12. Bokl G. T. Istoriya tsivilizatsii v Anglii [The History of Civilization in England]. SPb., Pavlenkov publ., 1895, 628 p.
13. Warrender H. The political philosophy of Hobbes, his theory of obligation. Oxford, Clarendon press, 1957, 347 p.
14. Hobbs T. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Mysl publ., 1964, Vol. 2, 743 p.
15. Hobbs T. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Mysl publ., 1964, Vol. 1, 583 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 154–160.

УДК 172.2

ТЕКСТЫ М. ВЕБЕРА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Фахрутдинова А. З.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, профессор кафедры государственного и муниципального управления

E-mail: faamina@yandex.ru

Выявляются репрезентации характеристик бюрократии М. Вебера в современных кодексах этики и служебного поведения. В контексте обнаруженных связей обсуждается ряд вопросов. Первый вопрос связан с проблематизацией отражения принципов рациональной бюрократии в нормах этики, являющегося по сути «запрещенным» переходом от «сущего» к «должному». Вопрос разворачивается в проблему правомерности включения в нормативное знание исследований социологического, политологического, психологического и т. п. характера. Показано, что эти исследования уместны в ряде ситуаций: они позволяют выявить смысл нормы, показать факторы её формирования и причины неисполнения. Второй вопрос касается причин длительной стабильности и универсальности представленных нормативов. Сделан вывод, что подобная стабильность не вполне адекватна требованиям «места и времени», т. е. особенностям национальной и конкретно-исторической ситуации.

Ключевые слова: рациональная бюрократия, принципы поведения госслужащих, кодексы и нормы этики, гильотина Юма, принципы причинности и вменения, стабильность этических норм.

Этика государственных и муниципальных служащих репрезентирована в этосе госслужащих и кодексах этики. Рассмотрим нормативный потенциал текстов М. Вебера в контексте вопроса об их влиянии на формирование и усвоение этических норм. Наибольшее значение для данного анализа имеют теория рациональной бюрократии, изложенная в работах «Хозяйство и общество», «Теория социальной и экономической организации», в статье «Парламент и правительство в преобразованной Германии», а также статья «Политика как призвание и профессия».

Проблемы, актуальные для данной статьи, таковы: «Насколько необходимы тексты Вебера для формирования этики государственных и муниципальных служащих?», «И необходимы ли вообще?», «Какие функции выполняют эти работы, какие задачи решают?».

Обратимся к текстам, моделирующим принципы рациональной бюрократии. В «Теории социальной и экономической организации» даются такие формулировки этих принципов:

Государственные служба сохраняет преемственность при смене политического руководства благодаря аполитичности государственных служащих.

Деятельность бюрократической организации регулируется последовательной сменой абстрактных правил, системой стандартов. Их разработка вызвана необходимостью обеспечить единообразие в выполнении заданий.

Идеальный руководитель должен управлять своими подчиненными в духе формальной безличности, «без гнева и пристрастия». Нормальное функционирование организации исключает присутствие личных соображений и эмоций.

Служба понимается как «карьера», как система продвижения в соответствии со старшинством или успешной деятельностью. Такая кадровая политика развивает «корпоративный дух» у служащих, воспитывает у них лояльность по отношению к организации.

Бюрократическая организация позволяет достичь наивысшей степени эффективности за счет точности, дисциплины, надежности и применения расчетов и вычислений [1, С. 259].

Характерно, что данные положения, сформулированные в начале прошлого века, находят почти дословное отражение в кодексах этики госслужащих, как России, так и других стран. Например, пункт «11 з» «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (далее – Кодекс) требует «соблюдать беспристрастность, исключающую возможность влияния на их служебную деятельность решений политических партий и общественных объединений». В соответствии с пунктом «13» «государственные (муниципальные) служащие в своей деятельности не должны допускать нарушение законов и иных нормативных правовых актов, исходя из политической, экономической целесообразности либо по иным мотивам» [2]. В данном случае мы имеем дело с современной интерпретацией принципа аполитичности. Реализацией принципа «формальной безличности» является пункт «11 г», требующий «не оказывать предпочтения, каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций» [2].

Можно показать и современные проекции принципов этики, представленных в работе М. Вебера «Политика как призвание и профессия» [3]. Прежде всего, они касаются различения «чиновников-специалистов» и «политических чиновников». В этом тексте показано различие их статусов, целей и ответственности; повторяется и развивается мысль о необходимой аполитичности чиновников-специалистов, их независимости от политической власти. Характерно, что Вебер описывает и вскрывает скрытые коллизии и проблемы, порожденные реализацией принципа аполитичности исполнительной власти. Он акцентирует преимущество чиновника-профессионала (особенно чиновника высшего ранга) по сравнению с политиком, связанное с неформальным информационным и коммуникационным обеспечением. Это преимущество возникает благодаря тому, что чиновник-профессионал занимает свою должность гораздо более длительное время, чем сменяемый политик, который

тратит большое время на адаптацию и организацию своего информационного и коммуникационного пространства.

«Само собой разумеется, – пишет Вебер – профессионально обученный ответственный референт и советник-докладчик был, например в министерстве образования Пруссии при Альтхоффе, гораздо более информирован, чем его шеф, относительно подлинных технических проблем дела, которым он занимался. Аналогично обстояли дела в Англии. Таким образом, чиновник-специалист и в отношении всех обыденных потребностей оказывался самым могущественным» [3].

Интересно, что описанная коллизия, актуальна и для современного государственного управления. Её, применительно к Великобритании, описывает, например, В. В. Овчинников в книге «Корни дуба». «Постоянный секретарь не только лучше оплачивается, чем его сменяющиеся шефы. Он больше знает и больше может. Он неизмеримо превосходит своего начальника компетентностью в отношении проблем и людей, ошибок прошлого и возможностей на будущее. Может ли министр, пришедший в департамент на два-три года, войти в курс дела так же глубоко, как постоянный секретарь?... На Уайтхолле шутят, что дело министра – держать ружье, а куда целиться и когда спускать курок – дело постоянного секретаря» [4].

Обнаруженные связи, с одной стороны, между характеристиками (хотя и идеальными) бюрократической системы и нормами, предписывающего характера, а, с другой стороны, между принципами, сформулированными примерно сто лет назад, и современным состоянием дел, порождают как минимум два следующих вопроса. Первый вопрос касается корректности перехода от описания к предписанию, второй – связан с выяснением причин консерватизма этического сознания.

Обратимся к первому вопросу. Описание принципов рациональной бюрократии осуществлено в предмете социологии и носит, как и любое научное исследование, дескриптивный характер, в то время как нормы этики имеют статус долженствования, являются нормативными суждениями. Как известно, проблема корректности перехода от описания к предписанию была впервые поставлена в работах Д. Юма. Она отражена в т. н. «гильотине Юма» - методологическом принципе, констатирующем логическую несовместимость суждений существования (со связкой «есть») и суждений долга (со связкой «должен»). «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно или не должно. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна» [5, С. 229–230].

Тезис о невыводимости «должного» из «сущего» получил свое развитие в дуализме бытия и долженствования Марбургской школы неокантианства, в аналитической философии (в метаэтике), а также в философско-правовой мысли.

Так, известный юрист и философ, основатель нормативизма в теории права, Г. Кельзен различает принципы причинности и вменения, относя первый к научному мировоззрению, а второй – к нормативным суждениям. Он утверждает, что принцип причинности не применим к нормативным знаниям, и не может объяснить действие норм. «Разница между причинностью и вменением, – пишет он – состоит во взаимоотношении между условием, которое в природе представлено как причина, и следствием, которое здесь представлено как результат, независимый от человеческого или сверхчеловеческого действия. В то время как отношение между условием и следствием, которое утверждается моральным, религиозным или юридическим законом, устанавливается действиями человеческих или сверхчеловеческих существ» [6, С. 55].

В теории чистого права Кельзен, повторяя логику Юма и неокантианцев, различает теории о сущем, выявляющие связи природного и социального мира, и теории о должном, изучающие нормативную регуляцию общественных связей. Если к первым относятся (в области социальных наук) социология, политология, психология, то ко вторым – право и этика. Тезис Кельзена заключается в запрете смешения этих двух теорий. В чистое право не должны «вторгаться» каузальные объяснения происхождения правовых и моральных норм, осуществляемые социологией и др. науками, их моральное обоснования и идеологические аргументы. Также положения теорий дескриптивного направления не могут быть посылками для выводов положений нормативных теорий. «…Основание юридической действительности нормы не может быть фактом, даже актом воли, создающим норму, а может быть только нормой, другой высшей нормой… Если мы спросим об основаниях действительности десяти заповедей, то есть о том, почему мы должны соблюдать десять заповедей, то обычный ответ будет – потому, что Бог сформулировал десять заповедей. Но такой ответ, соответствующий факту, не является верным. Правильный ответ, соответствующий норме, будет “потому что мы должны соблюдать требования Бога”» [6, С. 67–68].

Возвращаясь к вопросу о формировании этики госслужащих, обнаруживаем нарушение описанных различений и запретов. Ведь, как было показано выше, описание социологического толка (принципы рациональной бюрократии) непосредственно отражается в нормах этики. Какие же выводы можно сделать из нарушения запрета? Оно опровергает выводы «гильотины Юма», или выявленные связи случайны? Во втором случае изучение текстов Вебера не имеет никакого отношения к усвоению этических норм.

Однако являются ли тексты Вебера, репрезентирующие принципы рациональной бюрократии, описанием в чистом виде? По-видимому, нет. Во-первых, они носят характер идеальной модели, что уже несёт отпечаток нормативности. Во-вторых, они содержат нормативные вводные, поскольку, представляя социальный институт, содержат определенные требования для государственного служащего. Все это свидетельствует о том, что в текстах, носящих, на первый взгляд, описательный характер, неявно присутствуют суждения нормативной модальности.

Одно из возможных подтверждений данных выводов находим мы в институциональной концепции Дж. Сёрля. Сёрль разграничивает моральные факты и т. н. «грубые факты», т. е. факты, которые не зависят от человеческих институтов. Моральные или, по терминологии Сёрля, институциональные факты предполагают существование определенных институтов как конституирующих правил. При этом Сёрль утверждает, что не существует институтов и институциональных фактов без соответствующего деонтологического содержания [7, P. 91]. Наличие заданных институтами правил определяет набор обязательств. Сёрль приводит пример из области игры в шахматы и футбол. Если вам поставлен шах, вы должны вывести из-под него короля, если футболист получил две желтые карточки, то он должен покинуть поле [8, P. 186]. Таким образом, постулируется, что в некоторых системах конституирующих правил «должно» может быть выведено из «есть». Если согласиться с выводами Сёрля, связь описания института бюрократии с нормами, зафиксированными в Кодексе, не случайна, и изучение текстов Вебера вполне уместно в контексте усвоения этих норм.

Конкретизировать назначение исторического и социологического анализа можно, обратившись вновь к содержанию работы Вебера «Политика как призвание и профессия». Анализ этого текста помогает определить смыслы принципов идеальной модели бюрократии и, соответственно, смыслы этических норм. Так, Вебер описывает период, когда государственная служба не была независимой от выбранной власти. «Дилетантское управление делящих добычу политиков, которое в Соединенных Штатах заставляло сменять сотни тысяч чиновников – вплоть до почтальонов – в зависимости от исхода президентских выборов» не знало несменяемых профессиональных чиновников [3]. Далее Вебер отмечает, что эта практика показала свою экономическую и социальную неэффективность и была отменена. Таким образом, Вебер раскрывает смысл принципа независимости госслужбы (а мы – и смысл этической нормы) через представление позитивных последствий его реализации или негативных его отсутствия. Заметим, что другой ситуацией, когда оказывается необходим социологический или другой каузальный анализ – это ситуация разрыва деятельности, неисполнения нормы. В том случае, если норма не выполняется, необходимо включение исследования, определяющего причины её неисполнения.

В целом социологический анализ направлен на выявление смыслов норм - рассмотрение ситуаций их применения. Бок о бок с ним идёт исторический анализ процесса формирования той или иной нормы. Так, в статье «Политика как призвание и профессия» прослеживается история формирования госслужбы в Западной Европе, Китае, Египте, Индии, Японии и др. странах. Показаны социальные группы, послужившие основой этого института. Речь идет о клириках; грамматиках; придворной знати; патрициате, включающим в себя мелкое дворянство и городских рантье, юристах, получивших университетское образование. Сравнительный анализ с процессами формирования госслужбы в России показывает существенные различия в социальной базе этих институтов. Основной социальной группой, из которой формировалась российская государственная служба, была придворная знать: сначала княжеская дружина,

потом бояре и государев двор. И только, начиная с реформ Петра I, к требованиям знатности и потомственного дворянства добавляется образовательный ценз. Гораздо позже на госслужбе появляются юристы и представители местной элиты.

Сравнение истории формирования госслужбы в России и других странах позволяет более четко обозначить фактические различия принципов функционирования этих институтов и реальных норм организационной культуры, а, соответственно, и сформулированных в этических кодексах нормативов. В настоящее время нормы этического кодекса российской госслужбы носят достаточно абстрактный и универсальный характер, практически не отражают национальную специфику. Корректировку кодекса в этом смысле можно осуществить только на основе исторического, социологического, политологического и т. п. анализа.

Второй поставленный ранее вопрос касается стабильности этических норм, зафиксированных в Кодексе. Многие из них действительно отражают принципы рациональной бюрократии Вебера. Но эти принципы были сформулированы более 100 лет назад. Неужели же государственная служба, даже в своем идеальном воплощении (и, соответственно, этические нормы), не изменилась за столько лет? Представляется, что, несмотря на консерватизм данного института, эти изменения всё-таки есть, и они весьма существенны. Так, в рамках исполнительной власти расширилась сфера самостоятельных решений, усмотрительных отношений, повысилась значимость горизонтальных связей, интерактивных технологий принятия решений и работы с населением. Почему же эти изменения не нашли отражения в модельных и типовых кодексах этики? Представляется, эта работа еще будет сделана, и она будет невозможна без обращения к научному анализу.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, изучение текстов М. Вебера (а шире – и других исследований на эту тему, проведенных в предмете социологии, политологии, психологии и других научных дисциплин), посвященных принципам и истории формирования рациональной бюрократии, адекватно задачам создания, корректировки и усвоения этических норм поведения государственных служащих. Во-вторых, этические нормы в значительной степени коррелируют с принципами и характеристиками функционирования института государственной службы. В-третьих, задачи, которые позволяют решать каузально ориентированные исследования, сводятся к следующим: выявление смысла этических норм (ситуаций и последствий их применения и неприменения); обнаружение коллизий, связанных с функционированием этических норм, причин их неисполнения; корректировка норм в плане учета национальной специфики на основе сравнительного анализа истории формирования госслужбы в разных странах; изменение этических норм с учётом динамики внешних вызовов и реальной эволюции института госслужбы.

Список литературы

1. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. – N. Y., Oxford University Press, 1961. – 657 p.
2. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по

противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21). Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: // http://legalacts.ru/doc/tipovoi-kodeks-etiki-i-sluzhebnogo-povedenija-gosudarstvennykh/ (Дата обращения: 08.09.2018).
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия. URL: http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID (Дата обращения: 15.10.2018).
4. Овчинников В. В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах. URL: http://readli.net/chitat-online/?b=91537&pg=1 (Дата обращения: 15.10.2018).
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С. И. Церетели; примеч. И. С. Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1995. – 799 с.
6. Кельзен Г. Причинность и вменение // Дидикин А. Б. Философское и правовое наследие Ганса Кельзена. Сборник статей и материалов / А. Б. Дидикин. – Екатеринбург: Издательские решения, 2018. – С. 46–65.
7. Searle J. R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 208 p.
8. Searle J. R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.

Fahrutdinova A. S. M. Weber's Texts in the Context of Forming the Ethics of Civil Servants // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 154–160.

Representations of M. Weber's bureaucracy characteristics in modern codes of ethics and official behavior are revealed. A number of issues are being discussed in this context. The first question is the problematization of the correlation between rational bureaucracy principles and ethics, which is essentially a "forbidden" transition from “essence” to “due”. It turns into a problem of legitimacy of inclusion of sociological, political, psychological, etc. research into the theory of normative plan. It is shown that these studies are appropriate in a number of situations: they allow to reveal the meaning of the norm, to show the factors of its formation and the causes of non-fulfillment. The second question concerns the reasons for the long-term stability and universality of the presented standarts. It is concluded that such stability is not quite adequate to the requirements of "place and time", i.e. the peculiarities of the national and historical situations.

Keywords: rational bureaucracy, principles of behavior of civil servants, codes and norms of ethics, Hume's guillotine, the principles of causality and imputation, stability of ethical norms.

References

1. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N. Y., Oxford University Press, 1961, 657 p.
2. Tipovoj kodeks ehtiki i sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih Rossijskoj Federacii i municipal'nyh sluzhashchih (odobren resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po protivodejstviyu korrupcii ot 23 dekabrya 2010 g. (protokol N 21). Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii [The Model Code of Ethics and Service Conduct of State Employees of the Russian Federation and Municipal Employees (Approved by the Decision of the Presidium of the Presidential Council for Anti-Corruption of December 23, 2010]. URL: // http://legalacts.ru/doc/tipovoi-kodeks-etiki-i-sluzhebnogo-povedenija-gosudarstvennykh (Accessed 08.09.2018).
3. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation and Profession]. URL: http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID (Accessed 15.10.2018).
4. Ovchinnikov V. V. Korni duba. Vpechatleniya i razmyshleniya ob Anglii i anglichanah [The Oak Roots. Impressions and Reflections on England and the British]. URL: http://readli.net/chitat-online/?b=91537&pg=1 (Accessed 15.10.2018).
5. Yum D. Traktat o chelovecheskoj prirode [Treatise on Human Nature]. Moscow, Mysl' Publ., 1995, 799 p.
6. Kel'zen G. Prichinnost' i vmenenie [Causality and Imputation]. Ekaterinburg, Izdatel'skie resheniya Publ., 2018, pp. 46–65
7. Searle J. R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford, Oxford University Press, 2010, 208 p.
8. Searle J. R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, Cambridge University Press, 1969, 203 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 161–170.

УДК 008:1

МЕТАВИРТУАЛИЗМ ИДЕТ НА СМЕНУ ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Донская Е. В.[1], Элькан О. Б.[2]

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

[1]E-mail: elenadonskaja@mail.ru

[2]E-mail: elkanolga@gmail.com

В статье вводится понятие «метавиртуализма». Оно означает современное состояние культуры, сменяющее постмодернизм. Культура постмодерна во многом противоречит естественному ходу развития мировой культуры, существует в ирреальной форме, скрывающей содержательную беспомощность многих постмодернистских художественных произведений. В научной литературе можно обнаружить различные попытки определения наступающей культурной эпохи: «альтермодерн», «трансмодерн», «метамодерн», «постпостмодерн». Но эти определения поверхностны, нечетки и технократичны. В статье приводятся веские основания, позволившие заметить современную трансформацию культуры в новое состояние, и обозначить его концептом метавиртуализма. Метавиртуализм следует понимать не только как культурное направление, но и как художественный сверхязык. Посредством этого нового языка вводятся создаваемые автором образы и образные конструкции, формирующиеся в процессе извлечения из виртуального слоя интертекста и окружающей реальности ранее созданных разнообразных образов и образных конструкций. Метавиртуализм позволяет формировать художественное произведение на основе тезауруса образов и знаний виртуального слоя интертекста, обеспечивает трансляцию замыслов произведений в материальные тексты. В статье изложены ключевые характеристики метавиртуализма, приведены сравнительные признаки отличий метавиртуализма от постмодернизма

Ключевые слова: воинствующий постмодернизм, постпостмодернизм, метавиртуализм.

Введение. Воинствующий постмодернизм и общество

Под воинствующим модернизмом [1, С. 4] понимается упорное отстаивание его положений и активная позиция противостояния его противникам. В аналогичном смысле всё чаще употребляют словосочетание «воинственный постмодернизм». Воинствующий постмодернизм принципиально не направлен на получение новых смыслов. Не углубляясь в философскую глубину корреляций между хаосом и случайностью, случайностью и отсутствием закономерностей, закономерностями и смыслом, отметим главное: воинствующий постмодернизм под любым предлогом отчаянно отстаивает пустоту и никчемность.

В философии постмодернизма есть некоторые конструктивные содержательные находки, однако в качестве идеологии культуры постмодернизм оказался несостоятельным и деструктивным. В своей работе «Постмодернизм, или Логика

культуры позднего капитализма» Фредерик Джеймсон пишет: «Постмодернизм не является культурной доминантой совершенно нового социального порядка (слухи о котором под названием “постиндустриальное общество”, появились несколько лет назад), он всего лишь рефлекс и сопутствующее ему самому еще одно системное изменение самого́ капитализма. Нет ничего удивительного в том, что лоскутки старых аватаров – реализма, модернизма – оживают, чтобы быть упакованными в роскошные атрибуты своего предполагаемого преемника» [2, С. XI]. В научной литературе можно обнаружить различные попытки определения наступающей новой культурной эпохи [3, С. 34], что говорит об *актуальности* научной проблемы, рассматриваемой в данной статье.

Воинствующий постмодернизм создаёт не художественные произведения, а так называемые «проекты». На глазах удивлённого непротивлением постмодерну человечества («общества мёртвых зайцев») рождается мир этих самых проектов: от бессмысленных инсталляций до самого́ постмодерна в целом как либерально-буржуазного глобального проекта. Не бродит по Европе, а гордо реет над миром воинствующая постмодернистская квинтэссенция свободы. Воинствующим постмодернизмом выдана индульгенция всему, даже бездарности, пошлости и цинизму. «Пристальный интерес к безобразному выливается в его постепенное “приручение” посредством эстетизации, ведущей к размыванию его отличительных признаков» [4, С. 19].

Свобода творца, декларируемая воинствующим постмодерном, снимает с автора все ограничения, вплоть до тех, которые отличают человека от животного. Как отчаянно держатся неолибералы за эту самую свободу! Только скажите им: «Прикройте срам», – и немедленно в ответ: «Защитите от ограничивающего свободу режима!».

К воинствующим постмодернистам можно отнести талантливого писателя В. Сорокина. При чтении некоторых его текстов [5] охватывает ужас от деталей, сравнимых разве что с наполненным самым мерзким из всего, что только возможно придумать, «Фонтаном» М. Дюшана.

Известный художник-постмодернист Йозеф Бойс говорил, что когда люди спрашивали его, является ли он художником, он отвечал, что он не художник; точнее, художник в той же степени, в какой является художником каждый человек, не больше и не меньше. Но если каждый человек – художник, то, естественно, учиться ничему не нужно: садись и размазывай по холсту…

Несмотря на жёсткую критику воинствующего постмодернизма, в соответствующий период существования общества и развития культуры появлялись и продолжают появляться заслуживающие внимания и обладающие несомненной художественной ценностью произведения, которые можно назвать постмодернистскими лишь условно. Более того, «черты постмодернистского творчества обнаруживаются у Пушкина, Данте и далее вглубь веков вплоть до Гомера. Постмодернизм и модернизм – это не ограниченные во времени художественные стили, а разные художественные принципы, реализуемые на протяжении всей известной нам истории искусств» [6, С. 68].

В искусстве XX и начала XXI веков существовало и существует множество авторов и художественных произведений, которых постмодернизм не коснулся, словно его и не было. Укажем только некоторые из них. Например, современный американский художник-акварелист Стив Хэнкс. Отличный рисовальщик, Хэнкс окончил Художественную Академию в Сан-Франциско. На его акварелях отражены образы женской красоты, материнства, чистоты и веры в добро входящего в мир ребёнка. И всюду – образ солнечного света, животворящей воды. Каждое произведение Хэнкса не просто исполнено смысла. Его смыслы и ценности – безоговорочные, неоспоримые. Художник называет свой индивидуальный стиль «эмоциональным реализмом» и считает своей целью изображений эмоций. Он говорит: «I've tried to be responsible and put positive images out into the world (Я стараюсь быть очень ответственным и добавить своим творчеством положительные образы в наш мир)» [7].

Несмотря на то, что в некоторых сочинениях Альфред Шнитке использует музыкальные цитаты из классических и даже популярных музыкальных произведений лёгкого жанра (что является признаком интертекстуальности), отнести его к постмодернистам было бы ошибкой. «Музыка Шнитке – феномен особого рода. Мы чувствуем в его сочинениях многое из того, что составляет духовную атмосферу времени; в них сплавлены и отражены разные проблемы, воспринятые художником отовсюду. Для Шнитке не существует “своего” и “чужого”, старого и нового – так же как не существовало этих понятий для Джойса, Эйнштейна, Элиота, Стравинского, расширивших наши представления о единстве мира и универсальном характере человеческой культуры» [8, С. 8].

Без оглядки на идеологию воинствующего постмодерна создаёт свои замечательные произведения один из лучших современных российских писателей Захар Прилепин. Его роман «Обитель», о котором ещё пойдёт речь ниже, несомненно, будет вехой в истории русской литературы. Вне постмодернистского смога существуют эпохальные романы и повести Владимира Маканина, яркие произведения молодого прозаика Александра Снегирёва.

Постпостмодернизм и другие декларации

Что же грядёт, если постмодернизм – просто симулякр, пустышка, «спектакль» для отвода глаз? В литературе можно обнаружить различные попытки определения наступающей культурной эпохи: альтермодерн, трансмодерн, метамодерн, постпостмодерн и др. [9, С. 20]. Но эти определения, к сожалению, очень поверхностны, нечётки и слишком «засорены» понятиями, производными от виртуальных сетей и гаджетов, иначе говоря, замутнены «смогом» современного технократизма.

Т. Вермюлен и Р. Аккер в работе «Notes of Metamodernism» [10, С. 1–14], отказываясь от постмодернизма, определили новое направление как метамодернизм. Метамодерн, согласно определению его авторов, позиционирует себя как «a-topic metaxis». Греческое слово atopos (ατοπος) переводится как странный, экстраординарный, парадоксальный (хотя многие авторы придают слову atopos буквальное значение «не имеющий места»). Слово metaxis (μεταχύ – между)

использовалось Платоном для обозначения понятия сложного состояния человека, характеризующегося проявлением единственности и множественности, вечности и времени, свободы и судьбы, инстинкта и интеллекта и других полюсов миропонимания. Таким образом, можно представить a-topic metaxis как парадоксальную многополюсность (многополярность). Если модернизм предполагает упорядочение во времени, а постмодерн приводит к пространственному разупорядочению, то метамодерн следует понимать как пространственно-временной континуум, не являющийся одновременно ни упорядоченным, ни неупорядоченным. Метамодернизм перемещает сущности настоящего в будущее, лишенное ориентиров и признаков, и совмещает пределы нашего нахождения с сюрреалистическим местоположением, которого в действительности нет. Судьба метамодерна – гнаться за всегда убегающим горизонтом [10, С. 12].

Метамодернизм характеризуется проявляющимися чертами неоромантизма, а романтизм всегда сопутствует высокому искусству. «Мы привыкли связывать с романтизмом представление о своеобразном искусстве, эмоциональном и мечтательном; искусстве, черпающем свои эффекты загадочности, волнующей наши ожидания, пробуждающем в нас тоску по недостижимо-волшебно-далекому; и вместе с этою тоской – подозрение в существенности окружающего нас мира, который любопытен романтику лишь теми причудливыми, то пугающими, то забавными бликами, что рассыпает по нему волшебное зеркало нечто прозревающей, но в то же время и грустно смеющейся над своими прозрениями необузданной фантазии» [11, С. 254]. Говоря о метамодернизме, нельзя не вспомнить слова Новалиса о том, что мир должен быть романтизирован, и в этом случае его изначальный смысл будет переоткрыт.

Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает совокупность концепций, получивших название «постпостмодернизм». «Постпостмодернизм, в отличие от модернизма и постмодернизма, выдвигает некоторые новые эстетические и художественные каноны, а не те или иные общие подходы к эстетическому; он стремится создать принципиально новую художественную среду» [12, С. 22]. Постпостмодернизм базируется на трёх основных составляющих: виртуалистике, технообразах и транссентиментализме.

Виртуалистика понимается как нечто в широком смысле замещающее реальность. Эта составляющая объективно должна быть выдвинута на первый план как отчетливо характеризующая наступившее состояние общества.

Технообразы интерпретируются как нематериальные (виртуальные) динамические объекты, создаваемые в виртуальном пространстве и изменяемые множеством имеющих доступ к этим объектам людей [13, С. 67–70]. Упор при введении понятия технообразов делается именно на особенности их распространения. Но следует отметить, что технократическое ударение (в определении этой составляющей) постпостмодернизма, вообще говоря, несвойственно для парадигм культурных эпох.

Транссентиментализм (представляется, что это неудачно выбранный термин) понимается как возвращение к лиризму, высоким идеалам, к концепту светлого

будущего, но без иронии, свойственной постмодернизму. Эта составляющая отражает ощутимую сегодня тенденцию к возвращению к подлинной культуре, гуманизму, красоте и человеческой гордости.

Постпостмодернизм в целом выражает позитивные тенденции в развитии культуры, он «во многом дистанцировался от постмодернистского спора с классической эстетикой, предложив инновационное видение эстетического поля в целом – его фактуры, концептуализации, восприятия. “Большой виртуальный поворот” открыл перед нонклассикой новые горизонты, актуализировал эвристические подходы к исследованиям эстетического и художественного» [12, С. 333]. Но всё же приставки «пост», «постпост» (и далее – «постпостпост»?) представляются уже до непригодности изношенными и тривиальными, поскольку не несут никакого смысла, кроме того, что указывают лишь на следование после чего-либо чего-то другого.

Метавиртуализм

Понятие метавиртуализма нами вводиться для того, чтобы обозначить новое, сменяющее постмодерн, состояние культуры. Начать раскрытие парадигмы метавиртуализма уместно с разбора самого его названия. Приставка «мета» (μετά – дословно: после, за, через) является частью многих сложных слов и обозначает промежуточность, следование за чем либо, перемену состояния, однако используется гораздо шире. В термине «метавиртуализм» эта приставка используется для придания такого же смысла, как в слове «метаязык» – язык, средствами которого исследуются и описываются свойства другого языка, обычно называемого предметным или объектным. Слово виртуальность (от лат. virtualis – возможный) означает объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Эти условия по-разному эксплицируются в различных подходах к виртуальности. «При онтологической трактовке виртуальность рассматривается как некоторое потенциальное состояние бытия, наличие в нем определенного активного начала, предрасположенность к появлению некоторых событий или состояний, которые могут реализоваться при соответствующих условиях» [14, С. 404]. Следует упомянуть для полноты рассмотрения проблемы, что среди коннотатов предлагаемого концепта метавиртуализма, конечно, помимо этимологического значения виртуальности как возможного, но еще не действительного состояния объекта, существует также толкование понятия virtus как некой созидающей силы.

Метавиртуализм следует понимать не только как культурное направление, но и как художественный сверхязык, позволяющий описывать новые создаваемые автором образы и образные конструкции, порождаемые в процессе извлечения из образного виртуального слоя интертекста и окружающей реальности разнообразных уже созданных ранее образов и образных конструкций, и обеспечивающий трансляцию произведений в материальные тексты. Метавиртуализм – течение, связанное с созданием произведений на основе тезауруса образов и знаний виртуального слоя интертекста [15] путем их преломления, обобщения и

соединения с образами реального мира. Метавиртуализм предполагает новый, существенно более развитый уровень семиозиса.

Одной из основополагающих концепций метавиртуализма является двухуровневая интертекстуальность, предполагающая, что интертекст содержит два уровня: нижний, традиционный, состоящий из элементов, которые имеют конкретное воплощение, и верхний, виртуальный уровень – образное пространство. Существование нижнего уровня не требует пояснений: это – тезаурус материальных текстов культуры. Существование верхнего уровня доказывается самим фактом образности творческого процесса: музыка может быть «задумана», сюжет – вымышлен, сцена спектакля – представлена мысленно до её реализации. Верхний уровень интертекста – это виртуальный тезаурус образов, связей между ними, образных конструкций, носителем которого является совокупное сознание социума. С позиций такого представления интертекстуальность – это реализуемая способность к пониманию и использованию связей как между материальными текстами культуры, так и между сложившимися в виртуальном тезаурусе образами, основанная на прямой и обратной трансляции пространства материальных текстов в пространство образов. При этом коды культуры представляются конструкциями образного языка [15, С. 88–89].

Теперь можно перейти к истокам и декларации метавиртуализма.

Переход к эпохе метавиртуализма в значительной мере связан с категорией сложности. Согласно современным философским представлениям, категория сложности отражает глубинную логику развития мира [16] и, следовательно, – культуры. Категория сложности непосредственно связывается с огромным, превышающим вообразимое человеком числом объектов, явлений, понятий. А количество произведений, текстов, а главное – образов, идей и связей между всеми этими элементами двухуровнего интертекста уже сегодня необозримо велико. Поэтому и автор, и зритель (читатель, слушатель) должны иметь высокий уровень знаний, подготовленности. Представляется, что постмодернизм как раз избегал соответствовать этому требованию высокого уровня подготовленности, уводя общество в мир поп-культуры. Создавая инсталляции, автор-постмодернист мог не знать, например, живопись итальянского Возрождения и не понимать работы Филонова или Шагала, даже ничего не знать о Пушкине и Чайковском. В метавиртуализме подобное неприемлемо.

В современном обществе всё явственнее проявляется, говоря словами О. Мандельштама, «тоска по мировой культуре», высоким её образцам; стремление к культуре, в основе которой – красота, гуманизм, добродетель. Зрительные залы театров и филармоний с таким репертуаром и исполнением заполнены; в последние годы всё более тянутся зрители и слушатели на выставки русской и зарубежной классики, художников импрессионистов; всё более популярны Моцарт, Чайковский, Россини, Чехов, Достоевский, Толстой. Перефразируя выдающегося поэта, можно сказать, что одна из причин возникновения метавиртуализма – тоска по высокой духовности.

Укажем определяющие черты метавиртуализма.

1. Высокий уровень подготовленности и творца, и воспринимающего творчество; их виртуальное сотворчество. «Первое, на что необходимо обратить внимание, восстанавливая связь между творцом и тем, кому предназначено его творчество, это на сотворчество воспринимающего, без которого теряет свое значение и само творчество. Автор (если это талантливый автор) всегда оставляет “нечто”, что дорабатывается, домысливается в восприятии зрителя, слушателя, читателя» [17, С. 4].

2. Виртуальный синтез образов и искусств – метаконструктивизм. Образы и образные конструкции синтезируются автором-творцом, основным инструментом которого является метаязык образов, позволяющий представлять произведения на высшем, образном уровне и затем транслировать их в реальные произведения.

3. Обилие смыслов. Лишенные смысла произведения, как угодно «загримированные» симулякры – разоблачаются и объявляются «мусорным псевдокультурным фоном».

4. Нетривиальность метавиртуальных конструкций. Художественное предложение воспринимающему домысливать представленные ему произведения.

5. Сложность как допустимое, неотвергаемое свойство. Простота допустима, только если произведение исполнено красоты и смысла.

6. Гибкость и множественность использования стилей и принципов – реализма, символизма, абстракционизма, симфонизма и др.

7. Гуманизм и романтизм.

Сравним признаки постмодернизма и метавиртуализма (табл. 1).

Постмодернизм	*Метавиртуализм*
В центре произведения нет смысла: пустота	В центре произведения – концентрация смысла
Принципиальный деконструктивизм	Принципиальный метаконструктивизм
Образ лишен смысла и содержания	Принципиальная содержательность образов как основы образного языка культуры
Отрыв от других направлений – реализма, модернизма и др.	Заимствование, обобщение и синтетическое развитие всех направлений
Смерть автора	Рождение автора новой формации
Таланта может и не быть; вплоть до того, что каждый человек – художник	Необходим талант, развивающийся на основе гигантского тезауруса знаний.
Образования может и не быть	Сверхобразованность
Сколь угодно широкая интерпретируемость (на пустом месте возможно всё)	Направленная интерпретируемость, порождаемая вложенным в произведение смыслом и образностью.
«Плоская» интертекстуальность по Кристевой	«Объёмная», двухуровневая интертекстуальность
Романтизм и постмодернизм практически несовместны	Романтизм: образы и мечты

Таблица 1.

Какие же авторы и произведения, на наш взгляд, следует отнести к представленному в данной статье направлению – метавиртуализму? Приведём несколько примеров.

Один из лучших современных прозаиков, талантливый российский писатель Захар Прилепин с его выдающимся романом «Обитель». Его произведения бесспорно присущи концентрация смысла, содержательность образов, образный метаконструктивизм, направленная интерпретируемость. Примером сложнейшей образной конструкции с псевдоиерархической структурой в этом романе может служить изображение Соловков. В социальном аспекте это прообраз всей России. Образная конструкция Соловков у Прилепина создается в полифонии судеб, голосов, мнений, которым соответствует набор выразительных подобразов. В процессе чтения текста различные подобразы могут выходить на первый план, подчиняя себе все остальные, вплоть до всеобъемлющего образа Соловков. Замечательно, в неореалистической манере Прилепин создал образ Владычки, который в определенные моменты прочтения романа выходит на первый план, становится огромным, возвышаясь над всеми остальными образами гигантской образной конструкции. «Предисловие и послесловие к произведению прямо указывают на подлинность рассказанной истории. Но их можно принять как реальное свидетельство, а можно расценить и как литературный приём, усиливающий установку на истинность происходящего и включающий изображаемые события в историческую перспективу. С учётом этого не имеет смысла решать вопрос о степени соответствия сюжета неким действительным фактам: перед нами реальность прежде всего художественная, и с этих позиций наиболее корректно её рассматривать. На наш взгляд, автор в любом случае поставил своеобразный художественный эксперимент» [18, С. 297].

Гениальный композитор XX века, недавно (в 2007 г.) ушедший из жизни основоположник музыкального направления «Религия в симфонизме» Алемдар Караманов. Его симфонии – это целые образные миры. Музыка Караманова способна «вызывать эффект “чувственного зрения”, зрительно видимых картин и образов. Композитор несколько неожиданно, даже парадоксально, сравнивал свои симфонии с балетами, называя их “великими балетами”. В такой своеобразной, “балетной”, по словам автора, форме, проходят перед внутренним зрением ритмизованные движения тем-образов» [19, С. 123]. «Алемдар Караманов едва ли не одним из первых выразил общую тенденцию поставангарда – отход от его крайностей в сторону умеренности и большей традиционности» [20, С. 137].

Выдающийся скульптор Михаил Шемякин, творчество которого отражает широчайший поиск, смелые эксперименты, новаторство в искусстве, несомненно, может считаться ярким представителем метавиртуализма. Он приглашает своими работами зрителя «к поиску “избирательного сродства» (выражение Гёте), пробуждая ассоциативную память. Мы начинаем внутренне “узнавать’ в работах Шемякина те образы, что знакомы нам с детства, что мы впитали в школе, в музее, мелькнувшими когда-то на экране телевизора, увиденные случайно в альбомах и журналах», – они вездесущи и постоянно аккредитованы в поле восприятия. И в этом, пожалуй, один из главных секретов притягательности его работ» [21, С. 222]. Шемякинский сфинкс с разорванным лицом – пронзительная образная конструкция, метафора культуры, противостоящей тирании, жестокости и бесчеловечности; гимн рождающемуся вопреки страданиям и любым преследованиям искусству.

Список литературы

1. Hatherley Owen. Militant Modernism / Owen Hatherley. – Winchester, UK: Zero Books, 2009. – 160 p.
2. Jameson Frederic. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism / Frederic Jameson. – Durham, NC: Duke University Press, 1991. – 461 p.
3. Kirby Alan. The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now. – 2006. – № 58. – pp. 34–37.
4. Маньковская Н. Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм. В кн.: Коллаж-2: Социально-философский и философско-антропологический альманах. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 18–25.
5. Сорокин В. Г. День опричника / В. Г. Сорокин. – М.: Захаров. – 2007. – 224 с.
6. Кузин В. И. Аватары постмодернизма // Идеи и идеалы. – 2016. – Том 2. – № 3(29). – С. 60–86.
7. Чувственные акварели Стива Хэнкса. ADME: сайт о творчестве. www.adme.ru/tvorchestvo-hudozhniki/chuvstvennye-akvareli-stiva-henksa-1086260/ (Дата обращения 15.09.2017)
8. Шнитке А. Беседы с Альфредом Шнитке / Сост. А. В. Ивашкин. – М.: РИК "Культура", 1994. – 304 с.
9. Беспалая О. П. После постмодерна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 20–23.
10. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – №2. – p. 1–14.
11. Иванов Вяч. Собрание сочинений в 4 т. / Вячеслав Иванов. – Брюссель, 1987. – Т.4. О Новалисе. – С. 252–278.
12. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
13. Коклен А. Эстетика перед лицом технообразов. Декоративное искусство // Диалог истории и культуры. – 2002. – № 1. – С. 67–70.
14. Рузавин Г. И. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. – Т.1. Виртуальность. – С. 404.
15. Донская Е. В. Двухуровневая концепция интертекстуальности и образный язык культуры // Международный научный центр "Сфера общественных наук": Культурология. – 2015. – № 1 (7). – С. 88–90.
16. Утробин И. С. Категория сложности в современной теории развития. Автореф. дис … докт. филос. наук / И. С. Утробин. – Пермь, 1993. – 40 с.
17. Лихачёв Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. – 1994. – №8. – С. 3–8.
18. Сухих О. С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – №1. – С. 297–304.
19. Быченкова М. А., Клочкова Е. В. К проблеме влияния религиозного источника на симфоническое и фортепианное творчество Алемдара Караманова // Проблемы музыкальной науки. – 2015. – №1 (18). – С. 120–125.
20. Холопов Ю. Н. 1994: Аутсайдер советской музыки: Алемдар Караманов // Музыка из бывшего СССР. – 1994. – № 1. – С. 120–138.
21. Петряков А. М. Михаил Шемякин. Зазеркалье Мастера / А. М. Петряков. – М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2007. – С. 214–224.

Donskaya E. V. Elkan O. B. Metavirtualism Takes the Place of Postmodernism // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 161–170.

The article declared metavirtualism going to replace postmodernism, a phenomenon that is contrary to the natural course of development of world culture and existing in a cloud of illusions that hides the emptiness, the insignificance and meaninglessness of most postmodern works. In scientific literature we can find different attempts to define the upcoming cultural epochs: altermodern, transmodern, metamodern, postpostmodern etc. But those definitions are superficial, vague and overloaded with concepts derived from virtual networks and gadgets, in other words, clouded the “smog” of modern technocracy. Today there is good reason to believe, that it originated a new direction in culture that could be called metavirtualism. Metavirtualism should be understood not only as a cultural direction but also as artistic super language describing newly created by the author patterns and pattern constructions generated in the course of extraction of image virtual layer of intertext and the surrounding reality a variety of existing images and pattern constructions, which broadcast the works in the material texts. Metavirtualism is a culture direction that associated with the creation of works

on the basis of a thesaurus of images and knowledge of the virtual layer of intertext. In the paper, distinctive features of metavirtualism are given, and the comparative features that distinguish postmodernism from metavirtualism are described.

Keywords: militant postmodernism, postpostmodern, metavirtualism

References

1. Hatherley Owen. Militant Modernism. Winchester, UK: Zero Books, 2000, 160 p.
2. Jameson Frederic. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism. Duke University Press, 1991, 461 p.
3. Kirby Alan. The Death of Postmodernism and Beyond. Philosophy Now, 2006, no. 58, pp. 34–37.
4. Man'kovskaya N. B. Ot modernizma k postpostmodernizmu via post-modernizm [From Modernism to Postpostmodernism via Postmodern]. V kn.: Kollazh-2: Sotsial'no-filosofskij i filosofsko-antropologicheskij al'manakh [In the book: Collage-2: Socio-philosophical and Philosophical-anthropological Almanac]. Moscow, 1999, IPh RAS, pp. 18–25.
5. Sorokin V. G. Den' oprichnika [Day of the Oprichnik]. Moscow, Zaharov, 2009, 224 p.
6. Kuzin V. I. Avatary postmodernizma [Avatars of Postmodernism]. Idei i ideally [Ideas and Ideals], 2016, Vol. 2, no. 3(29), pp. 60–86.
7. Chuvstvennye akvareli Stiva Khehnksa [Sensuous Watercolors of Steve Hanks]. ADME: sajt o tvorchestve [Site about Creativity]. URL: www.adme.ru/tvorchestvo-hudozhniki/chuvstvennye-akvareli-sti va-henksa-1086260/ (15.09.2017)
8. Shnitke A. Besedy s Al'fredom Shnitke [Conversations with Alfred Schnittke]. Moscow, RICS “Culture”, 1994, 304 p.
9. Bespalaya O. P. Posle postmoderna [After Postmodern]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanitarian, social, economic, and social Sciences], 2014, no. 3, pp. 20–23.
10. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. Journal of Aesthetics & Culture, 2010, no. 2, pp. 1–14.
11. Ivanov Vyach. Sobranie sochinenij v 4 t. [Works in 4 Vol.]. Vol.4. Brussels, 1987, pp. 252–278.
12. Man'kovskaya N. B. Estetika postmodernizma [The Aesthetics Of Postmodernism]. St. Petersburg, Alteya, 2000, 347 p.
13. Koklen A. Estetika pered litsom tekhnoobrazov [Aesthetics in the Face of Technical Images]. Dekorativnoe iskusstvo. Dialog istorii i kul'tury [Decorative Art. Dialogues of History and Culture], 2002, no. 1, pp. 67–70.
14. Ruzavin G. I. Virtual'nost' [Virtuality]. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Mysl’ Publ., 2000, 404 p.
15. Donskaya E. V. Dvukhurovnevaya kontseptsiya intertekstual'nosti i obraznyj yazyk kul'tury [Two-level Concept of Intertextuality and Figurative Language of Culture]. Mezhdunarodnyj nauchnyj tsentr "Sfera obshchestvennykh nauk": Kul'turologiya [International Research Center "Social Sciences": Culturology], 2015, no. 1(7), pp. 88–90.
16. Utrobin I. S. Kategoriya slozhnosti v sovremennoj teorii razvitiya [Category of Complexity in the Modern Theory of Development]. Extended abstract of doctor’s thesis, Perm' State Univ., 1993, 40 p.
17. Likhachyov D. S. Kul'tura kak tselostnaya sreda [Culture as an Integral Environment]. Novyj mir [New World], 1994, no. 8, pp. 3–8.
18. Sukhikh O. S. Roman Z. Prilepina «Obitel'»: poetika khudozhestvennogo eksperimenta [Roman Z. Prilepin "Abode": the Poetics of an Artistic Experiment]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 1, pp. 297–304.
19. Bychenkova M. A., Klochkova E. V. K probleme vliyaniya religioznogo istochnika na simfonicheskoe i fortepiannoe tvorchestvo Alemdara Karamanova [To the Problem of the Influence of the Religious Source on Symphonic and Piano cCompositions of Alemdar Karamanov]. Problemy muzykal'noj nauki [Problems of Musical Science], 2015, no. 1(18), pp. 120–125.
20. Kholopov Yu. N. 1994: Autsayder sovetskoj muzyki: Alemdar Karamanov [The Outsider in Soviet Music: Alemdar Karamanov]. Muzyka iz byvshego SSSR [Music from the Former USSR], 1994, no. 1, pp. 120–138.
21. Petryakov A. M. Mikhail Shemyakin. Zazerkal'e Mastera [Mikhail Shemyakin. Through the Looking Glass of Master]. Moscow, OLMA Media Group, 2007, pp. 214–224.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 171–178.

УДК: 316.25:165.612

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Новак Н. И.

Луганский национальный аграрный университет, г. Луганск

E-mail: nktnovak@mail.ru

В статье проводится анализ функциональных особенностей традиции, как важного аспекта бытия целостной системы общества. Проблемным полем исследования традиции является ее актуальность в современном мире, в котором происходят процессы глобализации и рост информационных технологий, способствующих разрушению социокультурной идентичности. Автор рассматривает традицию как духовное явление, как особый информационный канал, который посредством обмена опытом содействует социализации личности, наделяя её ценностными ориентирами, формируя менталитет и оказывая влияние на социальную деятельность субъектов определенного культурного типа. Культурная традиция интерпретируется автором в качестве феномена, способствующих сохранению духовной культуры и ценностных ориентиров в условиях быстрых изменений в социальном пространстве. Называются несколько атрибутов культурной традиции в обществе, которые могут обеспечить процесс социализации личности посредством накопления и передачи знаний, умений и навыков последующим поколениям, что, в свою очередь, создаст условия для устойчивости социального пространства и его структуры

Ключевые слова: традиция, культура, социальное действие, функция, культурная ориентация.

Постановка проблемы: В контексте существования постиндустриальной цивилизационной парадигмы актуальным условием существования социальной и культурной идентичности представляется культурное и историческое прошлое как источник самосознания народа. Феномен традиции играет важнейшую роль в процессе стабилизации социокультурной реальности; наряду с инновацией она является одним из основных факторов социокультурной динамики. Исходя из данного утверждения, культурную традицию мы можем определить как испытанную временем систему бытия социокультурной действительности, которая не только воспроизводит социальную практику, но и обеспечивает её деятельность.

В настоящее время функциональные особенности культурной традиции в современном обществе стали предметом исследования ряда авторов: А. У. Арсельгова, В. В. Анохина, С. В. Дробовцевой, Е. А. Сергодеевой.

А. У. Арсельгов считает, что традиция в современных социокультурных условиях представлена групповым опытом, который в коллективе одной цивилизационной модели воспроизводит направленность культурной деятельности её субъектов [1]. В. В. Анохин рассматривает традицию в современном социокультурном пространстве как явление, обеспечивающее стабильность развития общества посредствам реинтеграции культурных образцов для решения новых проблемных задач, а опыт поколений содействует адаптации индивида к

современным социокультурным условиям [2]. С. В. Дробовцева определяет традицию как феномен, сформировавшийся в процессе антропогенеза в период перехода от коллективного опыта к индивидуальному [3]. Е. А. Сергодеева, анализируя функциональную основу традиции, рассматривает её как элемент формирования социокультурной идентичности в современной постмодернистской культурной парадигме. В сущности, автор подчеркивает то, что современный плюрализм традиции способствует рефлективности субъекта, при котором он сам формирует свою социокультурную идентичность в условиях коммуникации традиций [4].

Таким образом, исследования функциональных особенностей традиции в современных социокультурных условиях является актуальным в связи с ростом информационных технологий и процессов глобализации, влияющих на социокультурную действительность.

Целью данной научной статьи является исследование функциональных особенностей традиции и влияние ее на современное состояние социокультурного пространства.

В перспективе достижения поставленной исследовательской цели, выступают нижеследующие **задачи:** исследовать понимание культурной традиции как информационного канала, способствующего передачи опыта между поколениями; определить ее влияния на социализацию личности; провести анализ традиции как социокультурного феномена, стоящего у истоков социального действия индивида; обозначить главные атрибуты её существования в современном социокультурном пространстве.

Основная часть. Традиция представляется связующим звеном между поколениями, которая осуществляет собирательную и воспроизводящую функцию, исполняя роль информационного канала, который способствует сохранению общества как целостной формации. В свою очередь на данную интерпретацию традиции как элемента, стоящего у истоков стабильного существования общества, обращали внимание представители функционализма А. Рэдклиф – Браун [5] и Б. Малиновский [6]. Так, по их мнению, традиция представляется как система выработанных в ходе исторического развития человечества определенных функций, выполняющих задачу сохранения общественной структуры как целостного живого организма, в основе которого стоит передача социального опыта.

В связи с ростом информационных технологий актуальность традиции как культурного феномена, основанного на передачи опыта, влияющего на адаптацию к социальным условиям общественной формации молодого поколения, ставится под сомнения. По мнению М. Мид, современная цивилизационная парадигма существует в условиях третьего типа культуры, которой она дает название префигуративный. Если же постфигуративный и кофигуративный культурные типы представляются передачей опыта от старшего поколения к младшему, то парадоксом третьего типа культуры постфигуративной является то, что уже дети начинают учить своих родителей адаптироваться к современным условиям [7]. Таким образом, современная цивилизационная парадигма, основанная на изменениях в общественных формациях, а также развитие информационных

технологий переворачивает константу передачи опыта от старшего поколения к младшему, что обуславливает проблему существования традиции как информационного канала и её значимости для общества.

Однако если рассматривать традицию как духовное явление, способствующее передачи ценностных ориентиров, культурной самобытности, то можно отметить, что она содействует формированию ментальности, тем самым обеспечивая идентичность субъектов с обществом одной культурной парадигмы. Так, по утверждению Р. Мертона: «…общества отличаются друг от друга тем, насколько эффективно народные обычаи, нравы и институциональные требования интегрированы с целями, занимающими высокое положение в иерархии культурных ценностей» [8, С. 248]. Очевидно, что традиция, как кладезь культурных норм и ценностных ориентиров, оказывает значительное влияние на социальную действительность индивида, благодаря преемственности и передачи социокультурного опыта. Из чего следует, что традиция в современном обществе, как информационный канал между поколениями, стоит у истоков формирования идентичности субъекта определенного культурного типа и сохраняет своеобразие народного наследия, а также понимание этноса самого себя, своего менталитета и ценностных ориентиров.

Исходя из того, что традиция стоит у истоков формирования менталитета человека, она оказывает значительное влияние на социализацию личности. Отметим то, что ребенок с ранних лет приобщается к культурным ценностям и ориентирам с помощью обучения и воспитания родителями. Так Т. Парсонс отмечал то, что ребенок в первую очередь ориентируется на поведение родителей, что способствует выработке у него ценностных ориентиров, оказывающих поддержку в интеграции его в общество. В свою очередь Р. Мертон отмечал: «…семья передает детям главным образом ту часть культуры, которая доступна социальной среде или группам, в которых оказались родители. Следовательно, она является механизмом воспитания ребенка в рамках культурных целей и нравов, характерных для этого узкого круга групп» [8, С. 278]. Традиция выступает вспомогательным компонентом в социализации личности, обеспечивая социальную идентичность ребенка и общества. Она представляется носителем неповторимости культурной организации, так как с помощью фольклорного творчества, запечатленного в сказках и сказаниях, формируется мироощущение субъекта определенной группы.

Исходя из, функциональных основ традиции как информационного канала и её роли в построении личности человека, можно отметить, что она как явление принадлежит к одному культурному типу и благоприятствует организации её субъектов в одну общественную формацию, обеспечивает образование социальной реальности и действий индивидов в одной цивилизационной парадигме. Так, на основе социализации личности Т. Парсонс выделяет понимания культурной традиции и эталона как важного условия формирования социальной ориентации человека. Первому типу ориентации Т. Парсонс дает название «катективная» и определяет его как основанный на чувственном отношении субъекта к объекту. Когнитивной ориентацией является отношение актора к объектам действительности посредством стандартного и морального соответствия. И третий тип представлен в

оценочной деятельности актора посредством выбора альтернативы двух вышеперечисленных понятий [9, С. 467].

Так, исходя из методов ориентации действия, ученый различает три класса культурных эталонов:

1) системы идей или верований. Несмотря на то, что катексис и оценка всегда присутствуют как компонент ориентации, эти культурные системы характеризуются преобладанием когнитивных интересов;

2) система экспрессивных символов, например, художественные формы или стили. Эти системы характеризуются преобладанием катектических интересов;

3) система ценностных ориентаций. Здесь главный интерес сосредотачивается на оценке альтернатив с точки зрения их возможных последствий для системы действия или одной из подсистем [9, С. 423].

Таким образом, культурная традиция играет значительную роль в формировании социальной системы и социального действия актора.

В свою очередь одним из первых социологов, обратившим внимание на социальное действие и использовавшим понимание традиции как одной из основ социальной практике, был М. Вебер, который выделил ее в четвертом типе, «традиционном». По мнению мыслителя, его основой являются длительная привычка, эффекты ориентации на массовую поддержку и солидарность с определённым типом поведения. В данном типе социального действия человек воспроизводит определенную модель поступков, сформировавшуюся на протяжении длительного времени в определенной общности, членом которой он является [10]. Таким образом, традиция как элемент социальной практики оказывает значительное влияние на поведение индивида, формируя при этом его социальную реальность.

Традиция как основа социальной практики индивидов представлена в творческом наследии Э. Дюркгейма. Коллективное сознание, по мнению мыслителя, создает определенные установки, которые способствуют регулированию поведения людей в социуме и позволяют интегрировать человека в общественную среду. Такую систему правил поведения Э. Дюркгейм называет социальным фактом. Социальный факт, по мнению учёного, принуждает человека к определенным социокультурным действиям, которые не противоречат основным ценностям и моделям поведения, господствующим в данном обществе, а также способствуют его развитию [11]. Данные принуждения выработаны обществом на протяжении длительного периода и не могут быть оспорены одним или несколькими людьми. К социальным фактам Э. Дюркгейм относит верования, обряды, обычаи, что определяет его и традицию как идентичные дефиниции. Канон социального факта в силу устойчивости способен оставаться активным и в период своей неактуальности. Он адаптируется к новому социокультурному пространству, прогрессируя вместе с ним, изменяя зачастую свою функцию, но не смысловое значение. Это определяет канон социального факта как устоявшегося традиционного действия. Таким образом, культурная традиция – это устоявшиеся правила, действующие в социокультурном пространстве, созданные коллективным разумом для поддержки существования общества.

Социальное действие личностей в обществе во многом исходит от культурно-исторического типа, к которому они принадлежат, что в свою очередь организовывает поведения людей посредствам правил, основанных на ценностных ориентирах общества, запечатленных в культурной традиции. Данное суждение подводит нас к выводу о том, что социальное действие во многом зависит от их культурного типа, в котором традиция выступает регулятором отношений между людьми, так как является носителем ценностных ориентиров и правил поведения в обществе.

В перспективе исследования традиции как явления, стоящего у истоков социального действия индивидов, проблематичным представляется её актуальность существования в постиндустриальной цивилизационной парадигме. Модернизация как процесс выступает в роли антагониста традиции, что обуславливает противоречие двух данных феноменов. Шмуэль Эйзенштадт пересматривает их взаимодействие, считая, что «…успешная модернизация может быть проведена при опоре на некоторые элементы традиционной регуляции, отвечающие ее направленности. Это означает и то, что устойчивое функционирование «современного» общества в большой степени зависит от наличия соответствующих традиционных предпосылок, от их использования и включения в современную систему» [12, С. 239].

Традиция в современных условиях представляется авторитетным культурным феноменом и стоит у истоков легитимизации социальных институтов, осуществляющих роль социального контроля, а также действий правящих кругов, которые обязаны учитывать культурные особенности общества. В свое время современный мыслитель Э. Гидденс отмечал: «Традиция есть нечто большее, чем особая форма переживания темпоральности; она олицетворяет собой этическую власть того, «что происходило раньше», над непрерывной целостностью повседневной жизни» [13, С. 285].

Исходя из данного утверждения, констатируем, что традиция не только стоит у истоков социальной практики людей, но и у легитимизации определенной направленности модернизации общества, что определяет её как важную особенность не только культурной и социальной статики, но и в динамики. Помимо данного утверждения, она осуществляет социальный контроль посредствам моральных норм и ценностных ориентиров.

Изучение функциональных особенностей культурной традиции в обществе позволяет нам пересмотреть в первую очередь актуальность её существования в современном социокультурном пространстве, основой которого служит развитие информационных технологий и тенденций глобализации, приводящих к «размыванию» идентичности субъекта культурной парадигмы. В своем роде, по мнению автора, традиция представляется стержнем сохранения духовной культуры и ценностных ориентиров в виду быстрых изменений в социальном пространстве.

Выводы. В ходе исследования автором было выявлено, что в современном мире традиция выступает гарантом сохранения и передачи ценностных ориентиров, мудрости поколений, стоящих у истоков формирования ментальности человека, что отражается на процессе социализации личности, формируя социальную

направленность действий индивидов. Исходя из выше изложенного, мы можем выделить основные атрибуты функционирования культурной традиции в социуме.

Первым атрибутом бытия культурной традиции в обществе является то, что традиция как социокультурный феномен стоит у истоков социального действия индивида и формирует его общественную реальность посредствам устоявшихся правил. Вторым атрибутом является ее актуализация в качестве информационного канала между поколениями, что способствует передачи знаний, умений и навыков следующему поколению, тем самым обеспечивая функционирования системы как единого организма. Третьим атрибутом представляется её участие в социализации личности, что способствует безболезненному вхождению в общество.

Список литературы

1. Арсельгов А. У. Структурно функциональные особенности изучения понятий «стереотип» и «традиция» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – № 2. – С. 78–82
2. Анохина В. В. Культурная традиция в контексте современной социальной динамики // Збірник наукових праць: Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – 2010. – Вип. 42. – С. 89–101.
3. Дробовцева С. В. Влияние духовных традиций на социокультурную трансформацию человека: сущность и механизм процесса: Автореф. дис … канд. филос. наук / С. В. Дробовцева. – Нижний Новгород, 2013. – 27 с.
4. Сергодеева Е. А. Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2013. – Вып. 1 (113). – С. 128–133.
5. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун; Пер. с англ. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.
6. Малиновский Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский; Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
7. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид; Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асаеева. Сост. и послесловие И. С. Кона. – М.:«Наука», 1988. – 429 с.
8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873, [7] с.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
10. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М.: 1996. – С. 455–491
11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; Пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
12. Эйзенштадт Ш. О неопределенности термина «традиция» / Ш. Эйзенштадт – Ерасов Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 237–240
13. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.

Novak N. I. Functional Features of Cultural Tradition // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 171–177.

The article analyzes the functional characteristics of the tradition, as an important aspect of being an integrated system of society. The problem field of the study of tradition is its relevance in the modern world, in which globalization processes and the growth of information technologies occur, contributing to the destruction of

sociocultural identity. The author considers the tradition as a spiritual phenomenon, which appears to be an information channel, which through the exchange of experience contributes to the socialization of the individual, giving it value guidance, forming a mentality and influencing the social activities of subjects of a certain cultural type. Thus, the tradition can be interpreted as one of the main elements contributing to the preservation of spiritual culture and valuesin the form of rapid changes in the social space. In the course of the study, the author revealed several attributes of the cultural tradition in society. The first attribute of being a cultural tradition in society consists in shaping the sociocultural reality of the individual with the help of the rules that are at the origin of social action. The second attribute of the cultural tradition is its information channel for the transfer of knowledge and skills to the next generation. The third attribute of the cultural tradition is its participation in the socialization of the individual. The author substantiates the idea that the cultural tradition in the modern sociocultural space ensures the unity of its structure.

Keywords: cultural tradition, culture, social action, function, cultural orientation.

References

1. Arsel'gov A. U. Strukturno funkcional'nye osobennosti izucheniya ponyatij «stereotip» i «tradiciya» [Structural and Functional Features of the Study of the Concepts of "Stereotype" and "Tradition"]. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [The Bulletin of the Maikop State Technological University], 2010, № 2, pp. 78–82.
2. Anohina V. V. Kul'turnaya tradiciya v kontekste sovremennoj social'noj dinamiki [Cultural Tradition in the Context of Modern Social Dynamics]. Zbirnik naukovih prac': Gumanitarnij visnik Zaporiz'koї derzhavnoї inzhenernoї akademiї [Collection of Scientific Works: Humanitarian Bulletin of Zaporozhye State Engineering Academy], 2010, Vol. 42, pp. 89–101.
3. Drobovceva S. V. Vliyanie duhovnyh tradicij na sociokul'turnuyu transformaciyu cheloveka : sushchnost' i mekhanizm processa [The Influence of Spiritual Traditions on the Sociocultural Transformation of a Person: the Essence and Mechanism of the Process]. Extended abstract of candidate’s thesis, Nizhnij Novgorod, 27 p.
4. Sergodeeva E. A. Tradicii v sovremennom obshchestve: osobennosti konstruirovaniya identichnosti [Traditions in Modern Society: Features of Identity Construction]. Vestnik Adygejskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sociologiya, Yurisprudenciya, Politologiya, Kul'turologiya» [Bulletin of Adyghe State University. The Series “Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies”], 2013, Vol. 1 (113), pp. 128–133.
5. Rjedkliff-Braun A. R. Struktura i funkcija v primitivnom obshhestve. Ocherki i lekcii [Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses]. Moscow, «Vostochnaja literatura» RAN, 2001, 304 p.
6. Malinovskij B. Nauchnaja teorija kul'tury [A Scientific Theory of Culture and Other Essays]. Moscow, UHP, 2005, 184 p.
7. Mid M. Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya [Culture and the World of Childhood. Selected Works]. Transl. from engl., comment. YU. A. Asaeeva. Moscow, Nauka Publ., 1988, 429 p.
8. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST, HRANITEL, 2006, 873, [7] p.
9. Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija [The Structure of Social Action]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2002, 880 p.
10. Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Basic Sociological Concepts]. Zapadno-evropejskaja sociologija XIX – nachala XX vekov [Western European Sociology XIX – the Beginning of XX Centuries]. Moscow, 1996, pp. 455–491.
11. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 575 p.
12. EHjzenshtadt SH. O neopredelennosti termina «tradiciya»[On the Uncertainty of the Term “Tradition”] Erasov B. S. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Hrestomatiya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Yerasov B. S. Comparative Study of Civilizations: Reader: Textbook]. Moscow, Aspekt Press, 1998, pp. 237–240.
13. Giddens EH. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii [The Structure of Society: Essay Structure Theory]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2005, 528 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 178–186.

УДК 304.2

ИГРА В МИРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ЭРОЗИЯ ГРАНИЦ

Шоркин А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alexshorkin@mail.ru

В статье исследуются отношения миров игры и повседневности. В мире повседневности постулируются правила игр, устанавливаются границы их хронотопов, выделяются нужные для проведения игр ресурсы. В мире игры осуществляется инкультурация подрастающих поколений, ведется креативный поиск развивающих культуру новшеств. Результаты игр становятся фактами повседневности. Нет ни одной сферы культуры и человеческой деятельности, свободной от конструктивного вмешательства игрового начала. Инобытие мира игры органично вплетено в разветвленную сеть мира повседневности. Но условное и неутилитарное бытие игры отделено от прозы реальной жизни нужной рефлексивной дистанцией их ясного различения. Таков нормальный пограничный режим. Он пропускает через границу из мира повседневности нужные для организации игры ресурсы, обратным током из мира игры беспрепятственно поставляются ее результаты, которые нужны обыденной жизни. Издавна этот нормальный режим нарушался двумя способами: грубым вторжением в символическое и условное пространство игры прагматической реальности и, напротив, неоправданной экспансией игрового спекулятивного опыта в реальную жизнь. Вторжение соображений утилитарной целесообразности обесценивают процесс игры и так убивают ее. Сырые и гипотетические результаты игровых процессов, проникая в повседневность, способны дезориентировать и мистифицировать практический опыт. Прежде эти нарушения носили спорадический характер и осуждались. В культурной традиции между магическим миром игры и реальной жизнью установились отношения конструктивного дополнения. Но в последние десятилетия их все более сменяют способы и приемы взаимного деструктивного замещения. Граница подверглась обширной эрозии, что для культуры создает угрозу. Вторжение мира утилитарной реальности в инобытие игры, ранее спорадическое и наказуемое, стало перманентным и узаконенным. Оказалось, можно и выгодно играть в запрещенные на протяжении всей прежней человеческой истории «грязные» игры, обесценивая инобытие волшебного мира игры. Но когда игра гибнет, иссыхает и завершается культура.

Ключевые слова: мир игры, мир повседневности, рефлексия, гаджет.

С практиками повседневной жизни игры легко соединялись – бесконфликтно и конструктивно – с древнейших времен. Возможно, просто потому, что игра старше культуры, оттого, что она была филогенетически укоренена еще в пресоциальных формах организации стайных животных, которые предшествовали антропогенезу и влияли на его становление. Без игры котята не смогут впоследствии добывать мышей; медведица готовит подрастающее потомство к реалиям самостоятельной жизни, два-три года обучая медвежат посредством охотничьих игр. Культурные ритуалы, как убедительно показывает Конрад Лоренц, обнаруживают

«удивительные аналогии» с ритуалами филогенетического происхождения, присущими, например, уткам и красноносым ныркам, некоторым рыбам и курам [1, С. 136]. Триумфальный крик серых гусей – это «аналог» и предтеча, чуть ли не «упрощенная модель» человеческой дружбы и любви [1, С. 257]. С генезисом культуры значение игры как артефакта только выросло. Она осталась, прежде всего, эффективным средством инкультурации – обучения и воспитания детей, взращивания новых поколений. Кроме того, игра стала одной из важнейших форм символической жизни, эстетической и творческой деятельности, что в настоящее время общепринято и тривиально. Даже «ниспровергатель традиций» Ж. Деррида следует этой традиции, разделяя игры на игры повторения и игры различания.

Концепт homo ludens в XX веке только завершает идущую от Гераклита традицию уподобления эона играющему ребенку и платоновского императива жить, играя. Г.-Г. Гадамер развивает традицию И. Канта, Ф. Шиллера и немецких романтиков, полагая изящные искусства высшей ступенью, завершением человеческой игры, и бытие эстетического – игрой и представлением. Устоявшееся к настоящему времени словосочетание «игры воображения» как нельзя яснее подчеркивает тенденцию чрезмерного, чуть ли не абсолютного возвышения игры. Ведь без воображения нет ни человека, ни его свободы (Сартр), ни творческого созидания, – не только эстетического свойства, но также технического и любого другого. В спекулятивной метафизике игра даже полагается онтологическим принципом бытия Универсума (Шлегель), что восходит к оброненному вскользь замечанию Платона о человеке как выдуманной игрушке богов.

Отчасти оправданный панегирик игре (как атрибутивной и влиятельной компоненты культуры, как мощного и плодотворного истока ее развития и способа трансляции) за пределами дискурса метафизики, однако, строго ограничен тем обстоятельством, что пространство игры – это пространство инобытия, необыденности, которое отделено от бытия повседневности (хотя и сопряжено с ним). То, что «понарошку» надобно ясно отличать от того, что «взаправду». Й. Хейзинга справедливо и настойчиво подчеркивает, что игра непременно сопряжена с осознанием дистанции между «иным бытием» и «обыденной жизнью» [2, С. 43; 59]. Игра гибнет и жизнь поражается деструкциями, когда граница между ними становится рыхлой и неопределенной. К сожалению, исследовательская активность изучения этой проблематики заметно уступает привычному мейнстриму дискурса об игре. Цель статьи состоит в кратком анализе того, как работает эта «пограничная зона», каким образом она соединяет и разделяет хронотопы миров игры и повседневности, какие опасности влекут за собой современные нарушения «пограничного режима».

Границы игры, прежде всего, определяются процессом ее создания, который всегда осуществляется в повседневном мире. Люди вполне осознанно устанавливают правила игры, хорошо понимая их условность. В повседневном мире очерчиваются также пространственные зоны и временные интервалы, где могут проходить игры. Футбольный мяч вне боковой линии уже считается «вне игры». Половина времени матча столь же показательно именуется «тайм» и объективно фиксируется секундомером арбитра. Мать отпускает ребенка поиграть после еды и

до уроков, и только здесь, на детской площадке. Игра, таким образом, таймирована и локализована миром повседневности, ее хронотоп изначально открыт и очерчен не изнутри, а извне. Тонкие и сложные процессы инобытия самой игры не могут затрагивать заданных из мира повседневности ее правил и границ хронотопа. Когда дети меняют правила по ходу своей игры в «дочки-матери» или в «индейцев», они ее приостанавливают, выходят в обыденный мир, где и спорят о новых правилах. Игра может разладиться, если они не договорятся, «я с тобой больше не играю» – эта уже фраза мира повседневности, а не волшебного мира игры. Забытая кукла и сиротливо оставленный мяч, развалины Колизея – как мишка без лапы: все равно его не брошу, потому что он хороший. Игра нужна и может возобновиться, с ранее вовлеченных в игры вещей позолота символики инобытия долго, иногда столетиями, не стирается.

Полагаю, мы столь высоко ценим игру не только из-за ностальгии об ушедшем детстве или из уважения к прошлым достижениям культуры, а оттого, что нет ни одной сферы культуры и человеческой деятельности, свободной от конструктивного вмешательства игрового начала. Всякое новое сначала возникает в воображении, в его играх. «Игра в бисер» культурного наследия, согласно Г. Гессе, сопряжена с духовным наслаждением и развитием человека. Даже фундаментальная наука – это, во многом, интеллектуальная игра и захватывающее приключение, которая не преследует (как и эстетическая деятельность) прямых утилитарных целей. Но результат игры всегда оказывается фактом мира повседневности, будь то счет футбольного матча или более высокая ступень развития личности, научное открытие или креативное достижение художника. Поскольку культура перманентно прирастает новыми поколениями и инновациями, игры вплетены в любую нить, в мельчайшую паутинку культурных сетей. Мир повседневности, таким образом, несет в своей топологии как истоки, так и результаты миров игры.

К тому же распространенные надежды на свободный и независимый от мира повседневности «полет» воображения является, увы, самонадеянной иллюзией. Его предметом, во-первых, не может быть то, что молчаливо и безотчетно подразумевается: ни огромная бессознательная часть психики человека, ни потаенные глубины культуры. Во-вторых, с логической стороны, процесс воображения состоит в комбинировании (конечно, вполне свободном, ничем не ограниченном) элементов и смыслов тех образов, которые получены восприятием мира повседневности. Из фрагментов образов женщины и рыбы создается русалка, иная их комбинация и инверсия приводит к концепту, который, дабы избежать прямой эротической коннотации, именуется «царевной-лягушкой». Паровоз – это поставленная на колеса паровая машина, экскаватор – мощная загребущая рука. Тот факт, что без мира повседневности воображение невозможно, вовсе его не унижает. Механическая и случайная склейка элементов образов противостоит воображению как занятие вздорное и бесполезное, воображение ориентировано на поиск конструктивных смыслов и идеалов. Только утратив самую суть, самое главное, можно назвать ангела «человеком с крыльями», но исходные и нужные образы человека и крыльев, сопряженные с символикой земного и небесного, все же взяты из привычного мира повседневности. Подобные концепты воображения, как сказали

бы в XIX веке, действительно «ангельские», ибо в них глубины и перспективы культуры вдруг чудесным образом высвечиваются и угадываются посредством как будто незатейливого комбинирования чего-то привычного и обыденного.

Итак, границы хронотопа игры устанавливаются из мира повседневности. Результаты игры немедленно становятся фактами мира повседневности. Даже воображение начинает свой полет от обыденных образов. Инобытие мира игры органично вплетено в разветвленную сеть мира повседневности. Оно не отстранено от роста культуры, а вовлечено в него. Но условное и неутилитарное бытие игры отделено от прозы реальной жизни нужной рефлексивной дистанцией их ясного различения. Таков нормальный пограничный режим. Он пропускает через границу из мира повседневности нужные для организации игры ресурсы, обратным потоком из мира игры беспрепятственно поставляются ее результаты, которые нужны обыденной жизни.

Издавна этот нормальный режим нарушался двумя способами: грубым вторжением в символическое и условное пространство игры прагматической реальности и, напротив, неоправданной экспансией игрового спекулятивного опыта в реальную жизнь. В мире игры процесс гораздо важнее результата, поэтому вторжение в него соображений утилитарной целесообразности, примат практической результативности обесценивают процесс игры и так убивают ее. Сырые и гипотетические результаты игровых процессов, настырно проникая в повседневность, способны дезориентировать и мистифицировать практический опыт. Традиционным актором первого способа является шулер. Второго – утопист.

Шулер – это вовсе не игрок, а хищник под маской игрового партнера. Мавроди, как сказал бы прозревший (и протрезвевший) Леня Голубков, не партнер, а халявщик. За туза в рукаве пойманный за руку шулер часто расплачивался жизнью. Играть нужно «чисто», по правилам, нечестные игры предосудительны. «Fair play» отличает достойного игрока, традиционно негативное отношение к вторжению прагматической реальности очевидно: тогда начинаются «грязные игры». Инобытие игры не должно подменяться примитивной прагматикой.

Если «шулер» было оскорблением, то отнесение человека к «утопистам» означало лишь сожаление, иногда – мягкий укор (когда Сен-Симон растратил свое состояние на поддержку нежизнеспособных общин), иногда – насмешку и отторжение (как это случилось с утопией коммунизма). Впрочем, человечество пока не знает более привлекательного для людей социального обустройства, чем то, в котором «каждый по способности» и «каждому по потребности». Иное дело, как его достичь. «Утопия» как результат игры буквально означает «отсутствующее место», не существующий в реальности идеал. Томас Мор в отличие от революционеров не пытался подменить реальность – игрой.

Словом, спорадические нарушения «пограничного режима», имевшие место в прошлом, все же оставляли рефлексивный зазор между игрой и повседневностью достаточно внятным и строгим. Серьезная повседневность четко дистанцировалась от шутовского карнавала (Бахтин). Как говорится, «поиграли, и будет; делу – время, а потехе – час». Таким образом, в долгой культурной традиции между магическим

миром игры и реальной жизнью сложились отношения конструктивного дополнения. Остались ли они таковыми сегодня?

В 1988 году вышла книга Ж. Эллюля «Технологический блеф», в которой автор критикует блага современных изобретений, которые он «вынужден называть гаджетом». Интересно примечание, которое в этой связи делает В. П. Рачков, квалифицированный переводчик глав из данной книги на русский язык, поясняя читателю, что гаджет – это «забавная игрушка» [3, С. 274]. К настоящему времени под «гаджетом», однако, понимается привлекающее потребителя «расширение к девайсу», небольшой аксессуар к смартфону, ноутбуку или к иному современному автономному предмету техники. Прежний коннотат «гаджета» как пустой «безделушки» за двадцать лет оказался стертым, осуждение гаджетов сменилось снисходительным к ним отношением, а затем и поощрением.

Отчасти Ж. Эллюль дискредитирует собственную позицию, относя к гаджетам (то есть к завлекающим игрушкам) такие бесспорно удобные и практически полезные вещи, как, например, цифровой фотоаппарат или телевизор с плоским экраном. Разве прежний громоздкий «ящик» и долгая возня с проявителями и закрепителями были лучше? Рецепт отношения к техническому прогрессу, который предлагает автор, в итоге сводится к свободе выбора между привычным «да» и избавляющим от абсурда «нет» [3, С. 283]. Полагаю, это ложная альтернатива: доказываемая Ж. Эллюлем абсурдность современного мира гаджетов, по сути, демонстрирует необходимость общественного контроля над технологическими инновациями, а не рекомендуемый автором отказ от них и не критикуемое автором слепое увлечение ими. Однако истолкование гаджета как забавной игрушки, по моему мнению, является меткой метафорой тех радикальных и существенных изменений, которые в последние десятилетия произошли на пограничье миров игры и повседневности.

Как известно, тощая абстракция свободного рынка безнадежно устарела, современный рынок вовсе не складывается стихийным балансом спроса и предложения. Последние полвека производитель товаров до их массового производства сначала формирует спрос, используя для этого изощренные техники суггестивных манипуляций. Потенциальных потребителей ловко вовлекают в игры «престижной» или «лучшей» вещи, обладание которой призвано повысить собственную самооценку и статус в глазах окружающих. Продаются больше впечатления, чем вещи, что с цинизмом (он всегда правдив) даже не пытаются скрывать. Видные представители экономической мысли констатируют устойчивый тренд роста «экономики впечатлений». В одном из интервью московский риелтор на вопрос о несообразно высокой цене продаваемого им жилья ответил: люди его покупают, чтобы показать, что они могут позволить себе то, чего не могут позволить себе другие. Цена бренда нередко достигает 80% цены товара. Сегодня для многих людей важно, «от кого» у вас галстук и сумочка, всякая одежда и вещица, – хотя они этих Тиффани и Кутюр никогда и в глаза-то не видели. В этом больше инфантилизма, чем в детской привязанности к потрепанной кукле: она, по крайней мере, ассоциативно сопряжена с личным опытом общения ребенка, с притягательностью его воспоминаний. С позиций здравого смысла наручные часы

за десятки тысяч евро – это только «забавная игрушка» для взрослых. Насколько разумную потребность удовлетворяет их приобретение? Но подобные вопросы мало кто ставит, и уж, во всяком случае, не промоутеры. Во многих современных дискурсах «разумные потребности» – только реликт, а наше самоназвание Homo sapiens sapiens стало лишь архаичным заклинанием, в которое, увы, перестали верить.

Общепринят тезис, согласно которому реклама является «двигателем торговли». В сегодняшней России годовой рост рекламного рынка составляет примерно 10%. Бесспорно, товар должен привлекать покупателя, что во все времена люди понимали и принимали. Более того, сам человек в любых актах коммуникации – сродни торгующему купцу – всегда стремится выглядеть как можно лучше, достойнее, «показать товар лицом». Мы презентируем товар так, как презентируем себя. С расширением средств семиотического опосредования растет и его роль в культуре. Соответственно, растет и роль игры. Продвижение товаров на рынке всегда включало игровое начало: его привлекательную упаковку, манящие вывески, крики зазывал («реклама» этимологически и восходит к «кричать», «зазывать»). Цель рекламы – добиться «отклика», нужной реакции потребителя, состоящей в его интересе к предлагаемому товару. Но привлечь внимание еще не значит продать, потенциальный покупатель хочет, заметив предлагаемый товар, получить объективную информацию о нем. Вот здесь-то игры раньше и заканчивались. Не то, чтобы продавцы не пытались приукрасить товар и даже слегка приврать, но дезинформация полагалась мошенничеством (жулики надували лошадь и так «надували» покупателя), что прежде осуждалось как потребителями, так и честными поставщиками. Информация и дезинформация здесь решительно противопоставлялись.

В настоящее время это нужное различение в значительной мере подверглось диффамации. Информацию часто вообще понимают формально, оценивают по числу «килобайт». И тогда выходит, что сонет или пьеса Шекспира содержат много меньше информации, чем «весит» любой порнофильм или файл «с котиками». Средства массовой информации, казалось бы, призваны объективно освещать факты, предлагать потребителю максимально широкий спектр их интерпретаций. Но они зачастую не только отсекают нежелательные для пропаганды интерпретации или вообще замалчивают факты, но, вопреки своему названию, иногда их просто выдумывают. Многие западные СМИ поражены вирусом «пост-правды» («post-truth» в англоязычной лексике стало недавно словом года), подменяющей факты и обесценивающей истину. Они больше дезинформируют, чем информируют. В слова теперь можно просто и безответственно играть, «демократами» продолжают себя с апломбом называть люди, которые, например, отказывают крымчанам в их праве использовать такой важнейший инструмент прямой демократии, как референдум. Чего стоили гарантии лидеров некоторых Западных стран, данные В. Януковичу? Привычным инструментом «демократов» и «демократической» прессы стали двойные стандарты. Всегда пристрастная правда легко и беспардонно выдается за беспристрастную истину, а заблуждение или намеренная ложь – за правду. «Highly likely» в риторике политических лидеров и на страницах «face news» считается

достаточным аргументом. Политические игры заглушают и отстраняют дискурс аналитики, игры в политкорректность становятся все более назойливыми и фальшивыми, а люди начинают скучать по честности.

Когда-то девица на смотринах могла припудрить прыщик на носу, но ее непорочность не могла быть «понарошку», и так же серьезно оговаривалось ее приданое, конкретно и правдиво. Теперь «припудривается» все. Мир игры и мир повседневности стали не только конструктивно дополнять друг друга, но в них оказались освоенными многие способы и разнообразные приемы взаимного деструктивного замещения. Граница между ними подверглась обширной эрозии, что для культуры составляет прямую и нешуточную угрозу.

Затраты на рекламу в современном мире впятеро превышают расходы на образование! Согласно новой американской поговорке, изобрести стоит доллар, сделать – десять, а продать – сто. Но, экономя на образовании, может статься так, что изобретать будет некому, хорошо сделать не смогут, а продавать будет нечего. Не сразу, конечно, а по мере одичания. В религиозных контекстах «образование» значило формирование человека «по образу и подобию Бога». В атеистических дискурсивных практиках этот прежний единый и прямой этимологический смысл был заменен двуединой задачей «образования и воспитания» человека. Образование, состоящее в овладении нужными знаниями, умениями, навыками, старательно и в той или иной мере органично дополнялось, вплоть до последних десятилетий, задачей воспитания в человеке нравственного начала, моральных норм и эстетических воззрений. Сегодня с играми в образование про воспитание почти забыли, а главным считается овладение «компетенциями». Показательно, что среди значений этого понятия – наряду со знаниями, навыками и умениями – присутствует умение конкурировать, быть готовым к состязательности. Именно этот оттенок смысла, судя по изменению терминологии и ныне проводимым реформам в высшей и средней школах, возобладал над остальными коннотатами.

Образовательная парадигма, таким образом, как в России, так и в Западном мире существенно изменилась: главный тренд перемен состоит в ущемлении его воспитательной функции в пользу прагматики competitions. Важно не приобщение человека к достижениям культуры, накопленным за долгую историю, технического ли, эстетического или этического свойства, а его умение конкурировать на рынке услуг, продать свои компетенции. Некоторые чиновники и неофиты «цифры» искренне считают, что, например, основу курса «организация научных исследований» должен составлять «фандрайзинг», научающий магистра и аспиранта привлекать ресурсы (в том числе, денежные) для своих исследований, или что переход на он-лайн курсы – это привлекательная и неизбежная перспектива образования. В такой «цифровой экономике» и на ставках преподавателей можно сэкономить, и ученые, наконец, станут кормить самих себя. Он-лайн курсы, бесспорно, могут стать (что уже происходит) эффективным методическим пособием, наряду с привычными учебниками. Но опосредованная, цифровая коммуникация при всей ее несомненной полезности никогда не сможет полноценно заменить непосредственную, живую – будь-то отношения внутри семьи или отношения между наставником и учеником. Нельзя быть заочной матерью,

невозможно дистанционно взрастить спортсмена высокого класса, послушник без гуру своего пути не осилит. Иллюзорные надежды на этот счет могут существовать только в безответственном азарте мира игры, вторгшемся в реальность мира повседневности. Или в «грязных» прагматических играх, вторгшихся из мира повседневности в инобытие мира игры.

Словом, одни взрослые из прагматичного мира повседневности умело посадили других (по моему мнению, одураченных) взрослых в «песочницы» игрового пространства. Так раньше шулер организовал игру с посетителями таверны: а не перекинуться ли нам от скуки в картишки? Вторжение мира утилитарной реальности в инобытие игры, ранее спорадическое и наказуемое, теперь стало перманентным и узаконенным. Граница между ними подверглась эрозии, отношения конструктивного дополнения угрожающе сменяются деструктивным замещением: реальности – игрой, а игры – прагматической реальностью. «Гаджет» Ж. Эллюля не выжил в качестве концепта наносных излишеств, абсурдных и бесполезных в задаче удовлетворения реальных потребностей человека, – просто потому, что их нужное различение катастрофически истаяло. Оказалось, можно и выгодно играть в запрещенные на протяжении всей прежней человеческой истории «грязные» игры, обесценивая инобытие волшебного мира игры. Но когда игра гибнет, иссыхает и завершается культура.

Список литературы

1. Лоренц К. Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – 616 с.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
3. Эллюль Ж. Технологический блеф / Это человек: Антология. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 265–284.

Shorkin A. D. A Game in the World of Everyday Life: the Erosion of Boundaries // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 178–186.

The article considers the relationship of the game worlds and everyday life. In the world of everyday life the rules of games are postulated, the boundaries of their chronotopes are established, and the resources necessary for conducting games are allocated. In the world of the game, the inculturation of the younger generations is carried out; a creative search is being conducted for the innovations that develop culture. The results of the games become facts of everyday life. There is not a single sphere of culture and human activity free from the constructive intervention of the game principle. The otherness of the game world is organically interwoven into an extensive network of the world of everyday life. But the conditional and non-utilitarian existence of the game is separated from the real-life prose by the necessary reflective distance of their clear distinction. This is the normal border mode. It passes resources necessary for game organization across the border from the world of everyday life and by return current from the world of the game, the results of the everyday life are freely supplied. Long since this normal mode was broken in two ways: by a rough invasion into the symbolic and conditional space of the game of pragmatic reality and, on the contrary, by the unjustified expansion of the gaming speculative experience into real life. Considerations of utilitarian expediency's invasion devalue the process of the game and so kill it. The raw and hypothetical results of gaming processes, penetrating into everyday life, can disorient and mystify practical experience. Before, these violations were sporadic and condemned. In the cultural tradition a relationship of constructive addition were established between the magical world of the game and real life. But in recent decades, they have been increasingly replaced by methods and techniques of mutual destructive replacement. The border has undergone extensive erosion, which creates a threat to the culture. The invasion of the world of utilitarian reality into the otherness of the game, previously sporadic and punishable, has become permanent and legalized. It turned out that it is

possible and profitable to play “dirty” games forbidden throughout the entire human history, devaluing the otherness of the magic world of the game. But when the game dies, the culture dries out and ends.

Keywords: game world, everyday world, reflection, gadget.

References

1. Lorents K. Tak nazyvaemoe zlo [The so-called evil]. Moskow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2008, 616 p.
2. Kheizinga I. Homo ludens. Chelovek igrayushchii [Homo ludens. The playing man]. St. Petersburg.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2011, 416 p.
3. Ellyul' Zh. Tekhnologicheskii blef [Technological bluff]. Eto chelovek: Antologiya [This is a man: an anthology]. Moscow, Vyssh. shk., 1995, pp. 265–284.

Галина Михайловна Темненко
(02.IX.1946 – 01.XI.2018)

Галина Михайловна Темненко – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, яркий и непримиримый защитник высоких стандартов в науке и образовании, выдающийся исследователь, друг студентов.

Галина Михайловна работала в сфере высшего образования более сорока лет. Выпускница Ленинградского государственного университета, она преподавала в Кокчетавском педагогическом университете, Симферопольском педагогическом институте, Симферопольском высшем военно-политическом строительном училище, Таврическом эколого-политологическом университете.

С 1995 по 2018 год Галина Михайловна работала в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского (ныне – «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»), пройдя путь от старшего преподавателя до доктора наук.

Сфера научных интересов Галины Михайловны – проблемы творчества Анны Ахматовой. Её диссертация на соискание кандидата филологических наук посвящена рассмотрению пушкинских традиций в творчестве поэтессы, в докторской творчество Анны Ахматовой представлено как литературно-художественная система. Галина Михайловна Темненко с 1999 года была активной участницей и организатором научных конференций, посвящённых творчеству Анны Ахматовой, а также научным редактором выпускавшихся на основе материалов этих конференций сборников «Анна Ахматова: эпоха, жизнь, творчество». К участию в этих сборниках ею были привлечены исследователей из Крыма, Москвы, Киева, Владивостока, Еревана, Иерусалима, Мюнхена, Квебека, Вашингтона, Санкт-Петербурга, Воронежа, Благовещенска… С 2008 года сборник получил статус издания ВАК. Всего было выпущено 13 номеров.

Область научных интересов Галины Михайловны не ограничивалась ахматоведением. Она сформулировала для преподавателя высшей школы «правило айсберга»: то, что знаешь, должно относиться к тому, что преподаёшь, как основание айсберга к его надводной части. Это трудное требование обусловило глубокое изучение научных проблем преподаваемых ею дисциплин: мифологии, эстетики, этики. Много лет Галина Михайловна руководила студенческим киноклубом «Вольное общество любителей “К” (культуры, кино, красоты)», активно участвовала в общественной и просветительской работе.

За долгий творческий путь Галина Михайловна выпустила более ста научных статей, два учебно-методических пособия, фундаментальную монографию «Анна Ахматова: опыты интертекстуальных и имманентных прочтений». Под её

руководством защищены три кандидатские диссертации. Последнее время Галина Михайловна активно участвовала в редактировании журнала «Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология», неоднократно выступала редактором сборников научных трудов коллег по факультету.

Жизнелюбие Галины Михайловны, её стойкость, преданность науке и образованию являются вдохновляющим примером для всех нас. Память о Галине Михайловне будет жить, пока будут живы те, кто испытал на себе влияние её уникальной личности, интеллекта и обаяния.

Сведения об авторах

Антюшин Н. А. – аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: antushin93@mail.ru

Братина Б. Р. – д-р филос. н., профессор кафедры философии философского факультета Университета в Приштине (Косовска Митровица). E-mail: bokibor@yahoo.com

Братина О. А. – к. филос. н., доцент Удмуртского государственного университета, философская школа «PROXIMA: социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте». E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Бронфман С. А. – к. мед. н., старший научный сотрудник Первого Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Минздрава России. E-mail: chernenko.mtu@gmail.com

Гросфельд Е. В. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: alegros@mail.ru

Донская Е. В. – к. культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. Email: elenadonskaja@mail.ru

Жалдак Н. Н. – к. филос. н., доцент кафедры философии Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет». E-mail: zhnn3@rambler.ru

Зарапин О. В. – к. филос. н., доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: zaraoleg@yandex.ru

Камалиева И. Р. – к. филос. н., директор Научно-исследовательского центра «Антровита», E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru

Кузьмин П. В. – д-р полит. н. профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: pv.kuzmin@mail.ru

Майленова Ф. Г. – д-р филос. н., ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской Академии Наук. E-mail: farida.mailenova@gmail.com

Малюкова О. В. – д-р филос. н., профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина. E-mail: o.maliukova@list.ru

Марецкая Н. А. – ведущий эксперт отдела международного образования Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: maretska.n@gmail.com

Миронов А. В. – д-р филос. н., профессор кафедры «Исторические, социальные и философские науки» Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета. E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Николко В. Н. – д-р филос. н., профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: vnnikolko@mail.ru

Новак Н. И. – аспирант второго года обучения, ассистент кафедры философии Луганского национального аграрного университета. E-mail: nktnovak@mail.ru

Ореховский П. А. – д. э. н., проф., зав. сектором Философии и методологии экономической науки Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Попова В. С. – канд. филос. н., доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта. E-mail: varyud@mail.ru

Фахрутдинова А. З. – д-р филос. н., профессор кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиал РАНХиГС. E-mail: faamina@yandex.ru

Халанская Л. Г. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

Ходосов Т. Н. – магистрант 1-го года обучения, специальности «Политология» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.. E-mail: belkasoad@mail.ru

Шкорубская Е. Г. – вед. спец. по учебно-методической работе кафедры философии социально-гуманитарного профиля Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: shkorubska@gmail.com

Шоркин А. Д. – д-р филос. н., профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru

Элькан О. Б. – к. культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университет культуры, искусств и туризма. E-mail: elkanolga@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Братина О. А., Братина Б. Р. Fakenews и «третья линия»……..…….. 3

Зарапин О. В. Философская культура как текстовая культура диалога: путь к формату digital……..……. 13

Жалдак Н. Н. Логические линейно-табличные диаграммы и категория качества в определении числа……..…….. 25

Камалиева И. Р. Аксиологические проблемы медицины: истоки и современность……..…… 35

Майленова Ф. Г., Бронфман С. А. Эпистемологическая метафора как мост в бессознательное……..…… 45

Малюкова О. В. Современная аргументация: в плену у фейков….…….. 52

Николко В. Н. Уточнение списка аристотелевских силлогизмов……..…… 60

Ореховский П. А. Глазами философствующего экономиста ……..... 65

Попова В. С. Логическая культура сквозь призму философского текста (на материале «философии изобретения и изобретения в философии» И. И. Лапшина)……...……. 76

Шкорубская Е. Г. Коммуникативное пространство сети Интернет: бунт против анонимного избытка информации……..….... 86

ПОЛИТОЛОГИЯ

Антюшин Н. А. К вопросу о методике международного наблюдения за выборами……..…… 100

Гросфельд Е. В., Ходосов Т. Н. Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение крымских татар как взаимодействие национального и политического в системе гражданской идентификации……... 110

Кузьмин П. В., Халанская Л. Г. Профессионализм политика как концепт и фактор преобразований в современном Крыму……..... 120

Марецкая Н. А. Имидж Украины в новых медиа США: контент-анализ 2008-2015 гг……..….. 133

Миронов А. В. Философские интерпретации государственного участия в моральном выборе гражданина…….……. 144

Фахрутдинова А. З. Тексты М. Вебера в контексте формирования этики государственных служащих……..……... 154

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Донская Е. В., Элькан О. Б. Метавиртуализм идет на смену постмодернизму……...…...……...…..… 161

Новак Н. И. Функциональные особенности культурной традиции…..…... 171

Шоркин А. Д. Игра в мире повседневности: эрозия границ……..……. 178

Галина Михайловна Темненко (02.IX.1946 – 01.XI.2018)……. 187

Сведения об авторах.……...…... 189

Содержание……... 191

About the Authors

Antushin N. A. – Postgraduate of the Faculty of Political Science, The department of political institutions and applied political science, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: antushin93@mail.ru

Bratina B. R. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor at the Department of Philosophy, University of Pristina (Kosovska Mitrovica). E-mail: bokibor@yahoo.com

Bratina O. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, School of Philosophy “PROXIMA: Social Ontology in the Constructive Hermeneutical Aspect”. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Bronfman S. A. – Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher, I. M. Sechenov First Moscow state medical University, Ministry of health of Russia, Russian Medical Academy for Post-Graduate Education. E-mail: chernenko.mtu@gmail.com

Grosfeld E. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: alegros@mail.ru.

Donskaja E. V. – Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Philosophy, Culturology and the Humanities, Crimean University of Culture, Arts, and Tourism. E-mail: elenadonskaja@mail.ru

Zhaldak N. N. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of National Research University исследовательского университета «Belgorod State University». E-mail: zhnn3@rambler.ru.

Zarapin O. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: zaraoleg@yandex.ru

Kamalieva I. R. – Candidate of Philosophical Sciences, Research Center "Antrovita", director. E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru.

Kuzmin P. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Political Science and International Relations, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: pv.kuzmin@mail.ru

Mailenova F. G. – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of sector of gumatarian expertise and bioethice, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. E-mail: farida.mailenova@gmail.com

Malyukova O. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Philosophy and Sociology, O. E. Kutafin Moscow State Law University. E-mail: o.maliukova@list.ru

Maretskaya N. A. – leading expert of the department of international education, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: maretska.n@gmail.com.

Mironov A. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Political Science and International Relations of Sevastopol State University. E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Nikolko V. N. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: vnnikolko@mail.ru.

Novak N. I. – Postgraduate Student, Assistant of the Department of Philosophy, State Educational Institution of LPR "Lugansk National Agrarian University". E-mail: nktnovak@mail.ru

Orekhovsky P. A. – Doctor of Economy Sciences Institute of economics of the Russian Academy of sciences; Financial University under the Government of the Russian Federation. Email: orekhovskypa@mail.ru

Popova V. S. – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, I. Kant Baltic Federal University. E-mail: varyud@mail.ru

Fahrutdinova A. S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of state and municipal management Novosibirsk, Siberian Institute of management – branch of Ranepa. E-mail: faamina@yandex.ru

Khalanskaya L. G. – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of the Department of Political Science and International Relations Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

Khodosov T. N. – 1-st year master student, Political Science, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: belkasoad@mail.ru

Shkorubskaya E. G. – leading specialist in educational and methodical work of the Department of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: shkorubska@gmail.com

Shorkin A. D. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: alexshorkin@mail.ru.

Elkan O. B. – Candidate of Culturology, Associate Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Associate Professor at the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Sciences. E-mail: elkanolga@gmail.com

CONTENT

PHILOSOPHY

Bratina B. R. Bratina O. A. Fakenews and "Third Line"……... 3

Zarapin O. V. Philosophical Culture as a Textual Dialogue Culture: a Way to the Digital Format…… 13

Zhaldak N. N. The Linear-Tabular Logic Diagrams and the Category "Quality" in the Definition of the Number…….. 25

Kamalieva I. R. Axiological Problems of Medicine: Origins and the Modern… 35

Maylenova F. G., Bronfman S. A. Epistemological metaphor as a bridge to the unconscious……... 45

Malukova O. V. Modern Argumentation: in Captivity of Fakes…….. 52

Nikolko V. N. On Clarifying the List of Aristotelian Syllogisms…….. 60

Orekhovsky P. A. By the Eyes of the Philosophizing Economist……. 65

Popova V. S. Logical culture through the prism of the philosophical text (based on the "Philosophy of invention and the invention of philosophy" I. I. Lapshin)……... 76

Shkorubskaya E. G. Communicative Space of Internet: Riot Against Anonymous Information Overflow……... 86

POLITICAL SCIENCE

Antushin N. A. To the Question about the Methodology of International Election Observation…… 100

Grosfeld E. V., Khodosov T. N. National Cultural and Ethnic and Religious Self-Determination of the Crimean Tatars as a National and Political Interaction in the System of Civil Identification…….. 110

Kuzmin P. V., Khalanskaya L. G. Professionalism of the Politician as the Theoretical Concept and Factor of Social Transformations in the Modern Crimea…… 120

Maretskaya N. A. Image of Ukraine in the New Media of USA: content analysis 2008-2015…… 133

Mironov A. V. Philosophical Interpretations of State Regulation in Moral Space……... 144

Fahrutdinova A. S. M. Weber's Texts in the Context of Forming the Ethics of Civil Servants…… 154

CULTUROLOGY

Donskaya E. V. Elkan O. B. Metavirtualism Takes the Place of Postmodernism…….....…. 161

Novak N. I. Functional Features of Cultural Tradition…….. 171

Shorkin A. D. A Game in the World of Everyday Life: the Erosion of Boundaries……. 178

Galina Mikhaylovna Temnenko (02.IX.1946–01.XI.2018)…….. 187

About the Authors ……..……. 193

Content ……..... 195